

Уильям К. Джадж и его «Путь»

Перевод с английского © 2007 г. Лора Лещинер. (Translation © 2007 Laura Leshchiner. All rights reserved.) Theosophical University Press Online Edition. ISBN 978-1-55700-189-4.

От переводчика: Эта работа включает материалы книги III «Писем, которые мне помогли» (*Letters That Have Helped Me*, Theosophy Company, Los Angeles and New York, 1946). Книга, а также предисловие (здесь сокращёно) составлены редакторами журнала «Теософия».

Содержание

Предисловие

Разговоры За Чайным Столом

Некоторые Высказывания У. Джаджа

Из Журнала «Путь»

Из «Английского Теософа»

Из «Ирландского Теософа»

Из «Тихоокеанского Теософа»

Из «Интернационалиста»

Из Журнала «Завеса Времени»

Несколько Писем У.К.Джаджа из архива

Теософской Ложи в Лос-Анжелесе

Лондонские и Парижские письма

Мистические Рассказы Уильяма Джаджа:

Странная История

Любопытная История

Змеиная Кровь

Магическая Завеса Времени

Вопрошающий Глаз

Галерея Истинных Лиц

Кожа Земли

Вращение Колеса

Где Были Риши
Приход Змея
Оккультная Повесть
Биографические заметки
Уильям К. Джадж (1851–1896)
О «Письмах»
Последние дни У.К. Джаджа
Е. П. Блаватская о Уильяме К. Джадже
Выдержки Из Писем Е.П.Б. О Джадже
Из писем к Джаджу:
История повторяется.
Воспоминания Учеников и Друзей об Уильяме Джадже
Высокая оценка У. К. Д. скульптором

Всем,
Кто нашел в творчестве Уильяма Джаджа
совет, руководство и поощрение
на каждом повороте и
для каждого обстоятельства жизни

21 марта 1946 года

Предисловие

Однажды Уильям Джадж сказал об одном из теософских эссе, что оно будет «полезным для учения, для опровержений, для исправления ошибок и для обучения справедливости». Ничто лучше не могло так коротко определить влияние творчества самого мистера Джаджа, касается ли это его журнальных статей или писем друзьям и сотрудникам по теософскому делу.

Несомненно, что простые, ясные слова мистера Джаджа достигают только тех сердец, которые открыты, ума пылкого и свободного. Он обращается, и это было его миссией, "к тонкому чутью тех, кто им обладает". И это к ним обращается мистер Джадж, более правдиво и доверительно, чем иногда кажется, если они искали чего-то другого, а не сути, или духовного присутствия Уильяма Джаджа, неотъемлемого от всего, что он написал.

Прошло пол века со времени, когда он покинул сцену "для какой высшей миссии, мы не знаем". То, что он написал по случаю смерти Е.П.Б., можно в свою очередь, отнести и к нему:

Нельзя забывать, что Е.П.Блаватская играла роль, которую невозможно оценить, невозможно правдиво объяснить миру, потому что он бы не понял. Только обладающие интуицией могли видеть только отблеск того, чем были её служение и усилия.

В эту книгу, включены "поскребыши" из журнала «Путь». Десять томов журнала были очень внимательно просмотрены, все цитаты из писем мистера Джаджа, длинные или короткие, собраны вместе. Несколько статей из серии "Разговоры за чайным столом" (серия написана Джаспером, под псевдонимом "Юлий") были воспроизведены целиком, настолько богат материал мыслями и высказываниями Уильяма Джаджа, а также для того, чтобы показать, как ученикам того времени помогали комментарии мистера Джаджа, чья личность скрывалась под различными ликами.

Статьи Джаспера часто сопровождалась выдержками "из писем друга", — а это всегда мистер Джадж, и потому несколько отрывков взято из этого источника.

Уильям Джадж никогда не гордился своим авторством и в своих работах для печати использовал много разных имен. Он был слишком поглощён работой по представлению человеческому уму идей, чтобы заботиться о том, кому эти идеи приписываются. Легко представить, что разговор с мистером Джаджем мог воспламенить гений писателя, и тогда реальное авторство статьи, написанной в итоге разговора, становится спорным вопросом.

Еще одна группа выдержек из журнала «Путь» — это высказывания "Квыкли" (как говорит Джаспер, это персонаж, под которым выступал мистер Джадж), представляет специфику его "метафизических опытов", которые, порой, несли глубокий смысл. В "Разговорах за чайным столом", как будет видно в дальнейшем, мистер Джадж давал много объяснений на тему снов и сновидений. В те дни в Теософском обществе было несколько "психиков" и среди них Джаспер. Статьи Джаспера помогли найти здравый смысл и правильное отношение к этим людям. Кроме того, эти статьи давали некое философское обоснование явлениям, происходившим довольно часто у некоторых, и, по крайней мере, однажды почти у каждого.

Письма, написанные Уильямом Джаджем в 1884 году из Лондона и Парижа, знакомят с очень важным для серьезно изучающих оккультизм временем его жизни. Он подвергает анализу свои испытания и даёт много намёков тем, кому когда-то предстоит пережить этот универсальный для всех опыт следования по Пути. Внешне могло казаться, что конфликты и суматоха того времени полностью дестабилизировали эмоциональное состояние мистера Джаджа. Но

существенное свидетельство, например, постоянное повторение того, что он *выстоит*, показывает, что его духовный центр ни разу не поколебался, несмотря ни на какие заботы и страдания личности. Другой аспект его духовной жизни, этого, очень важного периода времени, описан во второй части "Странной истории", в которой мистер Джадж рассказывает о своей встрече с Адептом в Лондоне и о полученных им инструкциях. Но больше всего эти лондонские и парижские письма подтверждают то, что было угадано имеющими интуицию читателями писем к Джасперу. Описывая проверки и испытания учеников, Уильям Джадж знал, о чём говорил.

"Истории" мистера Джаджа давно уже не печатаются и сейчас представляются на суд читателя в первый раз в формате книги. Эти рассказы правдивее аллегорий, потому что почти буквально повторяют историю самого мистера Джаджа. Они иллюстрируют, что он всегда пользовался псевдонимом, когда хотел представить утверждения, базирующиеся на собственных достижениях, а не на авторитете личности или влиянии автора. Читатель сделает правильно, если сочтет, что во всех таких статьях автор повествует о фактах и событиях, к которым имеет непосредственное отношение.

В ответ на вопрос одного из сотрудников журнала "Путь" о том, что будут делать без него ученики, как они сумеют справиться, когда он умрет, мистер Джадж сказал: "Обращайтесь к журналу "Путь", изучайте, что я писал там, и вы будете знать, что бы я делал". Письма Джаджа, как и другие, написанные им работы, несут в себе вечное водительство, которое могут дать только великие души, а указания, данные в них, также не стареют, как истины, от которых они произошли.

Как видимая краешком глаза сияющей, звезда мерцает и исчезает, если к ней приглядываться, так же и существо, называемое Уильямом Джаджем, бледнеет и мигает в обычном свете, поочерёдно ослепляя и изумляя тех, кто пытается закрепить его позицию в теософской галактике. Но также, как проясняются все вопросы, касающиеся реального и вечного Теософского Движения, или духа любого истинно теософского усилия, так, наконец то, прояснился и статус мистера Джаджа — руководителя, друга, учителя, ученика Адепта или Адепта. Это прояснилось не догматическими утверждениями, устойчивыми и надёжными теориями, личными свидетельствами и представлениями, но самой Теософией, когда её находит, изучает, понимает и твердо придерживается сам индивидуум.

21 марта 1946 г.

Разговоры За Чайным Столом

На прошлой неделе участники так называемого чайного стола были свидетелями странной дискуссии между Дидимасом и Квыкли. Раньше я не упоминал об этом человеке, чья необыкновенная сила воли немало

содействовала его психическому развитию, знаниям и опыту. Он сидел, разговаривая с дамами, когда вошёл Дидимас и обронил в его адрес:

— А, старый приятель, я только что был в твоём кабинете.

Ты имеешь ввиду полдень, когда ты ушел, чтобы пойти с мисс Полли на распродажу в Стюарте.

— О, я передумала, — сказала та.

— Конечно! Кто сомневался?, — сказала я и получила в ответ столь не редкий для женщин естественный и выразительный взгляд.

Обращаясь к Квыкли, Дидимас продолжал:

— Поэтому я вернулся обратно в твой кабинет. Было ровно 3:20 на Старом Тринити, когда я вошел.

— Я не уходил оттуда с 2 часов, — сказал Квыкли.

— Однако тебя не было, потому что я стоял у двери твоего кабинета и смотрел внутрь. Клянусь, тебя там не было.

— Дорогой приятель, в 3 часа пополудни я сидел у себя за столом, и у меня не было никакого определённого занятия. Мне надо было ждать ещё три четверти часа и я не поднимался с места до 3:40, после чего пришел сюда.

— Но как я мог ошибиться? Я миновал твоего секретаря, сидящего в приёмной, и прошёл прямо в твой кабинет. Это маленькая, освещенная ярким светом комната, почти без мебели, ни книг, ни шкафов. Твое кресло было пустым, я смотрел повсюду; даже кот не мог бы остаться незамеченным.

Квыкли молчал. Он слегка изменился в лице. Мужчины смотрели друг на друга; затем Квыкли переменял тему разговора. Не боюсь быть нескромным и могу утверждать, что обладаю сообразительностью гордонского сеттера относительно всего, что касается оккультного опыта. По законам чайного стола все случаи подобного рода, если обнаружались, становятся общим достоянием маленькой группы убежденных искателей истины. Поэтому я созвал собрание с тем, чтобы Квыкли объяснился.

— Что же, — медленно заговорил он, — в полдень Дидимас попрощался со мной до конца дня, потому что он собрался на распродажу. В 3:10 я занимался чтением сугубо личных писем, имеющих отношение к важным оккультным вопросам. Читая, я внезапно подумал о Дидимасе и у меня промелькнула странная идея, что он может внезапно вернуться и увидеть письма в моих руках. Я ведь довольно странный субъект в этом отношении, и мой ум был тогда в таком состоянии. Трепет ужаса, что он может войти и увидеть письма, охватил меня, и я мысленно представил себе глупую картинку, как я прячу их от его взгляда".

— Тебе не надо было этого делать, старый приятель, — сказал Дидимас.

— Я знаю, резко кивнув, ответил тот, — но всё, что случилось, прошло передо мной, пока я говорю с вами. Письма касались самых

важных вопросов моей жизни. В тот момент мне показалось невозможным, чтобы их увидели.

Волна сочувствия прокатилась по группе и было видно, что все понимали Квыкли.

— Я находился прямо напротив двери, — продолжал он, примерно в трёх метрах и свет был очень ярким. В 3:25 я закончил чтение писем. Никто не появился. Я написал письмо и в 3:40 пошёл прямо сюда. Я могу поклясться, что я не выходил из моей комнаты до 3:40 после полудня.

— Если бы жизни самых дорогих мне людей зависели от этого, я бы ими поклялся, что тебя там не было. В 3:20 я стоял у твоего кресла несколько мгновений, и твой клерк видел, как я входил и выходил.

Конечно, дискуссия об этом странном случае продолжилась, но факты оставались без изменений. Можем ли мы их объяснить? Я думаю, да. Мы знаем, что Адепты обладают способностью становиться невидимыми по своему желанию и что один из способов состоит в гипнотизировании наблюдающих для того, чтобы они не ощущали присутствия того, кто этого не хочет. Для этого необходимо *сознательным усилием воли* установить определенную вибрацию. Квыкли этого не мог, правильнее сказать, он не хотел, чтобы другие знали о такой его способности. Но чтение писем, касающихся высшей Сущности, настолько повысили вибрацию его тела и настолько усилили его психическое восприятие, что когда внутренний человек возвестил о приближении Дидимаса и эта мысль вошла в нормальное сознание Квыкли, желание быть невидимым стало настолько сильным, что, неосознанно, его душа эмитировала или использовала вибрацию, разрушившую нормальное состояние акаши, которая и привела к расстройству видения наблюдателя. Способность видения зависима от передачи оптическому нерву определенной вибрации, а это и было желаемо. Много таких случаев происходит с теми, чья психика постепенно раскрывается, и, при хорошем свидетельстве, как в этом случае, может служить полезным уроком для других учеников.

— *Из журнала «Путь», май 1887 г.*

Даже Квыкли, мрачный и саркастичный, был заморожен наступлением лета. Он пишет: «С форелью дела идут сносно, спасибо приятель. Но у меня был совершенно необыкновенный нервный шок, послуживший мне на пользу. Трясаясь в одном из этих мерзких вагнеровских вагонов, я увидел большие провалы в тех местах речного берега, где произошли оползни. Я стал напряженно думать о них, сильно желая понять их причину, и обнаружил *себя* на берегу, около одного из них. Внезапно в противоположном направлении поезду, который оставило моё астральное тело, пошел «лимитный» состав. Это ошеломило меня, я испугался и не знал, что делать. Хотя поезд не мог ударить меня физически, он всё же ударил меня в лицо — *я почувствовал, как его фара сильно толкнула меня в голову!* О боже! Этот

толчок стремительно бросил меня обратно в моё тело (в моем поезде). Я почувствовал нервную дрожь и шок, от которого не оправился до сих пор. Видишь, какая опасность таится в оставления тела для необдуманных целей, до того, как достигну полное равновесие и сосредоточение. Правда и то, что я оказался вне тела прежде, чем я осознал это, но оккультист всегда должен знать всё происходящее. Я знал, что ни одна катапульта не может повредить или рассеять эти тончайшие молекулы. Самое большое, что можно сделать, — это пройти сквозь них. Но иллюзия материи была настолько сильна, что я совсем растерялся из-за волнения. Даже мистики совершают ошибки! Скажу тебе Юлий, это был урок для меня».

— *Июль 1887 г.*

Однажды ночью Квыкли приснилось, как будто он вышел на соседнюю улицу и увидел, что у нескольких домов появились открытые веранды и двери из вишневого дерева. На следующий день он пошёл туда, но не увидел никаких изменений. Через месяц во всех этих домах появились те изменения, какие он видел во сне — новые веранды и двери из вишневого дерева. Какое-то время он постоянно видел в астральном свете голубую дверь, которая стала предметом подшучивания над ним за *чайным столом*. Теперь он ликующе пишет: «Та голубая дверь, о которой я говорил тебе, оказалась явлением второго зрения. Дверь в доме напротив, которую я вижу каждое утро и каждый вечер, претерпела сильные изменения. Я верю, что видел картину как раз тогда, когда у хозяина возникла мысль перекрасить её через несколько месяцев. Его мысль и решение оставили в астральном свете яркую картину, которую я и видел. Так и произошло. Большинство людей почти каждый день решают, что они будут делать через несколько недель. Таким образом эфир всегда полон подобных картин. Мы видим хорошо вообразённые вещи, которые вскоре должны осуществиться».

— *Август 1887 г.*

Недавно, обсуждая тему картин будущих событий в астральном свете, в разговоре за *чайным столом*, Квыкли прекрасно ответил на нервные вопросы некоторых леди относительно таких «предзнаменований», как видения чьей-то смерти или похоронной процессии. Он сказал: «Конечно, они представляют собой некую смесь, кроме мыслей в них есть и другие элементы. Но причины «предзнаменований» уже должно быть существуют. Если у моих родственников уже есть ясная, общая идея, как меня похоронить (леди передернули плечами), то всю эту сцену может внезапно легко увидеть человек в напряжённом нервном состоянии. Кроме того, в большинстве случаев, цепь аналогичных причин всегда производит похожие результаты или картины. Душа, имеющая громадную возбуждающую силу, может начать со знакомого случая; его результат становится причиной другого случая. Человека, который не думает, а действует вслепую, всегда можно направить по известному и легко

предполагаемому пути, таким образом все эти детали можно рассчитать в момент и увидеть событие далекого будущего. В некоторых случаях это проявляется как дополнительная способность заранее производить расчет, которым владеют многие. В жизни есть различные методы, которые показывают, что всё это реально. В качестве примера можно взять метод наименьших квадратов и другие».

— *Сентябрь 1887 г.*

Один любознательный пишет: «Я хочу рассказать тебе о небольшом опыте, который имел место на прошлой неделе. Я назову это сном, однако он не похож ни на одно из моих прежних сновидений. Это произошло ночью, и я думал, что настоящий я стоял у кровати, глядя на очертание своего спящего тела. Вся комната была освещена, но это было не похоже на солнечный свет. Этот свет исходил из неопределенной точки, он не давал тени, казалось, что он распространялся или проникал во все вещи в одинаковой степени. Он не имел цвета, подобно солнечному или свету газовой лампы, он казался белым или серебристым. Всё было чётко видно: мебель, сетка от комаров, щётки на туалетном столе. Я точно узнал очертания тела на кровати. Оно лежало в обычной позе на правом боку, правая рука была под подушкой — моя любимая поза. Мне казалось, что я видел это более ясно и точно, чем обычное отражение в зеркале, являющееся отражением плоской поверхности. Здесь я видел плотный объект, так же как вижу других людей, и, кроме того, я мог наблюдать дыхание. Это длилось не более 30 сек., но достаточно, чтобы увидеть тело, выражение усталости на лице, заметить особенность света, как было описано ранее, и какие-то вещи в комнате. Затем всё рассеялось, после чего, спустя какое-то время, точно не знаю, я проснулся. Был день. Являлось ли это сном, или то, что я помню, было частью экскурсии моего астрального тела, а свет, который я видел, был астральным светом?».

Этот любознательный получил такой ответ: «Я думаю, что то, что ты видел, было воспоминанием о том, что действительно произошло. Твоё астральное тело вышло, как это обычно происходит, и посмотрело назад, на плотное тело. Но более чем вероятно, что всё, что ты видел, случилось, когда ты возвращался в свое физическое тело, и потому длилось так недолго. Мы точно помним только то, что ближе всего по времени. Думаю, что астральный человек вышел, когда ты заснул и затем, при возвращении к бодрствованию, ты удержал воспоминание о последних нескольких секундах. То, что ты видел и о чём думал какое-то время до того, не забывается. Оно погружается в верхний или подсознательный или сверхсознательный разум, из которого процеживается в мысли бодрствующего состояния. Чтобы помнить, что случилось во время сна, надо быть сознательным провидцем. Поэтому нам достаются только эти бесполезные проблески нашего возвращения в тело.

В глубоком сне без сновидений мы выходим в другие сферы и

состояния, откуда получаем идеи и т.д. и обратная дорога идёт через много разных состояний со всеми их обитателями и препятствиями. Кроме того есть два пути подниматься и опускаться: прямой и не прямой. Поэтому много теряется и путается на этих двух дорогах. Я говорю не о фантазиях, а о реальности.

Надо быть терпеливыми, ибо требуется время, чтобы понять, как совершаются подобные прогулки, кроме того много времени тратится на то, чтобы удержать информацию о них. Очень многое зависит от чистоты мыслей, побуждений и широты взглядов».

— *Октябрь 1887г.*

Квыкли мог рассказать сны и получше этого. Обычно, он рассказывает нам один из лучших, но я не знаю никого, кто завидует ему, по крайней мере, его оккультным приключениям.

Он жил тогда в Нью-Йорке и у него был знакомый, которого лучше знала семья его дяди. Квыкли поехал в Вашингтон и поселился в частном доме на

R. Стрит. На вторую ночь после приезда ему приснился сон, что он дома, в

Нью-Йорке. Ему снилось, что вместе с вышеупомянутым приятелем и своей умершей сестрой он собирается войти в свой дом через подвальный этаж. При входе приятель опёрся рукой на выступ крыльца, которое сразу же обрушилось и полностью закрыло его. Все участники сна были сильно огорчены случившимся. На следующий день Квыкли записал сон в дневник и больше о нём не думал. Поскольку он не писал домой, то ничего не слышал об этом человеке. Но по приезду в Нью-Йорк узнал, что этот знакомый неудачно упал, и это привело к обострению старой болезни. Он умер в ту ночь, когда Квыкли приснился этот сон. Профессор слушал с выражением: «Не сомневайтесь, я знаю об этом всё». Когда Квыкли закончил, он заметил, что причиной сна несомненно были события жизни джентльмена, которые быстро пробегали через его умирающий разум. В тот момент, когда он подумал о своём знакомстве с Квыкли, это воспоминание вызвало вибрацию, передавшуюся Квыкли и послужившую причиной сна. Вибрация достигла его очень быстро, поскольку, находясь в этот момент во сне, физическое тело было пассивным. У меня нет сомнений, что его объяснение правильно для всех аналогичных случаев.

— *Март 1888 г.*

На другой вечер Студента (к этому времени имя Квыкли больше не использовалось, и с этих пор о мистере Джадже упоминалось как о Студенте или X.) умолили сказать что-нибудь о снах и сновидениях.

«Мы должны уметь делать между снами различие, — сказал он, — и не относится к ним с пренебрежением, хотя множество снов представляют собой глупость. Если мы будем надеяться на сны, то самое малое, что произойдёт — мы станем по-настоящему суеверными и уязвимыми для дружеской критики. То, что почти все люди видят сны,

является чрезвычайно важным фактом. Потому что в этих снах, глупых, печальных, мрачных или предсказательных, есть эго, личность или индивидуум, который испытывает перечисленные чувства и помнит их потом. Во сне и наяву мы испытываем похожие ощущения и знания. Кто это такой, кто чувствует, страдает и радуется — это вопрос. Об этом мы должны подумать. Но, поистине, желательно научиться понимать смысл своих снов, потому что редко найдётся человек, если вообще есть такой, кто может рассказать смысл сна другого человека».

— *Май 1891 г.*

Студент заметил: «В общем люди не понимают снов, а большинство из них мы забываем через пять минут бодрствования. Но Иов сказал правду, что во снах человек получает наставления. То, что это были дневные грезы (дискуссировался сон Епископа), ничего не меняет в этом случае. Бульвер -Литтон (английский писатель, автор мистических романов. — Перев.) показывает, что первые посвящения приходят в снах. Они почти всегда символические, потому у внутреннего человека нет языка, подобного нашему. Он видит и говорит картинками. Его мысль выдаётся картиной, а нам нужно запечатлеть ее и запомнить. Каждая картина модифицируется меняющимися методами нашего дневного мышления. У твоего друга хорошие сны, и он их правильно интерпретирует. Если бы мы действовали согласно тому, чему нас учат сны, в которых есть высокие побуждения, тогда, поощряя нашего внутреннего сновидца, мы бы чаще получали наставления. Епископ импульсивно немного презирает своего родственника, который слишком практичен. Но даже тот видит сны, а следовательно, испытывает замечательный опыт сновидения. Наши сны представляют для нас, бодрствующих мужчин и женщин, возможность жить так, чтобы наш внутренний человек мог легко говорить с нами. Необходимо привыкнуть к новому приятелю или говорить и мыслить на чужом языке. Подобно этому, начав с большой неразберихи, можно, в конце концов, достичь понимания наставлений. Этот сон — урок для всех: поскольку мы все разные, то каждому своим способом он помогает скинуть с себя пути личности и оставить все страхи. Но мы ничего не можем сделать, пока не очистимся. Успех придет по мере очищения».

— *Март 1892 г.*

Как-то недавно Профессор сказал:

— Что хорошего в снах, есть ли какая-либо польза уделять им хоть малейшее внимание? Мне снилось, что утка, которую мы недавно ели за обедом, выросла до размера слона и угрожала мне своей перепончатой лапой. Это, действительно, было ужасно.

— О, — сказал Студент, пристально смотревший на Профессора, — это было ужасно? Разве для вас ничего не значит сам факт, что кто-то приведен в ужас воображаемой уткой?

— Это было изображение моего ума, — ответил Профессор.

— Да, поистине так, это был образ, который произвело плохое

пищеварение; но вы игнорируете огромный факт, связанный с образом. Важно то, что эта несуществующая утка привела в шок внутреннего наблюдателя. Человек с чувствами, в результате которых тело сжалось от опасности — так называется это чувство наяву — тот же человек с теми же чувствами, которые были в ужасе от утки во сне.

— В самом деле, — признался Профессор, — я никогда думал об этом в таком свете. Вы думаете, что даже в этом глупом примере я получил внутренний, показанный сновидением опыт моего действительного существования и функционирования, как истинного внутреннего человека?

В этом месте его прервала Вдова, задержавшаяся в городе по пути к морскому побережью:

— О, Профессор, вы, по крайней мере, хоть чему-то учитесь. И потому не будете слишком смеяться над моим сном о новой шляпке.

— Расскажите.

— Мне снилось, что я примеряю новую шляпу перед зеркалом и думаю о том, как удачно, что мне первой досталась шляпка нового фасона. В это время вошла леди Илинор, которая сразу позеленела, завидуя моему успеху.

— Да, заметил Студент, — это точная противоположность его слоноподобной утке. Плохое пищеварение не было причиной вашего сна, и он был приятный. Он удовлетворял вашу любовь красиво одеваться, смешанную с желанием опередить всех других женщин, замужем они или нет. Внутренний наблюдатель принял на обсуждение принесенное вашим разумом и приятное для него событие. Но он не видит материальные предметы. Он познает только идеи предметов, представленных либо бодрствующими чувствами, либо разумом в снах. Мыслитель смотрит на эти идеи. И не важно глупый сон или нет, главное, что кто-то воспринимает его. Наяву мы в такой же степени ополчаемся на глупость, как и в снах. Мы называем это опытом, полезный он или бесполезный, касается ли он вещей великих или мелочных. Зачем нам отказываться использовать опыт, полученный в состоянии сна? Ведь человек, раздумывающий над этим опытом, один и тот же, независимо от того, получен ли он в бодрствующем состоянии или от движения его собственного разума во сне.

Какое-то время Профессор выглядел серьезным, а затем сказал:

— В какой-то мере вы ответили на вопрос, но как понимать сны другого сорта? Все ли они одинаково глупые и годятся только для упомянутого вами использования?

— Нет, не все одинаковы. Но существуют сновидцы и *сновидцы*. Не каждый человек истинный сновидец в древнем смысле этого слова. Некоторые сны — это ночные видения. В них истинный человек видит много фактов жизни, истории, семьи, нации. В этом состоянии он не скован телом и сразу делает заключения. Он может видеть приближающуюся войну, поскольку он видит все факты, которые

должны привести к войне, и поэтому оставляет в уме отпечатки картин сражения, армий, знамен. Поскольку ни один факт не происходит без предшествующей причины, он может также воспринять приближение отдельного события, касающегося его самого или других людей. Он смотрит на причины, немедленно рассчитывает результат вплоть до точной даты, а затем бросает эту картину в воспринимающий мозг. Если был он был королём и, в то же время, хорошим сновидцем, его сновидения имели бы отношение к королевству, и потому были бы более важными, чем сны крестьянина. Но иногда такие сновидцы — незаметные люди, хотя им снится то, что имеет отношение ко всему королевству. Каждая идея, исключая чисто математические, представляется уму не словами, а картиной или драмой. Однако часто мозг искажает картины, и, как следствие, делает их непонятными.

Иногда нам снятся люди, которых мы не знаем среди живых или умерших, либо среди тех, которые когда-нибудь жили. Такие сны могут объясняться тем, что наш внутренний человек во сне встречается другого внутреннего человека, которого мы знали в предшествующей жизни и которого не можем узнать, имея опыт мозга только этой жизни. Но они — не абсурд или воображение.

Есть ещё и сны, которые часто снятся тем, кто стремится жить высшей жизнью и развивать свои внутренние способности. Наблюдатель в таких снах часто подвергается атакам и преследованию. Это борьба между высшей и низшей природой, в которой ужас, иногда, появляется вследствие того, что ему кажется, что старые страсти и стремления берут верх. Этот страх производит картины преследования или сражения, и сновидец просыпается в состоянии, которое обычно называется кошмаром. Если устремление к высшей жизни продолжается, но нет соответствующих изменений в дневных мыслях и действиях, сны будут повторяться, отличаясь друг от друга деталями. Они прекратятся только тогда, когда прекратится борьба и произойдёт либо возвращение к низкому поведению, либо, если сражение выиграно, поворот к более высокому курсу жизни и мыслей.

Профессор поблагодарил Студента, обещая в следующий раз задать ему новые вопросы. Затем мы все собрались в другой комнате обсудить частые теософские предсказания о том, что наша эгоистичная цивилизация, непременно, вовлечет общество в очень серьезные испытания.

— *Сентябрь 1892 г.*

Я только что закончил чтение вслух письма, присланного недавно с Запада одним из участников *чайного стола*, когда прибыл Профессор и увидев Студента, сидящего в конце стола воскликнул: «О, мой дорогой приятель, ты как раз тот, кого я хотел видеть. Недавно, когда ты говорил о снах, у меня появилось много новых идей и я думаю, что на этот раз загоню тебя в тупик».

Все мы сразу же заинтересовались перспективой, что Студент может

оказаться в тупике. Редко удавалось заставить его отступить, потому что обычно он ждал, чтобы ты сказал всё, что хочешь, а затем поворачивал предмет такой стороной, что его ожидаемое поражение становилось твоим Сидановым днем (день поражения армии Наполеона в битве при Сидане. — Перев.). В этот раз он посмотрел прямо на Профессора и лаконично заметил:

— Письма и их предвестники, я полагаю.

У Профессора «отвалилась челюсть» и я тогда уже знал, что наш дорогой Студент снова поставил в тупик очередного человека. А в это время голос Вдовы шептал мне на ухо: «Я видела голубой свет, исходящий из его глаз, когда старый “Проф” только заговорил».

— Ха, — воскликнул Профессор, — это точно, хотя я даю этому не совсем такое название. Но откуда вы знаете? Невероятно, это была только догадка! А вопрос такой: обязательно ли есть какая-нибудь связь между моими мыслями и письмом, полученным от человека в тот же день или в тот же час когда я думаю о нём?

— Может быть, а может и не быть, — был ответ. Как сказать! Возможно здесь существует такая же зависимость, какая существует между тем, что мы слушаем читаемое нам письмо, а Вы приходите как раз в этот момент, и я, путём догадки, как Вы говорите, определяю Ваш ко мне вопрос. Близкая связь достаточно возможна и существует во многих подобных случаях. Вы слышали суеверие о, так называемом, «предвестнике» в Шотландии и других странах? Нет, Вы не обратили на это внимание? Что ж, они думают, что у некоторых людей есть то, что они называют «предвестником». Часто это мимолетный образ человека, который появляется в доме или месте, куда его оригинал, на самом деле, направляется. Он не говорит, но как бы дает предупреждение о приближении этого человека. В других случаях это стук или несколько стуков, посланных вперед подобно курьеру. Это не предсказание смерти, а всего лишь предвестник, собственный интимный вестник человека. Ну вот, также и с письмами. У них есть их предвестники, которые путешествуют впереди писем, некоторые на много раньше, другие — довольно близко к письму. Это как бы отпечаток ауры, а аура полна свойств писавшего и ей дан импульс и направление совершенно определенными мыслями и идеями корреспондента тому человеку, которому письмо адресовано. Но это проповедование, а я не хочу монополизировать вечер.

Все вдохнули, потому что это было как раз то, что мы обсуждали однажды, в отсутствие Студента. И теперь он, к нашей общей досаде, предлагал прекратить объяснение в самом начале. Раздались возгласы: «Продолжайте, это ведь не чай в Обществе. Вы можете говорить весь вечер».

Лицо Профессора говорило «Я вытащу из тебя всё», когда он спросил:

— Вы имеете в виду, что определенные предметы, такие, как

например, письма, имеют свою сферу, обладающую свойством расширения, путешествующую впереди предмета, которая сталкивается с чувствительной сферой того человека, кому они адресованы. При этом столкновении она производит в уме индивидуума впечатление, образ или мысль писавшего, это верно?

— Совершенно верно, — летящий взгляд Студента сообщал мне, что именно он остановился для того, чтобы Профессор высказался, сплетя паутину из привычного ему набора собственных слов, быстрее воспринимаемых его мозгом.

— Существование ауры вокруг предметов, особенно тех, которые принадлежат человеку доказано. Письма не только имеют её в соответствии с общим принципом, но представляют собой особый случай из-за того, что тот, кто их пишет, концентрируется на выражении мыслей, слов и своих чувств. Они остаются в послании до некоторой степени подобно тому, как масса сжатого воздуха путешествует с пулей или пушечным ядром. Последнее сейчас хорошо известно по мгновенному фото подушки сжатого воздуха и пули, которые точно воспроизведены на фотопластинке. Можно сказать: то, что годится для обычной физики, также подходит и для физики реальной. В некоторых случаях я измерял время, необходимое предвестнику чтобы достичь меня, и обнаружил, что, часто, для этого нужно один день, что значит, в одном случае это было расстояние в 500 миль, а в другом 1000 миль (1600 км).

— Кроме того, конечно, — сказал я, — вся эта личная аура пишущего несет в себе идею или картину друга, не так ли?

— Да, так происходит со всеми нашими мыслями, мы прочно прикрепляем их к письму в то время, когда пишем его. Тогда вся его аура проникнута нашим образом, и когда мозг получает её, этот образ воспроизводит идею того, кто писал письмо. Некоторые чувствительные люди частично узнают таким образом содержание письма, которое должно прийти, но, в большинстве случаев, оно слишком неопределенное. Я думаю, что телепатия и чтение мыслей дают нам совокупное доказательство всего сказанного.

В этот момент, как нельзя более раздражающе, раздался звонок дверного колокольчика, извещающая о приходе посторонних посетителей. Выходя, Профессор и Студент дали друг другу слово встретиться, чтобы продолжить разговор.

— *Октябрь 1892 год*

Редактор дал мне посмотреть наброски статьи о докторе Андерсоне, в которой моё внимание привлёк факт, что тот никогда не учился грамматике. Об этом сам доктор подробно рассказал редактору, а тот рассказал мне. До четырёхлетнего возраста он не учился ничему. Когда его родители стали думать об образовании ребёнка, они обнаружили, что он читает. Он не мог объяснить им, каким путём получил это знание, он просто знал и все. Это очень интересный случай, один из многих

подобных, которые можно было бы собрать, если бы мы искали их. Я рассказал эту историю за чайным столом. Студент сказал, что у него был аналогичный опыт в этой же области:

— Я не был рано развившимся или тупым, я был обыкновенным ребенком. Поскольку меня послали в школу в раннем возрасте, учебник грамматики вызывал во мне ужас и занимал все мои мысли. Я не успевал в учебе и был последним в классе. Однажды я был особенно раздражен этим и после целого дня размышления сильно огорченный и обеспокоенный, пошёл спать. Я заснул очень глубоким сном, а когда проснулся утром, моей первой и вполне определенной мыслью было то, что теперь я могу правильно писать слова, и мне никогда не надо будет снова смотреть в эту несчастную книгу. В это время мне было около семи лет. Я оставил дома учебник и пошёл в школу, где знал правильные ответы на все вопросы. Никогда больше я не изучал грамматику и сейчас могу писать правильно все слова, за исключением очень редких и особенных".

— Как такое могло произойти? - спросила Вдова. Что это было — ваше астральное тело или *майявируна* (санскр., иллюзорная форма)?

Студент улыбнулся тому, как в высшей степени небрежно, она применяла термины, и сказал, что у него нет ни малейшего сомнения в том, что это было использование опыта старых знаний из другой жизни. Он признался, что это наиболее примечательный из всего пережитого им опыта, который он никогда не мог забыть и в природе которого сомневался меньше всего. Подобное случалось с ним и раньше. В одном случае ему, маленькому мальчику, дали миссионерскую книгу, которая изображала индусов несчастными черными людьми, наподобие дикарей. Он взял её домой, просмотрел, а затем, внезапно почувствовав гнев, швырнул ее на пол, говоря, что это ложь. Впоследствии он выяснил, что был прав, однако тогда, когда это случилось, у него не было возможности знать что-то об Индии или об индусах, и он мог опираться лишь на предвзятые рассказы и заинтересованных людей.

Всё это время Профессор был очень серьёзен. На его лице не было обычной усмешки. Студент и я начали думать, что его скептический ум чем-то занят. Мы спросили, что он думает обо всём этом.

— Что ж, — сказал он, — я вынужден принять предложенное объяснение, оно, определенно, передает очень необычный внутренний опыт. Я едва могу отнести это к области воображения, поскольку для этого нет основания и, кроме того, воображать — не значит знать. В случае со Студентом есть хотя бы с чего начать, поскольку он начинал изучать грамматику, но что касается случая с Доктором — здесь нет абсолютно никакого основания. Могут ли клетки тела передавать такую форму знаний как умение правильно писать слова?

В этот момент все мы, даже Вдова, засмеялись, потому что мы видели, что Профессор, подобно многим другим своим собратьям, совсем загнан в угол и не знает, как из него выбраться. К нашему

изумлению Студент пришёл ему на помощь, говоря, что нам не следует смеяться над Профессором, потому что его объяснение попало точно в цель и что он только продолжит его. Клетки тела имеют такую способность, но она скрыта и не может обнаружиться до тех пор, пока Эго, внутренний человек, не вытащит наружу ранее оставленное впечатление. А это невозможно, пока Эго в теле не прошло через попытку выявления похожего набора впечатлений. Это значит, что между физической коллекцией атомов и внутренним человеком, должно быть взаимодействие и взаимоотношение. Если последний был, скажем, когда-то знатоком английской грамматики и масса атомов, составляющая тело, также использовалась теми, кто были хорошими знатоками грамматики, тогда возможно, что этот человек сможет использовать старые знания. Это приводит к пониманию, что, в любом случае, воспоминание того, что мы однажды изучили существует, но оно всегда зависит от физического инструмента, который мы используем в этот момент. Профессор почувствовал облегчение, а все мы были так заинтересованы выяснением этого вопроса, что забыли о том, кто его поднял.

Те случаи, которые, кажется, противоречат сказанному, на самом деле поддерживают эту версию. Взять семью великого музыканта Баха. Его наследники, определенно, были хорошими музыкантами, но не такими, как он. Постепенно, его великие способности улетучились из семьи. Поначалу кажется, что это отрицание идеи, но если вы вспомните, что Эго должно иметь в себе эту способность, вы поймете, что хотя Бах мог оставить атомы с музыкальным впечатлением, новые Эго, приходящие в семью, не были способны использовать возможности инструмента, поэтому он не звучал так, как раньше. Это большой урок кармы и Всеобщего Братства, если посмотреть на эту идею правильно. Карма данной семьи привлекает к ней Эго с другими способностями, а они, используя атомы семьи, дают им новое и другое впечатление, а также тенденции до тех пор, пока Эго, привлекаемые в семью одно за другим, наконец, оказываются лишенными таланта. То же самое в отношении добродетели. Следовательно, в то время как мы живем и действуем, мы либо повышаем, либо понижаем себя относительно общих стандартов. Это так же, вне всякого сомнения, настоящая причина того, почему древние настаивают на чистоте фамильной линии. В то же время это причина для смешения многих рас с целью создания новой расы, что, как мы видим, и происходит здесь, на нашей Земле.

— *Апрель 1893 г.*

Глаза Профессора, сидевшего с сигарой в руке и наблюдавшего за поднимающимся витком дыма, потемнели от мысленного напряжения. Я знал, что он только что видел X, ведущего теософа оккультного направления, и ожидал какой-нибудь информации, которая через него может проникнуть в мою скромную личность. В данный момент, мечтательно, как бы вещь из сказочной страны, Профессор заметил:

— У нас было много кризисов, но этот, определенно, был самым большим.

— О чем вы говорите, Профессор?

— Я говорю о том, что Е.П.Б. оставила своё физическое тело.

Можно было предположить заранее, что этот внезапный уход причинит нам вред. Но, фактически, бедствия воздействуют на Теософское общество в обратной пропорции. Большее (очевидное) несчастье оборачивается большой равнодействующей добра. Чем сильнее удар, тем сильнее наша ответная реакция. Все атаки, все, так называемые, обличения и потери просто убирают препятствия создаваемые слабыми и колеблющимися последователями. Нет ни одного примера, что очевидная потеря нашего лидера парализовала активность рабочих групп в Индии, Англии и Америке. Каждый день мы обретаем свидетельства роста во всех направлениях. Пресса открывает нам свои, на зависть ревностно охраняемые, двери. Практическая работа Теософского Союза завоевала для нас симпатию публики. Везде происходят внезапные вспышки энергии и новой жизни. X говорил об этом сегодня.

— Что он об этом говорит?

— Мы говорили о Е.П.Б. и он сказал, что, как он понял, она (Адепт) тратила огромную энергию — *vis viva* (энергия движущегося тела, зависящая от его массы и квадрата скорости его движения) на то, чтобы задержать смерть тела, каждая молекула которого стремилась к разрыву. В результате, только подумайте о задействованной для этого сцепляющей силе, об огромном трении в центрах мозга, уже изношенных болезнью! X говорит, что они были настолько повреждены, что ей грозило старческое слабоумие. Должно быть *ей* казалось, что будет лучше позволить этому телу развалиться, как только представиться подходящий случай.

— Ваши последние слова очень сомнительны.

— Да, это так. И мы верим, что некоторое время Е.П.Б. будет занята подготовкой нового инструмента, не слишком молодого, который мог быть бесполезным в условиях теперешнего очередного кризиса. X не претендует на то, что у него есть право утверждать это, но некоторые её высказывания и, возможно, то, что я могу назвать посмертными фактами, подтверждают его правоту. Конечно, она всё оставила в порядке. Всё было запланировано, и есть множество свидетельств, подтверждающих, что она знала, что ее уход близок. Однако, X сказал, что если считать её Адептом, чья главная работа делалась вне физического тела, то будет разумно допустить, что сейчас она может использовать на высших (или внутренних) планах существования, силу, которая ранее тратилась на поддержку этого тела.

— Думает ли он, что теперешний теософский рост можно отнести за счёт этого факта?

— Только отчасти. Как видите, он верит, что её внимание, в основном, занято новым инструментом. Но с его точки зрения, те, кто

занимаются этим вместе с ней, и ее помощники, естественно, предложат руку помощи в её отсутствие, особенно если Теософское общество, как ассоциация, позовет их на помощь.

— Что вы понимаете под *позвать их на помощь*?

— Я думаю, что объединенный импульс большой группы искателей истины, особенно, если они работают для человечества, привлекает помощь нужную для духовных усилий. Вообразите это как большой поток энергии, выходящий в космос и возвращающийся обратно, пополненный всем аналогичным, что привлекается к нему по пути. Это само по себе может быть источником силы. Её раз, рост, в основном, произошёл благодаря предвидению Е.П.Б. Сейчас теософы могут выстоять *одни*, и они преуспели в этом, благодаря тому, что как бы *остались* без поддержки. (Слова «одни» и «остались» имеют относительный смысл.) Так же, как если дать малышу самому научиться ходить, это послужит ему на пользу, даже несмотря на падения. Таков путь нормального, здорового роста в каждой области природы.

— Все это звучит довольно рационально.

— Мой дорогой Сэр! Нет ничего более рационального, более здорового чем теософия. Она подобна волшебной палочке, воздействующей на 10 миллиардов перьев десяти тысяч разных видов. Все факты жизни разлетаются в правильно организованные груды.

— Вообрази как публика могла бы реагировать на такое заявление!

— Публику хорошо определил Карлейль, сказав, «так много миллионов — в основном глупцов». Скажи, какая истина, какое изобретение не было отвергнуто их насмешками. Не надо быть банальными. Все теософские истины, все аксиомы оккультизма, если я могу так выразиться, — апофеоз здравого смысла. Когда ты видишь нехватку его — будь настороже. Можешь быть уверен, что без него знание дефектно, ошибочно, плохо усвоено. Это касается каждого человека, психика которого выше ординарной, каждого, кто видит, и каждого, кто слышит. Что значат их таланты, если они не сопровождаются пониманием вещей ими видимых и слышимых? «Сын мой, приобрети знания, но прежде всего приобрети понимание». Нужно иметь способность растолковать. Вопрос, как?

— Я не могу сказать. Разве ты не спросил Х?

— Спросил.

— Изучением этики, — ответил он. «Бхагавадгита» показывает путь.

В этой науке, заявил он, дух и природа, или чистота и истина, или этика и закон — одно и то же. Внутреннего человека можно рассматривать как массу сил. Каждая сила — это «открыватель Двери» к плану, из которого она выявляется в природу. Сила низшего астрала, или психофизиологическая, открывает дверь только к этому плану. Это происходит частично через действия и взаимодействия в клетках и молекулах тела. Она воздействует на соответствующий принцип в каждой клетке.

— Нельзя ли объяснить более детально, Профессор?

— Предположим я способен вызвать в оптическом нерве частоту вибрации, которая делает его способным воспринимать жёлтый цвет. Как я делаю это? Я делаю то, что делает природа. Она представляет нервам установленную вибрацию, и они тотчас же телеграфируют мозгу впечатление жёлтого. Что вы назовете реальностью как таковой — впечатление или частоту вибрации? Я вызываю (если могу!) ту же степень вибрации в нервном флюиде, и мозг снова регистрирует жёлтое. Если я продолжу это действие, как тут же нервная аура внутреннего человека будет в синхронном действии и взаимодействии с целым планом существования — назовите это низшим планом жёлтого луча, и всё, имеющее отношение к этой степени вибрации, на этом плане воспринимается.

Те части определённых вещей, которые не имеют отношения к этой вибрации остаются невидимыми. Так возникает частичное знание. Это абсолютная истина: вы видите только то, что *вы есть*.

— Я начинаю понимать.

— Опять-таки, заметьте, что у каждого плана имеется его активный и пассивный аспект, его принципы, его подразделения и их подразделения. Только силы высшего плана способны открывать дверь в ещё более высокий план. Что определяет эту разницу в силе?

— О, это должно быть трудный вопрос.

— Мысль определяет это. Побуждение определяет это, потому что побуждение определяет качество мысли. Через побуждение мысль становится сжимающейся или расширяющейся. Хорошо известно, что мысль воздействует на ассимилирующий процесс тела. Это всегда признавалось терапией. Введение высших, более высоко духовных вибраций в *тайные* центры мозга не только открывает их влиянию высших сфер, но также влияет на селективные действия всей сферы. Во время вдоха и выдоха внутреннее нервное тело расширяется и сжимается движением эфирного или астрального посредника. Его вибрация убыстряется действием мысли, и эта, более быстрая вибрация, задерживает вхождение более грубых частиц эфирной субстанции, являясь также причиной втягивания бесконечно утончающихся потоков Мировой Души. Высший интеллект каждого атома открывается, как выманенный из почки лист на ветке. Дж.Кили (Дж.У. Кили (1827–1898) — американский изобретатель. — Перев.) намекает на один из методов, которым это можно сделать.

— Ты имеешь в виду его открытие того, что произведение аккорда в любой заданной массе разрывает молекулярную ассоциацию этой массы и освобождает тонкие энергии, которые бесконечно более динамичны, чем предыдущие?

— Именно это. Урок можно продолжить дальше. Ты говоришь, что он производит аккорд в любой заданной массе, и в результате получается вибрирующее целое этой массы. К тому же, если мы хотим

войти в какой-то план, это значит также, что мы должны воспользоваться силой, которая гармонична этому плану. Легко говорить об этом, но кто среди нас может сделать это? И когда у *психика* это случайно получается, то он видит только частичные результаты, только то, что соответствует его способности, и не больше. Поэтому так часто говорят: *«Знание человека должно быть его жизнью»*, и, не прожив, он не может знать. Он сам должен быть этой высокой вибрацией; он сам должен стать этой «забытой истиной». Ученик может приблизить понимание того, что он видит, путём долгой тренировки в умении создать такие силы в себе самом, силы, которые, чтобы открыть чистое, должны быть абсолютно чистыми. Иначе психические опыты причиняют большой вред. Они занимают место мыслей; они сдерживают разум, как колючки на кустах сдерживают овец. И именно поэтому «Голос Безмолвия» советует ученику бежать из коридора знаний, где «под каждым цветком свернулась астральная змея».

— Значит хорошо уметь показать, что в таких вещах есть здравый смысл?

— Определенно, если ты хочешь принести пользу разуму. Я всегда обращаюсь к природе для объяснения оккультных истин.

— В таком случае, проводя параллель, мы можем сказать, что так называемая смерть мадам Блаватской привела теософские умы к общему фокусу — решению продолжать её работу. Это единство усилий, направленных на высшие цели, возбудило большой объем энергии, льющейся в общий центр и из него.

— Да, и результат этого действия сейчас виден в двух аспектах. Первый, в увеличении активности, о которой ты сказал, и второй, в частичном открытии дверей на высшие планы.

— Из чего сделано такое заключение?

— Из того, что Х говорил мне. Похоже, что Лидеры общества дали возможность почувствовать себя объективно. Например, путем писем. Подтверждено, что такие письма были получены, и что их рефрен — *«Работа»*. В одном из них работнику сказано *«не просите детальные поручения»*», потому что Е.П.Б. *«прорубила»* Путь. Продолжайте Работу и *«оставьте нам заботу о результатах»*. О работе говорит и следующее: *«Делай разную работу для всего человечества»*. Здесь речь идет о том, что ранее работник трудился над чисто этическим аспектом. Другому ученику сказано: *«Будь осторожен, действуй таким образом, чтобы твоя жизнь не повредила Обществу, сейчас такому малочисленному. Не лги. Помни о своей ответственности и своей клятве»*. Рефрен всех таких писем — это преданность и работа, как для нынешней организации, так и для созданного в надлежащее время центра, через который работа должна будет проводиться.

— Наверное получение таких писем является большой поддержкой.

— Я сказал это Х, который посмотрел на меня одним из своих внезапно проницательных взглядов: *«Мой дорогой приятель, — быстро*

сказал он, — когда растение покрыто грибком, кем-то пожирается, сломано, растёт косо, главный садовник или один из его назначенных помощников приходит ему на помощь. Или в случае когда какие-то, предназначенные для специальной цели растения получают особую стимуляцию, которая может повредить остальным. Но когда растение развивается в соответствии с нормальным законом роста, оно не нуждается в переделке; садовник, знающий, что всё в порядке, не обращает на него внимания. На Востоке *Гуру* или Учителя называют *Настройщиком*. Он может соединиться с неким уже установленным трансформатором, который предназначен для распределения помощи тем, кто работает в таком же направлении».

— Тогда те работники, кто не слышит специфических наставлений, тоже могут предположить, что их видят и что всё у них идет нормально?

— Так сказал Х; а также и то, что сближение с *Ложей* приводит к большой и напряжённой ответственности.

— Часто мне кажется, что совсем не так легко знать как работать.

— Это так. Самый лучший совет, который я когда-либо получал.

Первое. Используй свой самый большой талант для самых больших достижений.

Второе. Не препятствуй своему товарищу использовать его таланты.

Третье. Следуй методам природы.

Четвёртое. Найди течение или ядро и работай в нем, неважно нравится ли это тебе или нет. Оставь результаты *Закону*. Но если ты не нашел ядра, сам стань центром. Божественное войдет в тебя и будет работать через тебя.

— *Сентябрь 1891 г.*

Некоторые Высказывания У. Джаджа

Из Журнала «Путь»

У меня есть смертельное желание — найти тех, кто признает меня без корысти и будет работать ради остальных. Я бы лишился всего ради твоей пользы и был бы рад, если бы моя смерть или гибель помогли тебе достичь просветления. Если бы я мог, я бы перевёл весь мой опыт в твой дух и подарил его тебе. Для чего? Только ради такого признания. Не в наших силах сделать больше, ты знаешь это очень хорошо. Мы воздвигаем перед глазами людей деревянный образ, и никто не возьмёт меч, чтобы разрубить его надвое и найти драгоценности внутри. Потому, мы с грустью возобновляем наши усилия.

— *Июнь 1887 г.*

Все будет хорошо если искатель духовного ученичества имеет правильное побуждение. Его взгляды не имеют значения. Ему надо подготовиться изменять их по мере движения вперед.

— *Сентябрь 1887 г.*

Я бы хотел, чтобы, насколько возможно, ты перестал желать

духовного прогресса. Интенсивное желание знать, стать и достичь света отличается от мыслей такого рода: я не делаю успехов, я не знаю ничего. Подобные мысли направлены на достижение результата. Правильная позиция — желание БЫТЬ, потому что тогда мы знаем. *Желание знать почти целиком интеллектуально, а желание БЫТЬ — это желание сердца.* Например, если вы сумели увидеть своего далекого друга — это не является знанием, это факт существования в состоянии или вибрации, в которой этот друг находится в это время. Перевод этого явления в ментальную операцию или объяснение его называется знанием. Видеть элементала на астральном плане — это значит, в этот момент, *быть* одной из частей нашей природы в таком состоянии или положении. Конечно, есть огромные области Бытия, достичь которых у нас ещё нет надежды. Но стремясь стать божественными и определив для себя, что это высшее состояние — наша самая большая надежда, мы можем научиться *быть* окончательно и всецело тем планом, с которым мы лицом к лицу сейчас.

— *Январь 1888 г.*

Непреложен закон, устанавливающий, что тот, кто получил духовную помощь, неважно как бы мала она ни была, не должен с готовностью умереть до тех пор, пока не передаст то, что получил, по крайней мере, ещё одному человеку. Этот же закон гласит, что *передать* это не значит просто сказать словами, но терпеливо ждать, чтобы этот другой понял всё до конца. Однажды повернув свой разум к свету Истинного Солнца, ты бросаешься в этот поток священной энергии, который стремится к этому Солнцу и от него. И никогда больше ты не сможешь повернуть обратно свою жизнь, а потому, живи так, чтобы хорошо выполнять свои обязанности.

— *Январь 1888 г.*

Процесс приготовления идет тихо до тех пор, пока индивидуум, совершенно бессознательно, достигает момента, когда какая-то нужная сила касается его. Это прикосновение немедленно ставит на своё место каждую подготовленную часть, и существо, как таковое, тотчас оказывается реконструированным. Фундаментально и полностью меняются его концепции, отношения, цели.

— *Май 1888 г.*

Это сражение не кажется настоящим. Настоящее придет тогда, когда, с целью проверки остаётся ли неизменной сила и влияние теософии на ее приверженцев, будет *казаться*, что Е.П.Б. разоблачила себя.

— *Июль 1889 г.*

Прошлый вторник наш Президент (У. Джадж, президент Арианского ТО, предшественника Нью-Йоркского отделения.) заметил, что сила согласованного действия возрастает, ибо бок о бок с тем, что мы *делаем*, оперирует скрытый поток нашего *существования*, возможно медленно, но неуклонно движущийся с непреодолимой силой, не менее

великой от того, что о ней не подозревают.

— *Август 1889 г.*

Все страдания, болезни и аномалии тела исходят из астральных планов. Физическое не может заражать астральное. Никогда не следует смешивать оккультное и физическое. Абсолютно необходимо концентрироваться или на одном, или на другом.

— *Август 1889 г.*

Также как и ты, я просто хочу работать. Я не ищу умения владеть силами, *ничего*. Я дал клятву сердца терпеть самое невыносимое. Насколько позволит свет каждой из моих жизней, я буду преданно служить в армии альтруистов. Единственное, что я нахожу для работы сейчас — это Теософское общество. Следующий раз — будет что-то другое или тоже самое. Я готов «отступить в тень, с тем, чтобы другие могли найти место под солнечным светом», и не ищу Нирваны. Это также и твой путь, а потому не беспокойся насчет титулов, слов или сомнений.

— *Декабрь 1889 г.*

Книги не принесут тебе большой пользы. Они подтвердят то, что ты уже знаешь. Они не могут дать ничего нового, потому что они стремятся учить, а мы стремимся найти *старое*. Пусть твои побуждения остаются чистыми, твоя воля станет сильнее, и ты передашь это следующему. Закрой книги и *думай*.

Не полагайся на книги в поисках пути или познания. Они хороши для того, чтобы давать человеку практические знания, они хороши для того, чтобы дать человеку импульс мыслить. Они не дают людям божественную мудрость или Истину. Ты можешь получить добро из всего, включая и книги. Они не могут помочь тебе познать себя.

— *Апрель 1890 г.*

Я очень хочу, чтобы ты мог хранить молчание, я имею ввиду внутреннее. Ты позволяешь себе внутренне горячиться и возмущаться. Внешнее спокойствие что-то значит только тогда, когда внутри тоже всё спокойно. Этому надо учиться. Ты такой прекрасный товарищ, но пока не научился. Так ведь? Я должен был постичь это, иначе сошел бы с ума, имея дело как с собой, так и с другими.

Чему надо научиться, так это быть удовлетворенным или, точнее, примириться с самим собой и своими недостатками, даже тогда, когда мы стремимся стать выше их. Будет большим прогрессом, если этому сумеет научиться такой смелый и преданный человек, как ты. Никогда и ни в чём не оправдывайся перед своим судом, но если ты осудил кого-то другого, склони голову. Мы не можем в одночасье научиться жить в соответствии с этими высокими идеалами, как другие живут в соответствии со своими. Некоторые довольны собой, их правила позволяют им это, и поэтому они спокойны, но это не то спокойствие, о котором я говорю. Твоя душа может хранить спокойствие даже тогда, когда тело в смятении (см. «Голос безмолвия»). Ни я, ни ты никогда не

удовлетворены собой, но мы должны примириться с теми недостатками, которые мы видим в нашем характере. Самая большая ошибка в оккультизме — это сомневаться в себе, потому что это ведёт к сомнению во всем. Наше сомнение в других всегда появляется, если мы внутренне сомневаемся в себе. А потому не сомневайся в себе, даже в той степени, которую ты допускаешь.

— *Апрель 1890 г.*

В великой борьбе человечества ничего не потеряно, ни труд, ни любовь не напрасны. Мы снова проживаем наши собственные испытания в тех, кому хотим помочь. Те, кто старается нам помочь, тащат нас вверх и вовне.

— *Май 1890 г.*

«Прежде чем стать оккультистом, тебе следует полностью освободиться от предубеждений, любых земных симпатий, всякого чувства предпочтения одного перед другим. Очень легко впасть в черную магию. И потому необходимо несколько лет подготовки, чтобы избавиться от всех истоков предпочтения до того, как можно будет доверить тебе оперировать силами природы. Адепт должен полностью отделить себя от своей личности. Он должен сказать: «Я — это сила». Черный маг готов делать зло, даже не думая о том, может ли оно повредить другим. Добрый поступок, совершенный с пристрастием, может стать злом, например, вызывать враждебность у других. Совершая поступки, необходимо, освободиться от всякого чувства принадлежности и стать абстрактной силой. Справедливость противоположна пристрастию. Добро и зло есть в каждой точке вселенной, и если кто-то работает хоть с какой-то степенью пристрастия, он становится *в этой степени* черным магом. Оккультизм требует идеальной справедливости и абсолютного беспристрастия. Когда человек использует силы природы неразборчиво с пристрастием и без уважения к справедливости — он и есть чёрный маг. Подобно шулеру, чёрный маг действует, опираясь на определенные знания. Магия — это владение силами природы. Например, используя чёрную магию Армия Спасения возбуждает людей, гипнотизируя и опьяняя психически. Первая операция черной магии — уметь привести человека в определенное психологическое состояние. Помочь больному человеку — это не черная магия, *но* никакое личное предпочтение не должно направлять ваши действия.

Когда Шестая Раса приблизится к концу своего существования, *дуги* (черные маги) исчезнут. *Дугна* может перемениться в течении жизни за счет ужасных страданий и испытаний. На астральных и психических планах Учителя Мудрости всегда сильнее, чем *дугны*, потому что добро сильнее зла. Но на нашем материальном плане зло сильнее добра, и, действуя на этом плане, Великим Учителям следует быть очень ловкими в выборе средств, что совершенно противоестественно Их натуре. Поэтому Они встречаются с большими

трудностями и могут только временно облегчать последствия зла. В нехороших силах отсутствует добро, но в них нет зла, и чем выше мы поднимаемся, тем большим злом становится отсутствие добра. Только следуя абсолютно бесполому *единению*, можно проторить *белый путь*.

— *Август 1890 г.*

Образ Учителя Мудрости — лучшее средство защиты против тёмных влияний. Думай о Нём как о живом человеке внутри себя.

— *Сентябрь 1890 г.*

В отличие от тех, кто брюзжит, что ему «не помогают», я думаю, что большая опасность возникает тогда, когда нам оказывается слишком большая, а не слишком маленькая помощь. Как правило, машины ломаются, когда их используют на очень большой скорости.

— *Апрель 1891 г.*

Когда я узнал, что у тебя плохо со здоровьем и, вдобавок, постигло горе, то решил написать и выразить своё сочувствие. То, что я предлагаю тебе — не утешение, ибо думаю, что слишком часто утешение — просто пародия печали. Кроме того, хочу сказать, что ты не так одинок. Друг, та, что раздаёт удары налево и направо и охотно делает себя врагом, не пощадила и тебя. Но я думаю, единственное, что нам надо — это не забывать то, что мы уже знаем: всему причина — иллюзии, и потому не следует обращать внимание. Нужно подготовиться ждать, пока великое Время не принесёт свои магические изменения. Мы можем ждать: «даже те, кто просто стоят и ждут, тоже служат» делу. Этому тоже надо научиться, без сомнения, как и всему другому — через боль. Но давай не забывать, что мы сами творим нашу собственную боль. Я обнаружил, что горе и печаль возникают в результате неправильного мышления. Неправильного не в смысле безнравственного, но в смысле отсутствия какой-то гармоничности с природой вещей, в какой то степени *ненаучного* и, таким образом, идущего вразрез с высокой этикой. Если мы ограничим наши мысли и наши действия кругом наших собственных, правильно понятых обязанностей, оставив результаты и будущее Закону, разве будет в них место для печали?

А потому давай расслабимся, улыбаясь внешнему проявлению и видимости вещей, зная, что, даже если нас связать по рукам и ногам на дни или годы, сердце мира будет нормально пульсировать и без нас. Следовательно, не надо позволять себе мысленно включаться в то или другое дело, но, стоять в стороне наблюдателями, старательно делая при этом всё, что нам выпадает делать, и подготовиться не делать ничего, если это будет нужно. Затем, давай радоваться тому, что нам выпадает и всему, что сказано и прошептано, ибо те вещи, которые сегодня выглядят мрачными, в результате могут обернуться добром. Чем яростнее буря, тем скорее мы увидим солнце, сияющее за облаками, которые совсем ненадолго прячут его. Будь вполне счастливым и спокойным, готовым ко всему и безразличным к частностям, оставайся в

тихом месте своего пребывания. Тебя не знают, также, как каждого из нас, ибо только душа знает душу. Именно поэтому в период Кали-юги нет большой нужды таиться. Ты можешь говорить всё, но люди не станут мудрее ни на йоту. Те, кто воображает, что знают твоё или моё сердце, разум и душу, совсем не мудрые. Они не понимают. Они не верят в своё учение, просто держат его в голове. Пусть оно там вертится, быть может через века цветок распустится в сердце каждого, и тогда мы будем счастливы. Человек мог быть сильнее, если бы сознавал себя частью целого. Шум мира не был бы таким громким в его ушах. Посылаю тебе мою любовь.

— *Апрель 1895 г.*

Ищи реальность под нереальным; ищи сущность за тенью; в глубине сомнений ищи центр тишины, где Ложа всегда в работе.

— *Декабрь 1895 г.*

Из «Английского Теософа»

(Эти фрагменты первоначально были опубликованы в "Английском Теософе", октябрь 1898 г; апрель 1899 г. и январь — март 1900 г.)

В Теософии нет власти, кроме той, которую каждый признаёт для себя.

Никакое усилие, даже самое маленькое, не пропадает зря. Зная это, каждый может «пытаться, всегда продолжать пытаться».

Глупо вдумываться в феномены и стараться понять их до тех пор, пока глубоко не усвоена содержащаяся в Теософии философия природы и человека.

Феномены целиком иллюзорны, и их обдумывание уводит от реальности жизни и истины.

В знании о прежних рождениях нет пользы, оно не заслуживает доверия; в конечном счёте, оно не приносит добра, но может привести к суете и унынию. Значит, его надо избегать. Я не знаю ни одного случая, когда следование и доверие подобному знанию не имело бы плохих последствий. Все Адепты, которых я когда-либо знал, отказывались говорить о чьей-то прошлой жизни: это правило оккультизма, нельзя вникать в отношения прежних жизней. Оно действует наравне с правилом, запрещающим устанавливать связь вашего прогресса в высшей жизни *с этой жизнью*. Изучение духовной философии, как она представлена в «Бхагавадгите», прольёт свет на все возможные события, являющиеся простыми действиями и нереальными видениями, скрывающими истину от нашего понимания.

Что касается тебя, хорошо, наверное, иметь природные способности, которые можно использовать естественным образом. Но я хотел бы предупредить

(возможно, что ты в этом не нуждаешься), что чем меньшему числу людей ты по-настоящему открываешь себя, тем лучше и для твоего прогресса и для них. Важна не демонстрация сил, никогда не приносящая добра, но то безмолвное влияние, которое они оказывают на других, а также намеки, ключи и указания, которые они могут дать их владельцу, если правильно применяются. Таким путем, а не обсуждением и не демонстрацией, они могут стать полезными. Это важное правило всех настоящих школ оккультизма.

Не надо унывать, на это нет причины. То, что легко сделано, никогда не бывает по-настоящему хорошим или надёжным. То тут, то там должны появляться неприятности и препятствия.

Не позволяй себе думать, что <.....> и другие не приходят на занятия по «кастовым» и им подобным причинам. Лучше предположи, что у них есть для этого другие соображения. Надо надеяться на лучшее, и оно свершится. . . . Кроме того, я не думаю, что это факт. Подобные идеи возникают из пересудов.

Те обстоятельства, в которых мы находимся, и есть наилучшие для нас, если только мы считаем их такими. Если мы уверены в этом и делаем всё возможное, мы можем избежать повторения их в следующей жизни.

Постарайся убедить людей практиковать истинную теософию и братство.

Что касается дела <.....> , то лучше всего терпеливо ждать, сделать всё возможное, чтобы не слушать клевету и посмотреть, что произойдет. . . . Мы не всегда должны заниматься исправлением других, и в тоже время мы не можем позволить кому то наносить вред работе...

Стой твердо, избегай полемик и продолжай работу.

Стремись достичь гармонии. Все другие достижения последуют в своё время. Будь центром своего внутреннего спокойствия, а другие помогут тебе распространить это чувство повсюду.

Сблизившись в уме и сердце, в душе и действии старайтесь создать истинное братство. Только благодаря ему, можно достичь всеобщего и индивидуального прогресса.

Я думаю, что тебе и <.....> нужно изменить своё отношение в этом вопросе. Мне кажется, хотя могу быть не прав, а если так, прости, что желая достичь гармонии, ты стараешься создать гармонию в мыслях и действиях. Я не думаю, что гармония может быть создана, она — результат либо действия, либо мысли. Поскольку ты и <.....> исполняете свои обязанности, то вам следует положиться на это, а результаты придут сами собой. Гармония приходит, если совершаешь правильные поступки и не думаешь о результатах. Такое отношение предотвращает волнения, потому что очень часто мы нервничаем, думая о последствиях. Если ты делаешь всё, что в твоих силах, и не можешь достичь гармонии, это не твоя вина. Стало быть, не следует думать об этом, чем меньше ты думаешь, тем быстрее будет достигнута гармония.

Теософское общество совершенно отличается от всех других организаций: у других организаций есть много денег, собираемых с их членов. Клубы и церкви могут собрать много денег, потому что они предлагают определенные верования. Я полагаю, что в Теософском обществе человеческая натура предстает перед нами в своём истинном свете, потому что мы не предлагаем ничего похожего, но требуем поистине альтруистской работы.

Теперь, что касается местного отделения. Нельзя слишком нажимать на их членов, если они не в состоянии справиться с напряжением. Это не даст ничего хорошего. Следовательно, очень важно, чтобы отделение училось и укреплялось. Иначе оно может вырасти слишком быстро, как это происходит у детей, и стать слабым, замедлив, таким образом, своё развитие. При хорошем же знании предмета многими членами отделения, каждый станет центром и силой, и ты увидишь, что отделение продолжит работу с несомненной энергией и влиянием. Но если устраивать лекцию за лекцией и просто принимать новых членов, не заботясь о постепенном развитии старых, то отделение умрёт в тот момент, когда лекции прекратятся. Старайся внушить эту идею каждому члену отделения, желающему слушать.

Мне жаль, что ты не можешь примириться со смертью своего сына. Очень тяжело расставаться с теми, кого мы любим. Но смерть — это разлука только на низших планах, это не «потеря» на высших. Всегда существующее на внутренних планах и неосознаваемое нами истинное единство не может *сознательно* ощущаться до тех пор, пока существуют любые чувства «разочарования». Внутри себя старайся думать, каким могло быть истинное желание твоего сына и каково твое истинное внутреннее желание, хотя судя по твоему отношению, ты, наверное, его не знаешь. На внутренних планах будет и *есть*, что тебе не следует печалиться или горевать, но «радоваться», да, радоваться тому положению, в котором ты находишься сейчас, потому что это — твоя великая возможность. Ведь Закон и Природа всегда представляют самую лучшую возможность и наделяют нас самым великим *благословением*, которое мы способны получить. С точки зрения души — это всё, что мы < сами (души) хотели бы иметь.

Если ты видишь, что между тобой и другими есть разногласия, никогда не думай в чём неправы они. Каждый всегда в чём-то неправ. Кроме того, всегда довольно легко найти в своём воображении ошибки других. Их ошибки, реальные или воображаемые, не имеют к тебе отношения, это не твои обязанности, тебе нет нужды и не следует думать о них. Размышляя о них, ты можешь совершить оккультное «разрушение». Тебя касается и в твои обязанности входит разобраться, в чём состоит твоя ошибка. Если, находя какие-либо разногласия, ты оглянешься на свои прошлые мысли, слова и поступки, то определенно найдёшь, что ошибался, прямо или косвенно, потому что чего-то не сделал и чего-то не сказал. Действуя в жизни таким образом, ты узнаёшь

многое о себе. И в тоже время, выискивая и замечая ошибки других людей, неважно, как сильно они нагрешили с твоей точки зрения, ты не научишься ничему и просто докажешь свою глупость.

Трудности и разногласия — необходимый атрибут существования. Если бы всегда всё было гладко и хорошо, нам бы нечего было делать. Наше движение —реформирующее, имеющее дело с самим характером человечества. Мы все не совершенны. Приходилось ли тебе когда-нибудь размышлять над вопросом: «Что бы ты делал, если бы все наши идеалы были достигнуты, если бы альтруизм был всеобщим?» Мы должны были бы переселиться на другую, худшую планету, чтобы иметь простор для наших чувств. Поэтому нам следует принять трудности как часть работы этого времени и постараться найти как можно больше людей, включая нас самих, подготовленных для помощи другим.

Не думай, что ты ничего не делаешь для столь дорогого тебе Дела. Самая истинная работа происходит на внутренних планах и без этого никакая внешняя работа не может производиться. Потому помни, ты *можешь* работать и действительно работаешь для Дела своим сильным сердцем, надеждой и преданностью. Благодаря твоей помощи, центр всего движения становится сильнее, а, опираясь на сильный центр, получают помощь те, кто работает на внешних планах. Ты можешь это делать и об этом тебе следует думать почаще.

Сейчас нам надо уподобиться Франкмасонам. В каждой части мира они — все как один. И, при этом, каждая Главная Ложа у них независима и автономна. Это правильный подход. В США около сорока независимых штатов (было в то время, сейчас —50. — Перев.) В каждом из них есть Главная Масонская Ложа, каждая из них автономна, однако каждый член, если следует правилам, Франкмасон и товарищ в каждой Ложе.

Принцип автономности, в основном, правилен как метод. Принадлежность непосредственно к Американскому теософскому обществу могла бы привести к большому неудобству и разногласиям. Каждая большая территория, подобно индивидууму, стоит на своих собственных ногах, и, в тоже время, все объединены одной целью . . . Можно надеяться, что, когда всё будет упорядочено, ты сумеешь привлечь к движению больше мыслящих людей. Если мы будем помнить, что наша задача не поиски должности или награды, а знакомство с теософскими истинами как можно большего числа людей, тогда наши старания принесут хорошие плоды. Поздравляю всех и надеюсь на самое лучшее.

Получил твое письмо и постараюсь, как смогу, ответить на вопросы. Прежде всего, я не такой мудрый и добрый, чтобы быть чьим то руководителем. Но, всегда помня, что мы в равном положении, я очень хочу помочь. Сказать это было необходимо, ну а теперь начнем.

Очень рад, что ты искреннее хочешь помочь Теософскому обществу выполнять его назначение, а также изучать и, по мере понимания,

распространять истину. Если это последовательно проводить в жизнь, то достигнешь нужной цели. Единственное, чего нужно придерживаться — это слушать голос своей души, который лучше, чем я, направит тебя на истинный путь.

Сейчас ты в упоение от нового. Это упоение, в какой-то степени, пройдёт, и за ним придёт более глубокое знание и, следовательно, большая сила. Таким образом, всё, что тебе надо делать, когда новизна пройдёт, максимально помогать людям, продолжая очищать разум от старых представлений, и, одновременно, приобретать новые идеи, правильно определённые, хорошо обоснованные и систематизированные. Только тогда ты сможешь, с каждым днем всё больше и больше, помогать тем, с кем тебе придётся столкнуться в жизни.

Однако, советую тебе не применять часто свою способность лечить людей, потому что сила каждого ограничена и, будучи истрачена, не восстанавливается. У Великих Учителей больше сил, чем у тебя или меня, однако, они не занимаются сейчас излечением болезней тела, но работают над душами людей и их разумом. Глубокая темнота людских душ и разума намного более важный фактор в сравнении с внешними несчастьями, которые заканчиваются смертью. Следовательно, мы не правы, используя все наши силы на то, чтобы помочь нескольким, которым может помочь за время своей жизни один человек. Используя свою силу таким путём, ты умрёшь, оказав физическую помощь немногим. Но применяя свои способности для улучшения души и разума людей, даже в этой короткой жизни, ты поможешь многим и на много жизней вперед.

Придет время, когда ты взлетишь на другие, более высокие теософские высоты. А сейчас твоя проверка и твоё испытание — это огромный энтузиазм, для которого есть только небольшой выход. Это принесёт тебе большую пользу, если выдержишь. Но если в своих нынешних обстоятельствах ты будешь работать для других, ты возьмёшь всё, что предлагает природа, а позднее, если будешь готова, но не иначе, она предложит тебе ещё большие и лучшие возможности.

Что касается Движения, не сомневайся, что о нём позаботятся, если каждый из его членов будет делать своё дело. Е.П.Б. дала направление работе, и если мы последуем ему, мы можем спокойно оставить результаты в руках Мудрых и закона Кармы.

Я должен использовать историю твоего разговора с маленькой дочкой в журнале «Путь», опуская личные имена и названия мест, чтобы не привлекать к тебе внимания. (корреспонденция опубликована в журнале «Путь», март, 1894 г.) Она будет интересна и полезна читателям. Будучи очень поучительной, она могла быть еще более полезной, если бы люди не подавляли детей. В прошлом я помещал в журнале Путь много материалов такого характера.

Что касается ребенка. Конечно, мы не совершенны, но это не значит,

что не можем предложить детям наиболее близкое к совершенному объяснение учения. Усвоив его, они могут стать лучше и найти лучшее применение этому учению. Следовательно, я сказал бы ей о перевоплощении. Не делай ошибки и не позволяй ей механически или интеллектуально растолковывать истину, как она это сделала, ответив, что это была картина в её уме. Почему бы тебе не сказать: «Это факт, что ты жила раньше и много раз. Очень похоже, что ты действительно помнишь другую маму, кем возможно была я, если в то время жила с тобой». Затем поведай ей простую истину о душе и ее единстве, о великой всеобщей Душе, об этой вечности и об истинном бессмертии, не потом, а сейчас, а также о законе Кармы. Она вероятно поймет всё это лучше тебя самой, потому что ее разум свободен от чепухи. Дети могли бы избежать многого, если бы им не пришлось вести ту же борьбу, через которую прошли мы. Разве это не твоя обязанность спасти её от долгого сражения с последствиями плохого образования? Всё, что подходит для твоего зрелого ума, подходит и твоему ребенку, она очень хорошо поймёт и не забудет.

Хочу посоветовать *много* не говорить девочке о её других жизнях. Сделай так, чтобы это было молчаливо понятым фактом. Учи её всему, чему хочешь, законам, этике и обязанностям. Но будет хорошо, если в настоящее время ты не будешь вдаваться в подробности прошлых событий. Со временем, живя в атмосфере, где учат и верят истинным вещам, её душа разовьется, и она сама будет знать, когда говорить об этих прошлых событиях и когда нет.

Когда почувствуешь одиночество, вспомни, что на высших планах мы никогда не одиноки, и те, кто стремится следовать по правильному пути, связаны узами взаимопонимания и истинного братства. Помни также, что самая большая работа происходит не на внешних физических планах, но на плане мысли. Практикуй следующее: Пусть твои мысли будут целеустремленными и полезными, когда ты думаешь обо всех членах Теософского общества, о своих друзьях, а затем обо всём человечестве. Может случится, что пришедшая к тебе яркая и полезная мысль послана кем-то другим, кто пытается облегчить груз мирового страдания. Все любящие, полезные мысли, которые ты можешь послать, помогут облегчить чью-то печаль и принести луч надежды в чью-то жизнь. Каждая мысль — это семя, и оно приносит плоды, когда приходит время.

То, что упоминается в твоём письме в связи со словом *спиритуализм*, говорит о плохом влиянии, которое вредит тебе. Мой совет — держаться как можно дальше от этого влияния, стараться работать ради других и надеяться на свою высшую Сущность.

Я рад слышать о твоей работе в Ф <.....> и надеюсь, что ты сможешь собрать сильный Центр. Однако помни, что ты можешь быть и ты есть центр, в той степени, до какой ты делаешь Теософию живой силой своей жизни.

Половые отношения — вещь правильная и пристойная, когда используются для правильной цели, обозначенной для них природой, а это значит, для создания детей. Но если предаваться им просто для получения личного и чувственного удовлетворения, они становятся подобны другим страстям. В этом деле ты можешь найти своё решение. Аргументы *за* и *против* не слишком помогут тебе. Самое лучшее выбросить их из своего ума и положиться на руководство духа и голос сознания.

Пытайся делать то, что правильно с точки зрения твоего внутреннего сознания, и оно поведет тебя правильным путём.

Твоё письмо не вызвало у меня раздражения, наоборот, я рад, потому что оно показывает, что ты *понимаешь*. Мой двадцатилетний опыт помогает мне знать, что можно *понимать*, но не быть способным уничтожить маску, сейчас мою, но рожденную для другого. Но маска приносит пользу. Если бы я мог ее разрушить, возможно, это было бы лучше, возможно, это могло означать смерть.

Если ты посмотришь на эту руку, то найдёшь на ней знак смерти, которая должна была произойти 15 лет назад. А сейчас маска всё еще жива. Большое напряжение может убить её сейчас, не знаю. Но, когда слишком много думаешь, это может отразиться позднее, неосознанно, так сказать. Всё это исходит от специфического факта: человек живёт в доме, который не он строил и у него два астральных тела в работе.

Нет, твои друзья не забывают и не забудут тебя, но помни, что самый большой и самый истинный друг — это высшая Сущность. Тот, у кого есть такой друг, владеет всем и ни в чём не нуждается. А высшая Сущность — твой друг только в том случае, если ты получишь эту дружбу. Будь храброй и терпеливой: свет сияет в твоём сердце. Ты найдешь его в нём, и он будет гораздо ярче, чем ты сейчас можешь вообразить, если, несмотря ни на что, ты продолжишь свой путь.

Да, это правда, что слишком часто во время медитации на какой-то возвышенной идее, возникают темные мысли, от которых нелегко избавиться. Но если помнить, что самая сущность нашего существования, самое сокровенное святилище Души божественно по своей природе, то мы можем войти в него и не впускать туда зло. Стремление ума — постоянно перескакивать с одного на другое. А потому мы должны следовать совету «Бхагавадгиты»: «К чему бы не устремлялся непостоянный ум, его следует подчинить, привести обратно и положить на Дух». «В этом мире нет такого очистителя, который можно было бы сравнить с духовным знанием, и тот, чья преданность безупречна, находит, что, со временем, духовное знание появляется в нём спонтанно».

Несмотря на то, что я так далеко, но слышу кое-что о делах твоих и твоих сотрудников. Это очень интересно. Нет сомнения в важности и значении этого вопроса как для настоящего времени, так и для будущего. Как я понимаю, ты работаешь в Англии с теми, кого называют

«простыми людьми». В этой стране мы все простые люди, и такая работа здесь едва ли возможна. Это очень интересно, потому что нельзя ожидать от так называемых, лучших классов большого улучшения. Заметно исправляя этих «простых людей», ты делаешь большую работу для мира. Культурные классы не подают особых надежд в Теософии, потому что они слишком эгоистичны и слишком поверхностны.

Я уверен, что ты не ошибаешься в вопросе о роли высокого образования в понимании теософии. Любой человек может понять её и сделать частью своей жизни. Фактически, я думаю, что её важнейшие истины легче для непритязательных, чем для вылощённых. У высокообразованных людей много образования и поверхностных знаний о разных вещах, и из-за этого им трудно сделать вывод в любом подобном вопросе.

Я верю, что ты, не дрогнув, продолжишь свою работу. Ничего не должно приводить тебя в уныние и от него нет пользы. Кроме того, уныния можно избежать, если успокоишься и не будешь считать достижениями любые полученные результаты, чего бы они ни касались — людей, количества, времени. Мы должны быть удовлетворены тем, что, если мы выполняем свои обязанности наилучшим образом, время и карма приносят результаты.

Давайте упрощать наше учение, избегая длинных и странных слов. "Заслуги" и "наказания" выражают часть кармы и эти слова хорошо знакомы католикам. Мы должны стремиться избегать всякого педантизма и создания нового языка. Таким же образом надо действовать во всех направлениях.

Давайте не судить других слишком строго, потому что, может быть, они тоже, как могут, стараются в свете своих знаний. Кроме того, карма работает всегда, и Теософское общество должно чувствовать это даже больше, чем другие ассоциации. Последствия нынешней суеты, а это не что иное как суета, наверное, к лучшему, потому что если эта суета убьет Теософское общество, это будет заслуженная смерть, если нет, тогда оно станет сильнее, чем когда-либо. А это последнее я вижу как окончательную цель, как бы далеко . . . *(она ни была. — Перев.)*

Наши обязанности сейчас, в эти дни испытаний и перемен, заниматься пропагандой так, чтобы как можно больше людей могли узнать теософские истины. Чтобы достичь этой цели и наилучшего результата, здравый смысл подсказывает представлять теософские идеи ясно и без сложных слов.

Самое лучшее, что я могу тебе сказать, и ты это знаешь, что все неприятности жизни возникают по нашей вине, не важно, как бы иногда ни казалось, что они приходят со стороны. Мы все — части одного великого целого и, если постараться сосредоточить свой ум на этом факте и помнить, что причиной кажущихся неприятностей, на самом деле, является твой собственный взгляд на мир и жизнь, то, вероятно, твоё сознание станет более удовлетворённым. Надо следить за своим

собственным умом, а не за обстоятельствами, в которые ты поставлен. Другие были в худших обстоятельствах, чем, как ты полагаешь, твои. Но они не расстраивались, как, похоже, расстроена ты. Следовательно, это ты сама видишь вещи в *таком* свете. Смотри с удовлетворением на всё происходящее, определенно зная, что оно иллюзорно в большей или меньшей степени, и тогда всё будет лучше.

Учитель, а это твой настоящий статус, неважно почему и как, должен иметь не только приятные внешние манеры, но быть предельно славным и милым внутренне. Потому что, если внутреннее не совпадает с внешним, есть причина для беспокойства. Внешне приятный, но внутренне фальшивый человек — это пустая скорлупа, в нём отсутствует всякое личное обаяние. Во внешне грубом, но внутренне честном человеке есть искренность и личное обаяние. И хотя есть много друзей, не замечающих грубости, но в противовес ей возникает антагонизм, который порождает ошибки и непонимание и создает большие помехи.

Это нельзя оставлять без внимания. Внутреннее отношение должно быть совершенно учтивым, и тогда внешнее вскоре сделается соответствующим. Залог убежденности лучше всего передается не силой. Прекрасная метафора для этого — великое, устремленное вперед, тихое движение ледника. Ничто не может противиться, когда к медленному движению ледника добавляется равномерный огонь сердечного Солнца. Таков путь, и если это постигнуто, будет сделано больше работы лучшего качества и обеспечена большая помощь людям.

Когда кто-то останавливается подумать, взвесить и сообразить какую из многих обязанностей ему следует выполнить в первую очередь, ему несомненно, сложно и трудно знать, *что* делать. Но если делать то, что в данный момент требует внимания, не думая обо всём другом и не беспокоясь относительно всего, что не можешь сделать, тогда всё будет иначе и прояснится для тебя. Делай то, что надо делать сейчас, не беспокойся о других делах, для них придёт своё время. Удовлетворение тем, что ты делаешь, поможет во всём, и пусть тебя не волнуют остальные дела. Пусть будут высокими твои побуждения, добрыми чувства; делай одно маленькое хорошее дело каждый день и стремись понять, что цель всего этого — счастье и мир всех людей. И тогда предчувствие этого мира войдёт в твоё сердце. У жизни есть светлая сторона и такой её делает любовь каждого из нас ко всему человечеству.

Вообще говоря, привычка пить спиртные напитки вызывается желанием избавиться от того, что можно назвать личным осознанием момента. Когда люди пьют, пытаются затопить печаль, боль, беспокойство, то ясно, что у них такая цель. Но другие пьют, не имея такого очевидного намерения, хотя их действительным побуждением является то же самое — страстное желание избавиться от того, чем для них является нетерпимое чувство себя, монотонности, однообразия. Они стремятся произвести с посторонней помощью то, что может быть

достигнуто подходящим образом и надолго только путем внутреннего развития. Люди читают дрянные романы, играют в азартные игры и т.д. — всё с той же целью, то есть, с намерением на время избавиться от встречи лицом к лицу со своей личностью. В конечном счете человечество придет к пониманию, что этого можно достичь только тогда, когда личность будет сходна со своей высшей (а не наоборот) природой. А пока, для обычного человека здоровое и интересное занятие является лучшим средством избавиться от такой привычки. Если возможно, надо, чтобы человек понял, что желание выпить в настоящей жизни является привычкой определенных жизней в его теле, само существование которых зависит от их питания алкоголем. Желание не в нём, если он не так глуп, чтобы отождествлять себя с желанием. Стоит ему перестать так думать о себе, как желание потеряет над ним больше половины своей силы.

Из «Ирландского Теософа»

Выступая в конце встречи, мистер Джадж рассказал о методе изучения, принятом в Америке.

Каждое отделение, сказал он, состоит из групп, изучающих определённое произведение, например, «Бхагавадгиту». Когда изучение закончено, группы сравнивают свои замечания и впоследствии вырабатывают общее положение, с которым все согласны. Без такой системы, как эта, в движении не может быть солидарности. Более того, эта система была принята группой чела, находящихся под прямым наблюдением Великих Учителей.

Впервые услышав о Дублинской Ложе, он почувствовал «звон» в ушах. Когда упоминали другие отделения (и он был рад тому, что их было несколько), звук не был таким ясным. Он почувствовал, что Дублинская Ложа — это что-то настоящее, и надеялся, что она станет живой силой в Ирландии. Он не знал ни одной европейской нации, которая, по своей природе, была бы более оккультной, чем ирландцы, особенно западные.

В заключение он сказал, что хотел бы рекомендовать Ложе стремиться осуществлять принципы Учителей Мудрости.

— *Февраль 1895 г.*

Мой друг, запомни это название: Причина Высшего Совершенства. Это имя для теософии. Будучи противоположным идее врождённого греха, оно может работать для её изменения. Используй его время от времени. Я тоже буду. Таких названий три :

- а) Способность Совершенствования Человечества
- б) Причина Высшего Совершенства
- с) Великие Учителя — факт жизни, а не голая абстракция.

Эти выражения должны широко распространяться повсюду. В каждом человеке, за исключением горького пьяницы, они превращают в порошок ужасную ошибку врождённого греха, они вселяют надежду,

они озаряют небо будущего. Мы работаем для будущего — о прекрасное будущее!

— *Февраль 1897 г.*

Из «Тихоокеанского Теософа»

Опыт доказывает, что Теософия воспринимается наилучшим образом рабочим классом. Карма и перевоплощение, особенно, могут усилить объяснение Всеобщего Братства. Тех, кто хочет изучать и работать в этом направлении, для практических советов следует отправлять к книге Е.П. Блаватской «Ключ к Теософии». Эта же книга даёт много ценных идей для использования на встречах с рабочими. Никакой подготовки не требуется. Простая теософия, карма и перевоплощение — это то, что нужно. Они, и только они, отвечают желаниям и решают проблемы трудящихся людей. Вот некоторые выдержки из писем Уильяма К. Джаджа по этому вопросу:

Старайтесь дать ясный и понятный, имеющий здравый смысл взгляд на теософию, давайте массам только такой взгляд, и они его оценят. Никогда не думайте о себе, как о личности, думайте об истинной Сущности.

Никогда не считайте, что вы добились больше, чем другой, всегда стремитесь к лучшему.

Никогда не взлетайте на глупые высоты, куда никто не может следовать за вами, и где вы сами не чувствуете себя дома.

Карма, перевоплощение и состоящая из семи частей структура человека — важные доктрины и могут быть представлены по-разному.

Делайте самое лучшее, на что вы способны, и у вас будут все возможности справиться и весь необходимый опыт.

— *Октябрь 1895 г.*

Из «Интернационалиста»

Тебе надо узнать самого себя. И лучше делать что-то конкретно-практическое для того, кто нуждается в этом, чем стремиться к «идеальным мыслям», витать в облаках и заниматься другими бесполезными вещами. Никому не надо завидовать, а ты завидуешь <.....>, которые так же, как и ты, нуждаются в помощи. У них нет таких, как у тебя, условий и способностей. Найди и измерь свои собственные. Судя по твоим словам, твой рассудок неустойчив. Дай ему отдохнуть подольше и делай простые, добрые дела для людей. . . . Многие из членов Теософского общества очень опрометчиво стремятся быть писателями, ораторами, лидерами. . . . Не заяц, а черепаха победила в гонках. Чисто практическая часть Движения нуждается в рабочих. Слишком много мечтателей.

— *Октябрь 1897 г.*

Из Журнала «Завеса Времени»

Заключительная часть статьи «Юлия» в журнале «Путь», август 1895 г., очевидно, воспроизводит опыт мистера Джаджа.

Это привиделось человеку, знакомому автору только по письмам, но хорошо известному многим другим. Он был в Париже. Пройдя от Люксембургских садов узкими улочками, одинаково привлекавшими священников, любителей ресторанов и похоронных процессий (хотя, возможно, они прятали под этой незаметной внешностью внутреннюю жизнь другого, более благородного характера), он вышел на набережную, как раз напротив дворца Тюильри. Опершись на парапет, он глядел на мутные воды Сены. Его нисколько не соблазняли мили букинистических книжных киосков, протянувшихся вдоль южного берега реки. Тома книг на любом языке всякого содержания (потрепанный "Ключ...", среди остальных), редкие и любопытные, дешевые и неприглядные, занимали его ум не больше, чем трагедия павшей империи, последнее действие которой разыгралось в двухстах ярдах (ярд = 0.91) от того места, где он стоял. Когда-то бывший храмом развлечений и сейчас оставшийся местом встреч искателей удовольствий, Париж сиял праздничными украшениями. В воздухе слышался смех. Но что значит окружение для человека, чей ум был поглощён серьёзными мыслям? Ничего. Поистине, это ум создает окружение человеку, и Архимед не был ни первым, ни последним среди мыслителей, кто предавался своим мыслям даже во время разграбления родного города.

Мой друг быстро признал реалистичной эту, часто повторяемую поговорку Он раздумывал над историей жизни друга, изучая её по-доброму, с точки зрения общих принципов и с дружеской симпатией. Одно за другим он вспомнил все события его жизни и теперь приблизился к настоящему времени. Наблюдая за рекой, он бросил невидящий взгляд на то, что когда-то было дворцом блестящего Цезаря, где, внезапно для него, появилась серая фигура, склонённая в размышлении. Затем она стала более ясной, и он увидел, что голова фигуры наклонена к какому-то предмету, находящемуся в её руке. Казалось, всё существо, ум, сердце и душа этого молчаливого призрака были неотрывно прикреплены к этому единственному предмету. Мой друг посмотрел более внимательно и обнаружил, что это был всего лишь червяк, пришпиленный булавкой бедный извивающийся червяк, корчащийся в агонии. Чувство отвращения к жестокости охватило его, и он повернулся, чтобы отругать мучителя, не видевшего никого и ничего, кроме одного — страданий пленника, за которыми он наблюдал с сочувственной жалостью и удовлетворением. «Почему бы не снять его, — начал было говорить мой друг, но мгновенно отпрянул в ужасе. Это была фигура человека, историю жизни которого он обдумывал, а червяк,

как он сейчас мог видеть, был похож на него. То была картина ума, злорадствующего над причинённым себе страданием.

Затем всё исчезло. Мимо прошла команда французской пехоты. Резкий звук сопровождающего её горна можно было слышать за мили вокруг. Картина всё ещё завораживала его. Какая жалость! Это была правда, это был символ его жизни. Поклонение боли, сублимированная форма эгоизма, страстно желающего короны мученика, жаждущего мучения, как такового, даже без короны. Эгоизм в такой вульгарной форме не мог быть ничем, кроме лицемерия и самомнения. Страсть к боли, которая делает так что кажется, будто причинить её другим, значит даровать больше пользы, чем вреда. Как духовно расти без боли? Смотри, как я вырос через боль! Болезнь, мои братья, болезнь ума. «Не думай, что поломанные кости, что разорванные плоть и мускулы соединят тебя с твоей молчаливой Сущностью». И запомни, что «эти пороки обычного человека проходят через тонкие изменения, и появляются в другом аспекте, уже в сердце ученика». Святой Доминик вчерашнего продолжает очищать души других и свою путем боли, которую, считает он, следует причинять, хотя сейчас, возможно, он применяет ментальные мучения. Святой Симеон Столпник в какой-то одной из жизней, он, всё с тем же побуждением — для «великой славы Бога» может перейти от мучений тела к мучениям разума. И сейчас, как тогда, только другими словами, он кричит:

О, сыновья мои, о сыновья,
Смирите вашу плоть, как я смирил, шипами и бичом,
Не избегайте, не щадите, сразите наповал.

* * *

О Иисус, если не ты спасёшь мне душу,
Кто тот, кто может быть спасен? Кто этот, кого спасти
возможно?
Кто может стать святым, когда я не сумел?
Кто может показать мне человека, перестрадавшего
больше меня?

Но это не теософия и не оккультизм. Это очень далеко от обоих. Ещё раз мы видим, что духовный рост зависит не от количества переносимой боли или удовольствия, а от того, как наш разум реагирует на всё, что может встретиться на нашем жизненном пути. «Не то, что сделано принимается в расчет, но дух, в котором делается самое маленькое дело».

Юлий

Несколько Писем У.К.Джаджа из архива Теософской Ложки в Лос-Анжелесе

Нью-Йорк, 25 июля 1893 г.

Дорогой Брат <.....> !

У меня немного времени для ответа на твои вопросы, поскольку в связи с моей недавней поездкой в Лондон прибавилось много дел, а Конгресс Теософского общества в Чикаго ещё больше увеличил нагрузку.

Я просил<.....> и он написал тебе о том, как мы проводим здесь Воскресную школу. Это может быть организованно преданными членами Теософского общества, если они хотят попробовать, в любом месте. Здесь школа пользуется успехом. Я надеюсь, что у тебя тоже дело пойдёт успешно.

Что касается остального, разреши мне сказать тебе о том, чем я руководствовался всю жизнь и, возможно, это пригодится тебе. Когда ко мне приходит идея какой то работы для Теософского общества, я следую ей, даже не зная как и что делать, при этом помощь и правильное направление всегда приходят ко мне. Потому что у меня есть самая высшая вера, что, оставаясь незамеченной, Великая Ложа позаботится обо всем. Таким образом, если у тебя есть идея регулярных и планомерных собраний, осуществляй её, а вера и искренность помогут тебе в этом. Но сделай собрания по-настоящему теософскими. Это значит — никакого сектантства. Если ты постоянно даёшь знать, на словах и на деле, что никого нельзя принудить верить, ты сможешь распространять истины, которые считаешь правильными.

Предположим есть большое Теософское объединение, кредо которого — универсальное братство. Если некоторые не хотят быть его членами, тогда, формально, оставь местное отделение для тех, кто хочет, а для остальных будет польза от посещения собраний. Ничто не может быть помехой, если есть желание слушать музыку на таких собраниях. Всё, что нужно — это ясная голова и сильная рука в руководстве, чтобы не потворствовать вере, как таковой. Это дело может быть успешным. Я знаю многих, кто хотел бы посещать такие собрания и кому нравится, чтобы было немного музыки. Но в таком случае я бы сделал следующее: а) исключил всё, имеющее отношение к гимнам Иисусу и современной религии, и б) ссылался бы на каждую религию и не делал между ними разницы.

Может быть твоя идея — это начало большого и нового успеха, потому что, хотя многие священники действительно стащили и проповедуют наши идеи без упоминания источника, ни у одного из них нет смелости сказать : «Я теософ и проповедую это, не принуждая вас верить». Действуя таким образом, ты добьешься уважения и, в то же

время, возможно, приобретёшь много слушателей. Я удивляюсь, что другие не делали так, но, как видно, тщеславие, личные особенности и страх мешали им. Если сумеешь осуществить свою идею - это будет первый опыт такого рода, и, в то же время, Теософское общество и его администрация окажут тебе полную поддержку в его распространении.

Дай мне знать, что ты думаешь обо всём этом. Желаю удачи и уверенности, надежды и доброго вдохновения.

Искренне твой,

Уильям К. Джадж

Нью-Йорк, ноябрь 1893 г.

Дорогой Брат <.....>!

В ответ на твое письмо с вложенным в него катехизисом от 13 июля, я написал тебе длинное письмо в августе и решил ждать твоего ответа. Так как немедленно после этого я погрузился в работу Чикагского конгресса, которая не совсем ещё закончена, я был слишком занят, чтобы снова обсуждать катехизис в деталях. И как сказал, я предпочёл дожидаться твоего ответа. Попробую вскоре найти время, чтобы пересмотреть и снова послать его тебе. Это очень трудно, поскольку составление катехизиса ведёт к догматизму, которого следует избегать. Хотя у меня есть очень определенные собственные верования, но я сомневаюсь в том, что они должны быть изложены в такой догматической форме поучения, какой был бы катехизис. Есть большая трудность, с которой нам придётся столкнуться. Если детей легко учить и они быстро понимают, то взрослым, занимающимся теософией, трудно понять её, потому что у них очень много старых понятий, от которых надо избавляться.

Искренне твой,

Уильям К. Джадж

В конце письма есть карандашная пометка, сделанная получателем: «Я хорошо знаю, что этот катехизис был ошибкой».

Нью-Йорк, 3 мая 1894 г.

Дорогой брат <.....>!

Возвратившись из 8000 мильного путешествия я нашел твое письмо от 23.3.94. Итак, ты покончил с этим. Наверное это здорово суметь легко расстаться с грузом культа, в который не веришь. Успеха тебе во всем. Рад, что начало новой затеи внушает тебе бодрость и надежду.

Дело <.....> всё ещё решается и, поскольку я вскоре уезжаю в Лондон для участия в этом благословенном Судебном Комитете, то мало что могу сделать для него.

То, что твой ясновидящий видел относительно церкви — это правда, но это займет, возможно, сто лет. Сейчас она ковыляет на своих прогнивших верованиях.

Спасибо за все новости. Пиши мне ещё. Наберись терпения, что письма мои так коротки. Я перегружен. Кроме работы для журнала «Путь» на два будущих месяца у меня скопилось очень много писем отовсюду. И все это надо сделать за три недели.

До свидания и удачи

Уильям К. Джадж

Цинцинатти, 20 мая 1895 г

Дорогой Брат <.....>!

Я не у себя дома в связи с тем, что моё здоровье, пострадавшее от ненависти некоторых людей нуждается в поправке.

Безант сказала своё последнее слово и я прочитал делегатам нашего съезда объяснение на её обвинения — мое последнее слово. Вскоре оно будет опубликовано.

Я бы хотел, чтобы все и во всём игнорировали миссис Безант раз и навсегда. Сейчас она живёт либо враждой, либо лестью. Но, даже если бы я был виноват, какое кошунство сказать, что Великий Учитель мог бы опуститься так низко, чтобы приказывать ей постоянно преследовать меня повсюду с целью опорочить мою репутацию. *Я сочувствую ей в следующей жизни.* Не я, но сотни других, кто был оскорблён и возмущён ее действиями против меня, будут ей досаждают. Вместо одного у неё будут сотни врагов и препятствий.

Что ж, до свиданья, всего наилучшего . . .

Твой,

Уильям К. Джадж

3 октября 1895 г.

. . . В отношении Теософских обществ в Новой Зеландии и Австралии. У меня нет определённого мнения на это счёт. Вы, как ассоциация, должны делать то, что считаете наилучшим. Если люди не хотят работать без управления, дайте его им. Нам нужна работа. Внимательно обдумайте это дело, посоветуйтесь с тем, чтобы вы могли делать то, что, в целом, вы считаете наилучшим для Движения.

Я надеюсь, что вы сможете сформировать сильный центр . . .

Братски ваш,

Уильям К. Джадж

Нью-Йорк, 18 ноября 1895 г.

Дорогой Брат <.....>!

Снова благодарю тебя за очень тёплое приглашение посетить Новую Зеландию и Австралию, но я определённо не могу ехать сейчас, ибо моё здоровье не позволяет совершать путешествия. Кроме того в настоящее время и при нынешних обстоятельствах я не могу поехать так далеко от американского центра. Следовательно, поездку, несомненно, надо отложить. Но поблагодари, пожалуйста, и вырази мои добрые пожелания всем, кто пригласил меня.

Я рад, что «твои люди» будут слушать твои воскресные лекции по теософии — таким образом можно посадить хорошие семена. Что касается других отделений и центров в Новой Зеландии, то они должны следовать тем курсом, который считают правильным. <.....> пишет мне, что там, по крайней мере, нет враждебно настроенных членов. Это хорошо, и кроме того, твоя настойчивая, спокойная работа даст свои плоды. . . .

Раньше ты не говорил о том, что делал заметки во время лекций А. Б. в Окланде. Как правило лучше не обсуждать подобные дела, а обратить свою энергию в другое направление. Всегда имей своё мнение на этот счёт и, если в определенном случае представляется возможность и ты думаешь, что полезно поднять этот вопрос, только тогда следует это делать. Но я полагаю, что А.Б. говорила о «старой тибетке» в таком духе, в каком на Avenue road постоянно говорилось ею и другими, ничего не знающими об этом. Миссис Б. имеет такую привычку «забывать», которую мы называем «плохой забывчивостью».

Большое спасибо за теплые пожелания. . . .

Дружески ваш,

Уильям К. Джадж

26 мая 1888 г

Дорогой <.....>!

Я получил твое письмо. Я рад, что тебе нравится «Бхагавадгита». Причина для такого сходства и совпадения времени состоит в том, что *мы все движемся вместе*. Ты заметишь, что июньская статья о «Бхагавадгите» по типу и рукописи точно совпадает с первой статьёй только что выпущенного «Люцифера» («Оккультизм в сравнении с оккультным искусством», Люцифер, май, 1888 г.). Эту статью следует изучать всем, особенно тем, кто, игнорируя свои обычные обязанности, так сильно домогаются, что готовы без лестницы достать луну с неба.

Оставшаяся часть Пасторалей («Теософия в Королевских пасторалях Теннисона», «Путь», май, июнь 1888 г.) уже подготовлена. Большая нагрузка и спешка не позволили послать корректуру. Тут я должен сказать, что в любой из будущих статей для журнала «Путь», я обязан вырезать много поэзии. Это трата места и это подходит меньшему числу людей, чем проза. Часть 2 твоей поэзии занимает 8 стр. и таким образом

приходится укорачивать равноценную рукопись.

Бехтер вернулся и я рад. Должно быть по нему скучали в Малденском Теософском обществе.

Твои старые обязанности не изменились. Они касаются только подписей и паролей. Я послал тебе некоторые.

Дружески,
Уильям К. Джадж

Дэвачан могут пропустить только те, кто действительно дал обет и принят, а не тот, кто просто стремится. Кроме того, *дэвачан может* доставлять радость, пока ты еще жив.

Ю.

Лондонские и Парижские письма

Впервые были напечатаны в журнале «Слово», за март и апрель 1912 г.

По пути в Индию в 1884 г. мистер Джадж провёл несколько недель в Лондоне, ожидая приезда туда из Индии Е.П.Б. и полковника Олькотта. В течение этого времени он писал письма «давнему другу», миссис Лоре Лэнгфорд (прежде миссис Холлоуэй, соавтору книги «Человек — обломки забытой истории»). О другом аспекте его Лондонской жизни можно узнать из его рассказа «Странная история».

Я посылаю тебе выдержки из писем, принадлежащих С. (А.П. Синнетт, вице-президент Лондонской Ложи), которые я сделал вчера вечером. Конечно, это меньше даже двадцатой части того, что у него есть, но я подумал, что они пригодятся тебе и двум другим теософам (миссис Холлис — Биллингс и Эмма Хардин Бриттэн). Вчера С. получил письмо от Г.О. (Генри Олькотт) с почтовым штемпелем Марселя, в котором сказано, что они, Г.О., Е.П.Б., Мохини (ещё один автор «Человека») и еще один чела, пробудут в Париже, возможно, одну неделю, а затем приедут сюда, все, кроме Е.П.Б., очень разгневанной тем, как Лондонское отделение относится к <.....>. Она говорит, что не поедет в Лондон, а остановится в Булони или в другом месте Франции и будет продолжать работу над новой *Изидой*.

Сегодня до полудня я чувствовал себя ужасно, как никогда. У вас было только 5 утра, а в это же время здесь уже 10. Ужасно. Я испытываю здесь очень сильное внешнее давление и желание вернуться обратно в США. Меня преследуют и другие фантазии, какие ты только можешь вообразить, вплоть до самоубийства. Не я — причина этого. Прошлым

вечером пошёл спать рано. Может быть сказывается плохое влияние <.....> или моего отеля. Но что бы это ни было и есть, это началось на улице, внезапно, без подготовки. И вместо того, чтобы возрастать постепенно, оно устремилось на меня с такой силой, как если бы было решено свести меня с пути.

Мой друг, тёмен путь, и сейчас, когда я пишу, меня окружает долина призраков, ужасная, потому что я знаю, что в этом нет моей вины. Вместо того, чтобы писать, я трачу дневное время на то, чтобы посмотреть то место. По вечерам я обычно бываю у С. Но в последний вечер я пришёл домой в 9:15, почитал «Теософа» до 11, а потом лег в постель. В моих мыслях нет плохого, они об Учителях Мудрости, о тебе, о происходящем.

Сегодня надо телеграфировать Олькотту, но что будет, когда я получу ответ? Таково состояние моих мыслей, я потерял свою устойчивость, . . . и это после всех этих лет. Дорогой друг, помоги мне. Конечно, когда ты получишь это письмо, мое раздражение, может быть, пройдет, но для меня отрада сказать тебе об этом. Сейчас ты либо встала, либо проснулась, потому что здесь уже 11:30. . . . До свидания, любовь всему «D», и хорошо бы вскоре ясно увидеть, во что всё это выльется.

Перед обедом я пошёл к Собору св.Павла, на вершине которого находится огромный колокол. Оттуда можно увидеть грандиозный вид, но мне это не удалось, потому что, хотя день был замечательный, густой туман закрывал всё вокруг.

Не знаю смогла бы ли ты подняться, потому что подъём к колоколу трудный. Лестница наверх находится внутри, между двумя сторонами купола. Она представляет собой цилиндр с тяжелыми железными перилами с каждой стороны и перпендикулярной деревянной лестницей. Поднимаешься по лестнице, держась за тяжелые перила. Только один может подниматься наверх, где есть небольшая площадка, достаточно открытая, но безопасная. Итак, я посмотрел почти всё, что представлялось возможным. Сегодня я собираюсь с Томасом (вероятно Томас Грин), приятелем, к зданиям Парламента.

Моя депрессия не повлияет на тебя, поскольку, скорее всего, она вскоре пройдет.

Я должен заканчивать. Во-первых — свидание, во-вторых — почта закрывается, в третьих — в этой комнате находится мужчина, чье непрерывное сопение сводит меня с ума. Ещё раз до свидания .

Твой брат У.

Эта трава растет во дворе Собора св. Павла.

Вчера вечером я обедал у мисс Арундэйл, на. . . . Сохрани этот адрес. Это совершенно очаровательная женщина и к тому же серьезная. Она живёт там со своей старой матерью, теософские стремления которой, несмотря на пожилой возраст, отличаются свежестью и интенсивностью, присущими молодости. Сегодня я был у С. Он очень мне обрадовался и показал свои богатства. Я сделаю для тебя копию

портрета М., вид в профиль, и пошлю следующей почтой. У него есть три головных портрета К. Х. — очень красивого человека. Один — почти закончен, а остальные — только очертания, окружённые голубым. Он говорит, что все они подлинные. У него есть также портреты двух или трех *чела* из Мадраса. Ещё одно фото принадлежит человеку, лежащему на боку, с длинными волосами и — такими глазами! Его лицо произвело на меня странное впечатление, которое не проходит с того времени. Он изображён склонившимся к своей левой руке, два пальца которой находятся под большими, черными усами; над ними большой, прямой нос, огромные глаза, выражение которых похоже на выражение глаз твоего Учителя. Лицо моложавое и странно древнее. Ты знаешь кто это?

На обед у С. были овощи. Я пробыл там до 11:30 вечера и вернулся домой в отель подземной дорогой. У них я настойчиво думал о тебе с 3 до 7 вечера по твоему времени. После обеда Зено (элементал. —Перев.) проявлял себя в полную силу, носясь из комнаты в комнату. Я подумал «к чему бы это», когда прибыла почта из Индии, в которой было письмо от Олькотта из Адьяра. Олькотт и Е.П.Б., если она приедет, останутся у С. Ты была права, заметив её слабость и полное бессилие. С. говорит, что она очень больна и сильно устала. У них есть ее последнее фото, на котором это переутомление очевидно.

Читал им некоторые из писем Дамадара, к которым они проявили большой интерес. Несмотря на их большие возможности, не думаю, что они также духовно продвинуты, как ты, и, конечно, у них нет твоих способностей.

Так как из Индии ничего не было, я хотел отплыть следующим пароходом в Мадрас, но тут услышал, что Олькотт и Е.П.Б. очень скоро приезжают. Теперь думаю, что подожду их прибытия, поскольку Мохини, приезжающий с целью инструктирования лондонцев, сможет связаться с <.....>.

Итак, прошла еще неделя, и я ещё дальше ушёл от того, кем был когда-то. Магнитная атмосфера Лондона ужасна. Есть такое место на улице Стрэнд, по которой я хожу, я нашел его нынешним утром, где волна отчаяния охватила меня и не отпускала почти весь день. И нет другого пути добраться сюда. У меня плохие сны. Прошлой ночью я видел море, грозно накатывающееся на берег. Это было неприятно, хотя я был в безопасности. Потом я оказался среди почти пересохших речек, в которых задыхались рыбы; одно спасение — у меня было много птиц. После этого я снова уснул и встретил мою сестру А., у которой спросил, что все эти сны значили. Она сказала: «В них нет ничего плохого, они могут значить, что своими действиями ты сам испортишь свои дела и свои намерения». Любопытно, не так ли?

В воскресенье в Лондоне скучно. Уважение к этому дню такое, что, по закону, все общественные здания закрыты на часы церковной службы и все подземные поезда останавливаются. Потом, когда церковные

службы закончены, все двери кабачков опять широко открываются, и всё продолжается в полную силу. Какое лицемерие! Я полагаю, что они боятся, что, если общественные места будут открыты, то рабочий класс может побеспокоить их поклонение самому высокому Богу. А когда поклонение завершено и весь шёлк и тонкое сукно разошлись по домам, бедные люди могут веселиться и пить, как им нравится, после чего пойти в монастырь на вечернюю службу.

Я пошёл туда вчера в 7 вечера и вскоре оказался бок о бок со старыми завсегдатаями кабачков, чье пропитанное спиртом дыхание так смешалось с музыкой и голосом священника, что я начал воображать, что нахожусь в тюремной камере с гуляками, а мимо её окон, распевая, проходят священники и мальчики.

Таково смягчающее влияние английской цивилизации и городских порядков. Вот вам этот пьяница, слушающий в священной обители пошлости преподобного Кэнона Мориса Спэнса, который распространяется о том, что богатые должны помогать бедным и, в то же время он, священник Кэнон, без сомнения, каждый вечер идет домой к своим отбивным и элю.

Разве Кэнон пьет эль? Конечно. Здесь каждый пьет эль или пиво и всегда ест отбивные. Разве Кэнон пьет эль? Конечно. Здесь каждый пьет эль или пиво и всегда ест отбивные. У англичан есть две фразы на этот счёт: «Хорошо бы что-нибудь уничтожить» или «Дайте нам кусок мяса и что-нибудь горькое». Что касается этой любви к пиву, не могу понять, почему англичане и немцы уже давно не объединились на пивной основе; наверное, по причине трудности говорить по-немецки и одновременно пить пиво.

Я зашел повидать М <.....> (Ч.К. Мэсси, спиритуалист, один из тех, кто был в числе первых членов Теософского общества, первый президент Британского Теософского общества, основанного в 1876 г.) в 11:30. . . . Сейчас Мэсси богат, его отец умер, оставив ему средства. Он бросил юридическую практику и занимается философией. Он знает Е.П.Б., знаком с оккультизмом так же долго, как и я, и колеблется насчет поездки в Индию. Сегодня я спросил его почему. Он говорит, что у него много сомнений в этом вопросе. Он знает, что путешествие не такое уж тяжелое, но боится, что приехав туда, совсем ничего не узнает от местных, очень не любящих англичан и американцев. Его поездка в Америку в 1875 году была предпринята после того, как он прочитал книгу Олькотта «Люди из другого мира», а также для того, чтобы повидать Эдди (семейство Эдди. На ферме братьев Эдди Е.П.Б. познакомилась с Олькоттом. — Перев.) Тогда он и встретил Е.П.Б.

Новостей от Олькотта и индусов всё ещё нет. Я прогулялся от отеля до дома Мэсси, что заняло у меня 40 мин. Я шёл вдоль набережной Темзы, мимо Аббатства и здания Парламента, вниз по улице Виктория. Путь был приятным и прогулка восхитительной. Весь путь я думал о тебе и хотел, чтобы ты была со мной.

Это письмо уйдет завтра, в четверг, но опущу его сейчас, потому что собираюсь пойти поужинать с Томасом.

Заметки, над которыми я работаю, о последних из моих приобретений в Южно-американском бизнесе. Потом увидишь результат большой усталости духа и большого вложения денег.

Вчера я пошёл в Британский Музей и нашёл, что его здание, как почти все другие в Лондоне, при приближении прячется из виду.

Это превосходное строение, стоящее лицом к Рассэл стрит. Ты можешь идти в двух кварталах от него и не знать, что оно там, подобно тому, как это не однажды, произошло со мной. Уверяю тебя, что если бы я знал, что музей здесь, я посетил бы его несколько раз. Поскольку у него нет купола, как у Собора

св. Павла, он не заметен издалека. Напротив музея расположена Музейная улица, несомненно очень узкая, поэтому, когда ты приближаешься по ней к музею, ты видишь только маленькую часть вестибюля. Музейная улица ведёт к Драри Лэйн, самой извилистой, узкой и старой из всех улиц, которые я знаю.

Снаружи на ступенях расположены два Новозеландских каменных бога, подаренных королевой Викторией. Внутри нужно оставить трость и зонтик и, при желании, купить общий (экземпляр которого я посылаю тебе с этой почтой) или несколько других специальных каталогов.

Ты проходишь с левой стороны вверх по лестнице, вдоль которой расположено много восточно-индийских барельефов из Буддийского храма Амравати. Мне было очень интересно, и я потратил на осмотр фигур и их поз много времени, которое, я знал, смогу сэкономить на посещении Греческой галереи. Коллекция индийских предметов небольшая, но ассирийская и египетская очень большие и великолепные. Есть коридоры, заполненные такими предметами, как статуи, надгробия и т.п., безусловно, производящими впечатление торжественности. Эти громадные каменные саркофаги и колоссальные статуи наполняют тебя благоговением и преклонением перед теми людьми, которые их сделали. Я чувствовал себя там более комфортно, чем в какой-либо другой части музея. Видел сделанные из огромного красноватого камня плечо и руку длиной 16 футов (фут=30, 4 см). Только подумай, какого размера целое, если у него такая рука! Когда смотришь на колоссальную, чёрного гранита статую стража одних из ворот низшего мира, воображение возвращается к великолепному прошлому Египта. В те времена эта статуя безмолвно и неподвижно восседала в преддверии храма, а процессии жрецов проходили мимо и, возможно, их заклинания вызывали появление элементарных форм, с которых статуя была всего лишь копией. О, как сильно мне хотелось, чтобы ты была там со мной, чтобы ты могла рассказать о порхающих вокруг смутных тенях, невинных и печальных, вопрошающих: куда ушло прошлое, почему больше не существуют обряды былых дней, и с ещё большим удивлением глядящих на нас, современных дикарей.

Всё это не произвело на меня ужасного и дьявольского влияния, я спал спокойнее, чем это часто бывало после дискуссий с друзьями теософами.

Очень хотелось бы знать, какая связь между мной, тобой и египетским прошлым.

Я чувствовал себя очень комфортно и в другой галерее или на лестнице, где выставлена египетская Книга мертвых. Там я видел фигуры, нарисованные мною для тебя на той маленькой панели.

Очень интересно в зале с мумиями. Какие мысли наполняют в таком месте! Как мы осознаем суету человеческой жизни и постоянное вращение великого колеса вечности в быстрой и стремительной реке времени. А там, на полке лежит рука и плечо кого-то, кто жил так много веков назад.

После обеда я зашёл в мастерскую портного на Ладгэйт Хилл и заказал пару брюк за \$4. В Нью-Йорке они стоили бы \$10. Тебя это не волнует, но это часть новостей.

В ответ на приглашение, (посылаю его тебе) зашёл прошлым вечером к С.

Там были — он, его жена и мадам Гебхард. С. получил ещё одно письмо от Олькотта, в котором говорится о том, что до своего отъезда из Индии они послали в Лондон Сорабже Падшаха, индуса и чела, которого Олькотт просит встретить. С. послали за мной с целью попросить меня взять молодого человека к себе, что я сделаю с радостью. С. сказал, что, конечно, встретит его, но не может вообразить, зачем они его послали и что от него ожидают. Моя идея (которую я очень старательно скрывал) состоит в том, что они посылают его, чтобы испытать С.,

и С. уже поступает негостеприимно.

Как может лондонец возложить на приезжего задачу выбора места для индуса, который, конечно же, строгий вегетарианец. Он не может, подобно мне, жить без помощи, и это глупо предлагать поселить его в мой отель. Я предложил снять для него комнату вблизи дома С. На что С. ответил, что это дело неопределенное. Что ж, это действительно туманно, потому что ему придётся выбирать.

Большую часть вечера С. провёл в рассуждении о том, какое имя будут носить внуки Эдинбургского герцога. Конечно, в этом нет ничего плохого, но мне кажется, что у нас мало времени для таких дискуссий.

Вчера вечером я не пошёл на обед к С. и отказался от приглашения обедать там сегодня, оправдываясь тем, что заранее условился с другими. Я попросил его рассказать о встрече с К.Х. и получил такой ответ: «Однажды ночью, внезапно проснувшись в своей постели в Индии, я увидел стоящего у моей кровати К.Х. Я немного приподнялся, но тут К.Х. положил свою руку мне на голову. Я сразу упал обратно на подушку. Потом я обнаружил себя вне тела в следующей комнате, разговаривающим с другим Адептом похожим на англичанина или европейца, очень красивым, со светлыми волосами и светлой кожей».

Это тот, о котором Олькотт рассказывал мне в 1876 году и назвал<.....>. Пожалуйста, сотри это, когда прочтешь. Я думаю, что он тот, которого ты видела и назвала светловолосым Англичанином. С. говорит, что он очень высокий. С. описал как тогда выглядел К.Х. и его описание до некоторой степени совпадает с тем, как К.Х. выглядит на принадлежащем ему портрете.

Разве я не <.....> хороший корреспондент? С 27 февраля я не встретил здесь ни одной близкой души, за исключением Томаса, а он не достигает даже твоего локтя в понимании меня. Наверное я никогда не встречу снова три души, столь добрых ко мне, как ваша тройка, а такую, как твоя — никогда, до тех пор, пока не встречу себя. Спокойной ночи.

20 марта. Доброе утро. Никаких дальнейших новостей от Олькотта и других. Передай мою любовь остальным двум сторонам треугольника. Перепоручу это почте в таком виде, как есть, и напишу тебе снова в субботу.

Навсегда остаюсь твоим братом, Уилл

Вчера я провёл несколько часов в Гайд-парке, гуляя вдоль Роттэн Роу и глядя на проходящих мимо денди. Внешне они самые обычные. Говорят, что самые лучшие отсутствуют, но я видел достаточно того, что здесь считают средней красотой.

Здесь находится памятник Альберту с теми группами на углах, которые так часто фотографировались и распространялись в Америке. В целом он простоват, слишком позолоченный и многоцветный. Колоссального размера принц Альберт, покрытый золотом с головы до ног, сидит в золотом кресле внутри маленького храма. Однако, как мемориал, это величественно. Следующее, что Её императорскому Величеству надо сейчас сделать — это построить мемориал Джону Брауну.

Вчера послал Олькотту телеграмму в Ниццу и только что получил ответ. Сейчас 11 утра. Он просит встретиться его в Париже 27 и говорит, что за телеграммой следует письмо. Что ж, это хоть какое-то ободрение для истомлённого пилигрима, особенно, если, как говорят, пилигрим хандрит. . . . Тебе легко понять, как можно было захандрить в здешнем окружении.

О, как бы я хотел быть уже вне этого. Лондон противный. Слишком много мяса и пива. Я здесь совсем обособился, не хочу никого видеть и слышать.

В Лондоне для меня нет ничего, а потому следующее моё послание будет из Парижа.

У.К.Д.

В конце марта 1884 г. мадам Блаватская, полковник Олькотт и молодой индус, Мохини Чаттерджи прибыли из Индии в Париж. Четвертый членом группы был Бабула,

индус-подросток, который являлся специальным слугой мадам Блаватской. Мистер Джадж встречал их на станции. Он жил с ними в одном доме несколько месяцев, работая над новой версией «Разоблаченной Изиды», которая стала «Тайной Доктриной» и тогда готовилась к публикации.

Нахожусь здесь с 25 марта, а Е.П.Б. прибыла 28-го. Поскольку здесь постоянно толпы людей, я не могу долго говорить с ней наедине. Исходя из тех бесед, которые у нас были, я могу сказать тебе сейчас, что у меня есть подтверждение многого, что произошло. Я не спрашивал, она сказала мне по собственному желанию, что в Индии Учитель говорил ей, что он делает или «готов сделать что-то, связанное со мной или для меня».

. . .

Я счастлив послать тебе это первое подтверждение истинности опыта и полученных в <.....> писем. Я собираюсь послать тебе фото молодого индуса, который приехал сюда. Похоже, что высокий английский Адепт или европеец со светлыми волосами тоже существует. Первый, о котором я упомянул, молодой человек — друг Мохини, который в духовном ученичестве уже много лет. Я описал его Мохини, предполагая, что он его знает. Тот устремился к своей сумке, из которой принес мне фото и сказал, что это он.

Я уверен, что останусь здесь довольно долго и, вероятно, вернусь в Лондон.

Хотя я написал тебе вчера, но не мог одолеть соблазна снова написать сегодня, ибо с сегодняшней почтой посылаю в США очень много писем. Несколько дней у меня был самый ужасный сплин, когда-либо испытанный мною, который прекратился только вчера. Было настолько плохо, что даже Е.П.Б. забеспокоилась. Казалось, сплин нельзя было предотвратить. Это было ужасное состояние, поскольку оно сопровождалось неконтролируемым желанием рыдать. Мадам сказала, что, пребывая в настоящем, я попал в поток из прошлого, в котором циркулирует несколько старых элементариев, которых она видела вокруг меня. Она дала мне поносить в течении дня свое кольцо — талисман, имеющее большую ценность и силу. На нём изображены двойной треугольник и слово «жизнь» на санскрите. Это помогло, но всё это время чувствовал, что должен что-то сделать.

Это трудный путь, каждая душа должна двигаться и работать, чтобы стать сильнее. Чувствую этот момент моего существования как поворотный и, надеюсь, сделать этот поворот для пользы дела. Верю, что не ты причина моей депрессии, хотя если это так, это лучше, чем любая другая. Кажется, это исходит извне. Передай любовь дорогим мне людям и храни обо мне добрую память.

Позавчера я послал тебе грубый набросок, напоминающий Учителя М., я вложил также фото мадам, Субба Роу и Дабаджери Натха или Бабаджи, как они его называют в главном офисе, где он бывает не всегда. С. сказал мне, что в нём есть что-то таинственное, а Мохини подтвердил, что он продвинул очень высоко и может по желанию легко оставлять тело.

Вчера я послал тебе телеграмму, что мой адрес на ближайший месяц будет: Париж, Американ Ехченж, потому что получил указание от Учителя остаться здесь и помочь мадам в работе над «Тайной Доктриной», объявление о выходе которой ты видишь в «Теософе».

Могу продолжать, поскольку ситуация прояснилась. Когда первая спешка прошла, я сказал, что должен ехать в Индию немедленно. О. выразил мнение, что мне надо остаться с Е.П.Б., с чем она согласна. Но я сказал, что ранее мне было приказано ехать в Индию и, при отсутствии дальнейшего указания, я должен ехать. Мадам согласилась, сказав, что вероятно я прав, после чего было решено, что я подожду здесь, пока Олькотт сможет взять мне билет на пароход в Лондоне, куда он поехал 5-го. Всё было решено окончательно. Но на следующее утро в комнату, где мы с Мохини спим и где, мы находились, попивая кофе, зашёл О., живущий в другом конце коридора. Вызвав меня из комнаты, он сказал, что Учитель был у него и что сейчас я не должен ехать в Индию, а остаться здесь и помочь Е.П.Б. в работе над «Тайной Доктриной». Между прочим, моя судьба была связана с «Разоблаченной Изидой». Я помогал ей в работе над ней и, как она напомнила мне вчера, я предложил ей использовать слово «элементал», чтобы сделать определенное различие между ними и «элементариями». Как она сказала: «Это твоё слово, Джадж». Это показывает её благодарность, не в пример многим, кто не желает допустить, что они кому-то обязаны.

Мы с Мохини ещё оставались в нашей комнате, а Е.П.Б. была в постели. После нескольких минут беседы я был совершенно убеждён, что О. прав, особенно поскольку накануне вечером, на улице у меня было предчувствие, что так и будет. Я вернулся в нашу комнату, но не сказал Мохини ничего. Спустя полчаса, он поднял глаза и говорит: «Я полагаю, Джадж, что утром твой Учитель был в этом доме с какой-то целью». Тогда я сказал ему об изменении плана, на что он ответил: «Должно быть это правильно».

Итак, после всего, я здесь и на какой срок — не знаю. Я должен предлагать идеи и писать замечания по работе. Так судьба вновь свела меня с работой над Изидой. Теперь ты вспомнишь её письмо в июне прошлого года о том, что моя судьба неразрывно связана с их (Λ).

Теперь я могу дать тебе доказательства существования Адептов через индусов, которые знают и поклоняются им.

Я понял, что был прав, настаивая на «Бхагавадгите». Мохини говорит, что он постоянно читает её и всё ещё понимает не до конца. Комментарии, которые он сделает для меня, я дам тебе. Однако, хочу

снова подтвердить, как необходимо и стремление осознать, что ты — часть Целого. Являясь постоянной темой медитации, это приведёт к самому лучшему и быстрому прогрессу.

Более того, не следует ждать от Учителей Мудрости слишком много. Они не могут противодействовать закону Кармы и потому, если человек взывает к ним, они говорят: «Пробуй». Если он оказывается не в состоянии, то должен сам себя судить. Если он стал чела, из этого тоже не следует, что они всегда помогают ему. Конечно, есть те, чья карма такова, что они получают помощь. Но неправильно полагать, как некоторые думают, что если они чела, то могут войти в клетку ко льву и быть в безопасности. Однако тот, кому Учитель даёт задание, находится под его защитой.

Еще одно. Как я сказал Д., селезёнка — это место, где находится астрал, жизнеспособность или жизнь. Она испускает свою силу завихрениями, подобно тому, как это делает магнит с лежащими на бумаге железными опилками. Пять центров силы начинаются от селезёнки и заканчиваются на лбу выше носа. Если удаётся выпрямить эти завихрения, тогда астральное тело может оставлять физическое. Ты делаешь это именно таким образом. Я говорил с ним о медитации. Он сказал, что сначала мы должны стараться понять интеллект, а затем перевести в себя это знание, с тем, чтобы оно стало частью нас.

Мы говорим, что мы часть Целого. Что ж, мы должны интенсивно медитировать на этом до тех пор, пока поистине начнём осознавать это и тогда мы начнем получать указания.

У нас было много бесед, и сейчас я не могу охватить всё, сегодня у меня нет времени. Думаю, в основном, он подтвердил моё прежнее понимание вещей, но показал, где я ошибался, недостаточно веря в мои собственные убеждения, как относительно того, во *что* верить, так и того, *как* верить и медитировать. Он также говорит, что нет сомнения в истине посланий Маджи (женщина — мудрец, жившая в Бинаресе — Перев.), он думает, что они отмечены печатью Адепта. Мохини послан сюда, чтобы облегчить трудности в работе Теософского общества, но, в какой-то степени, ему оставлено право судить на своё усмотрение.

Если он ошибётся, он услышит об этом, но если всё будет сделано как нужно, он не всегда будет знать. Это правильно, иначе невозможно было бы сформировать своё суждение, и Братство стало бы просто Богами в церкви, а мы были бы похожи на маленьких детей, которые не могут ходить без помощи.

У меня есть ответ на вопрос: любят ли Учителя Мудрости кого-нибудь.

Учитель <.....> писал в письме, относительно миссис К. (Анна Бонус Кингсфорд.), которая подняла шум в Лондоне, «что своими усилиями помочь бедным животным в связи с вивисекцией, она добилась внимание Чоханов». Чоханы, как ты знаешь, — это *Гуру* Адептов. Если таковы их чувства, то, определенно, они любят людей.

Без сомнения, тебе будет интересно знать об одном замечании, сделанном Мохини. Недавно вечером, когда мы говорили о клевете, распространявшейся многими в отношении мошенничества, он сказал: «Мне повезло в том, что я видел Великого Учителя прежде, чем когда-либо слышал о Теософском обществе».

Я должен передать тебе маленький намек о карме и *Дэвачане*, которого нет в книге Синнета, а он должен быть. Там только сказано, что ты берёшь в *Дэвачан*, свою хорошую карму, а другая ждёт твоего следующего рождения. Это слегка беспокоило меня и многих других. Мохини говорит, ты берёшь туда *обе*, но плохая не имеет возможности выработать себя там и остается в покое, пока ты не вернёшься, тогда она начинает действовать. Конечно, ты должна помнить, что слова, использованные здесь, имеют неопределенное значение. То, что называется «плохой» кармой включает карму «хорошего» качества. Так как, говоря «плохая карма», я имею ввиду карму, которая реализуется в физической жизни, неважно будет ли это хорошая или плохая карма, а говоря хорошая карма в *Дэвачане*, я имею ввиду хорошую, или духовную карму, которая может быть отработана только в *Дэвачане*.

Он говорит мне также, что в «Бхагавадгите», которую я тебе послал, есть много ошибок, и сейчас я вижу, что это перевод Томпсона, а не Харричанда. Открой первую главу, первый стих и поправь текст, чтобы читалось так:

«Что делают низшие части людской природы, жаждущей возобновления жизни, и его другие или духовные его части, Саньява, которые соединены, чтобы бороться друг с другом в кармой приобретённом теле?»

«О, Брахма, какое таинство случается каждую ночь? Когда, лежа на циновке, закрыв глаза, тело теряет себя, а душа ускользает, чтобы поговорить с предками (питри). Оберегай её, Брахма, когда покинув неподвижное тело, она уходит, чтобы танцевать над водами, блуждать в необъятности небес, проникать в темноту и таинственные убежища долин и огромных лесов благословенных Гимават (Гималаев)».

Мне кажется, что такова наша работа в настоящее время. Позволь нам сначала заслужить, а потом желать.

Это довольно серьёзная задача — выбирать и сличать материал «Изиды», с тем, чтобы сохранить все необходимое, а все бесполезное вычеркнуть. Ты особенно подходишь для такой работы и даже, если бы ты работала с намерением возвратиться в Нью-Йорк, это принесло бы тебе хорошую карму. Я тоже подхожу для определённой части этой работы. Мы бы вместе наслаждались знанием и рука об руку двигались вперёд этой дорогой.

Н. уехал ночью, и после этого в течение часа Учителя прислали через Е.П.Б. сообщения в гостиную, прося меня высказать ей догадку об их содержании. Каждое послание производило определенное воздействие на мою кожу, прежде чем она повторяла его.

Между прочим, она говорит, что, когда я готовился к поездке в Мексику, один из Учителей сказал: «Почему он едет туда, мне это не нравится». Но мой Учитель только посмотрел на меня и улыбнулся.

Пятого числа Олькотт и Мохини уехали в Лондон, а мы с мадам остались здесь, так как ей было приказано не ехать туда. Прошёл день, а вечером мы сидели в гостиной вдвоем, ведя серьезные разговоры о старых временах.

Сидя там, я почувствовал знакомый сигнал от Учителя и видел, что она слушает. Она сказала: «Джадж, Учитель говорит, чтобы я попыталась догадаться, что самое невероятное, что Он может сейчас приказать? Я сказал: «Что миссис К. следует сделать президентом Лондонской Ложи». Попытайся ещё. «Что Е.П.Б. следует послать в Лондон». Так оно и было. Он сказал ей поехать экспрессом 7:45, а поскольку у нас в доме не было расписания, он дал точное время его прибытия на различные станции и в Лондон — всё было совершенно точно. Ей очень не хотелось ехать и, могу сказать тебе, зная ее плохое здоровье и громоздкость, это была ужасная поездка. Однако вчера вечером я отвёз ее на станцию и видел как она уехала с маленькой ручной сумкой. Должно быть в этом была какая-то особая цель, поскольку она могла поехать с Олькоттом. Ей было сказано оставаться в Лондоне 24 часа и возвратиться обратно в среду.

Она все время признавалась в том, что не может понять, почему ей было приказано ехать, поскольку лондонцы будут думать, что это сделано напоказ, после ее отказа ехать прежде, и Олькотт, увидев ее, определенно начнёт ругаться. Но ситуация в Лондоне серьезная и, может быть, Они намеривались проделать какие-то феномены с хорошей целью. Таким образом, я оставлен один в этом доме и собираюсь немного поработать над книгой.

Теперь я вернусь к тому, какие изменения произошли относительно меня. Наше намерение таково, что я поеду в Индию, и письма об этом от Олькотта, меня, а также от Е.П.Б. были посланы Дамодару и некоторым другим.

Здесь я нахожусь в окружении графов, графинь и герцогинь. Вчера мне звонила графиня д'Адемар, живущая в Кентаки. Леди Кейтнесс, герцогиня Помарская, будет здесь несколько дней и просит об бесконечном удовольствии, которое доставит ей моя компания. Так идут дела.

Коротко перечислю тебе, что произошло на прошлой неделе. После того, как Олькотт, а за ним мадам уехали, как я тебе говорил, я остался здесь с Бабулой, слугой мадам. Он — индусский мальчик, которого она взяла пять лет назад. Она научила его французскому, он уже знал английский и индостанский. Он отличный слуга и хороший мальчик. Когда она здесь, он спит на полу за её дверью. Сейчас он ждёт меня с едой. Здесь есть француженка, которая убирает и стряпает. Теперь у неё мало работы, потому что по утрам я пью кофе с хлебом, в час дня — рис,

в 6 вечера —обед из овощей. Погода стоит холодная, я сижу здесь, в восточной комнате, где в мерзком французском камине, отправляющем в трубу 2/3 тепла, горят деревянные поленья. После отъезда мадам я посвятил целый день тому, чтобы справиться с таким жутким приступом невралгии, какой даже бедному дьяволу едва ли приходилось испытывать. В другие дни я занимался тем, что просматривал «Изиду» и делал заметки и предложения для «Тайной доктрины», словом вёл отшельническую жизнь, за исключением каждодневной часовой прогулки.

Каждый день я уделяю время попытке увидеть это . . . , однако не могу сообщить об успехе. Может быть не хорошо возносится туда в душе, потому что, не будучи умелым, я легко могу принести обратно встреченные там влияния, среди которых могут быть очень опасные. Возможно этим и объясняются некоторые из пережитых мной ужасных дней страданий и отчаяния.

Ничего нового пока не произошло. Олькотт все также в Лондоне, где сейчас два теософских общества. Разделение, произошедшее в пользу миссис К.

Эти последние 12 дней были для меня испытанием. Достаточно ясно встаёт вопрос: надо ли твёрдо держаться или дать волю судьбе. Думаю, что меня оставили одного, чтобы испытать. Но я не сдался и не сдамся, несмотря на раздражение или горечь, я выстою. Вчера вечером открыл «Теософа», который есть у мадам, и почти сразу, мне попались статьи об ученичестве, его испытаниях и опасностях. Казалось, что это подтверждение моих мыслей, и, хотя картина, в каком-то смысле, скорее гнетущая, они помогли мне обрести силу. Потом там оказался отрывок из работы Дамодара, в котором он намекает, что у тех, кого выбирали сами Учителя, провалов не было. Как ты думаешь, могу я назвать себя одним из тех, кого выбрали? Но даже если нет, это ничего не изменит.

Итак, прощай, желаю тебе ежедневно все больше и больше сознать неделимость Высшего Духа, который во всех нас.

Помнишь, что Великий Учитель сказал о побуждениях? Я цитирую параграф, если ты забыла его:

«Побуждения — это пары, разреженные, как атмосферная влага. Последняя применяется людьми только в виде гидравлической силы сжатого пара. Аналогично, практическая ценность хорошего побуждения, видима только тогда, когда обретает форму действий».

Посылаю это до того, как увижу Е.П.Б., и буду посылать тебе только то, что она говорит. Я не сомневаюсь ни во всём этом, ни в том, что карма соединила нас и будет держать вместе.

Никогда не забываю,

Никогда не забуду,

Никогда не забывал,
Никогда белое не может быть чёрным.

Отдаю тебя в руки Учителя Мудрости.

Мистические Рассказы Уильяма Джаджа

Для Джаджа никогда не было загадкой, как найти новый путь, когда надо было обратить внимание людей на древние истины. Свои рассказы он подписывал псевдонимами: Наджи—Иринн, Мурдха Джоти, Уильям Бренон («Бренон» означает судья на гаэльском языке), Юсибио Урбан, Родригес Ундиано и дюжиной других, которые он придумал и применял не однажды. Он так же использовал древнее изобретение — историческую аллегорию. В период с 1885 по 1893 годы он опубликовал в журнале «Путь» десять необыкновенных рассказов, (за исключением первого, «Странного рассказа», опубликованного в «Теософе»), используя для всех одно авторское имя *Брайан Киннаван*.

В этих рассказах читатель найдёт философию и историю, учение об элементах, о символах, о «взятых взаймы телах», о графических картинах отстроченной кармы, сомнениях, суевериях и отрешении от истинной религии и практики. В них также есть *историческое* обоснование окончательного погружения Атлантиды, рассказ об учреждении Ложи в Ирландии и о том, как Учителя Мудрости оставили *остров* при приближении определенного цикла. Более того, эти любопытные рассказы дают теософам направление, руководство, предупреждение и предсказание. Месяц за месяцем, год за годом в журнале «Путь» Джадж стремился обратить разум своих читателей к смыслу Дела, в котором они принимали участие, говорил о том, что каждый может выбрать свои методы действия, но необходимо совместно держаться теософских принципов. Он указывал на препятствия, описывал опасности и давал формулу для преодоления всех трудностей: преданность, изучение, работа. Потом он выбирал материал из древней истории, чтобы, сделав из него рассказ, повторить всё сначала.

«Оккультная повесть» (или заметки), следующая за рассказами, — ещё одна серия бесценных намёков: о насильственной смерти, о возрождении через облако, дождь и семя и таким путём к человеку (сравните объяснение данное Джаджем в «Океане Теософии» (второй параграф от конца 8 главы), об умопомешательстве, а также наиболее важное и подробное объяснение вопроса «взятых взаймы тел». Из многих идей для рассказов, имеющих в этих заметках Джаджа, только одна была разработана и опубликована — это «Любопытная история».

Странная История

Читатели журнала (этот рассказ был впервые напечатан в журнале «Теософ» за июль и декабрь 1885 г.) находили на его страницах истории, в которые еще труднее поверить и еще более любопытные, чем фрагменты того, о чем я готов рассказать. Нельзя забыть необыкновенный рассказ одного русского об Адепте в замке богача, когда младенец принял образ старика. Этот рассказ, который, по мнению автора, не содержит ничего особенно нового, отличается от многих других тем, что в нём я поведаю о том, что видел сам. Кроме того, сейчас такое подходящее время, что то, о чём говорить, поможет объяснить многим читателям разные любопытные случаи, происшедшие в течение последних пяти лет в Индии и Европе.

Для начала надо сказать, что эта незаконченная история написана в таком свете, как того пожелал тот, от кого она исходит, и кому я не могу не подчиниться. Она интересна именно тем, что ведёт к размышлению, почему и нужна именно сейчас.

Почти все мои друзья в Индии и Европе знали, что я часто ездил на север Южной Америки, а также в Мексику. Об этом факте, несомненно, было сказано и в журнале. Однажды, очень теплым июльским днем 1881 года я стоял в вестибюле церкви св. Терезы в г. Каракас в Венесуэле. Этот город был основан испанцами, которые захватили Перу и Мексику, и его население говорит по-испански. У входа в церковь толпилось много народа. В это время показалась процессия, впереди которой бежал маленький мальчик и хлопал трещоткой для отпугивания дьявола. Наблюдая за процессией, я услышал голос, говоривший по-английски: «Любопытно, что у них сохранился этот единственный из древних обычаев». Повернувшись, я увидел старца необычного вида, который, странно улыбаясь, сказал мне: «Пойдемте со мной, поговорим». Я согласился и он повел меня к дому, на который я часто обращал внимание из-за любопытной староиспанской таблички над дверью, сообщающей, что этот дом находится под протекцией св. Джозефа и Мэри. Следуя приглашению, я вошёл и сразу увидел, что это не обычный каракасский дом. Вместо ленивых и грязных венесуэльских слуг там были чисто одетые индусы, такие, каких я часто видел на соседнем английском острове Тринидад. Вместо противного, обычного для этого города чесночного и других запахов, воздух был наполнен восхитительными ароматами, знакомыми только жителям Востока. Поэтому я сразу пришел к выводу, что меня ждет приятное приключение.

Устроившись в комнате, увешанной гобеленами и охлаждаемой панкаш (индийский вентилятор. — Перев.), которые, очевидно, были установлены не так давно, мы начали беседу. Я старался выяснить, кто этот человек, но он ускользал от ответа. Хотя он не признавался и не отказывался, что знает о Теософском обществе, мадам Блаватской и Учителях Мудрости, но постоянно делал такие замечания, что я был уверен, что он знает о них всё и что умышленно подошел ко мне в

церкви. В течение довольно долгого разговора я заметил, что он наблюдает за мной, и почувствовал, что нахожусь под воздействием его взгляда. Затем он сказал, что, поскольку мы уже достаточно познакомились, он хотел бы объяснить мне следующее. Не удовольствия и не выгоды, только обязанности призвали его сюда. Я упомянул о секретных тропах, которые, как говорят, есть в Перу и где находится много богатств. На мое замечание он ответил, что это правда и что его присутствие здесь связано с ними. Тропы простираются от Перу вплоть до Каракаса, где мы тогда находились. В Перу они скрыты, и человек не в силах найти их. Несмотря на то, что ужасное землетрясение 1812 г. сравняло с землей большую часть города, в этом месте вход на них недостаточно надёжно охраняется. Венесуэльцы ненасытны, и те в Индии, кто знает секрет, послали его сюда, чтобы предотвратить обнаружение входов, что возможно только в определенный сезон. По окончании его он может спокойно уехать, поскольку до следующего года никто не найдет вход без согласия и помощи Адептов. В этот момент прозвучал странный звон колокольчика, и его позвали. Он попросил меня остаться до его возвращения и вышел из комнаты. Погруженный в раздумье, я ждал очень долго, но становилось поздно, прошло время обеда, и я приготовился уйти. Я только намерился это сделать, как тут же вошел слуга-индус и стал у единственной двери. Он продолжал стоять, а я слышал голос, который звучал так, будто доносился ко мне через длинную трубу: «Не надо суетиться». Снова усевшись, я увидел, что на стене, ярко сверкая, висит странная, широкая, серебряная гравюра, которую я раньше не заметил. Наступило такое время дня, когда солнечный свет осветил её, и я увидел на ней изображение, но не смог его расшифровать. Случайно посмотрев на противоположную стену, я обнаружил, что гравюра бросает отражение на поверхность, очевидно, приготовленную для этой цели. На стене находилось полное отражение гравюры. Это была схема с компасом, знаками и странными пометками. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть, но как раз в этот момент солнце опустилось за дома и фигуры исчезли. Все, что я мог понять— было похоже на увеличенные буквы из языков Тамил или Телугу, возможно Зенд. (Тамил, телугу, зенд — группа дравидских языков, на которых говорят в Южной Индии — Перев.) Колокольчик снова слабо прозвенел и старец вернулся. Он извинился, говоря, что был очень далеко, но что мы встретимся снова. Я спросил где, и он ответил: «В Лондоне». Пообещав вернуться, я поспешил уйти. На следующий день я не нашел его нигде и обнаружил, что существуют два дома, находящиеся под протекцией Джозефа и Мэри, однако не мог сказать, в каком из них я его видел. Но в обоих я нашёл испанцев, испанских слуг и испанские запахи.

В 1884 году я приехал в Лондон и забыл к тому времени о моём приключении. Однажды я забрел в старый переулок, чтобы осмотреть на ул. Стрэнд древнюю Римскую стену, которой, как говорили, было 2000

лет. Войдя в переулок и разглядывая постройку, я заметил присутствие человека по внешности иностранца, который наблюдал за мной, когда я появился. Я почувствовал, хотя не был абсолютно уверен, что он как-будто знает меня или, возможно, я встречал его где-то. Казалось, что его глаза не принадлежат его телу, а его внешность была одновременно пугающей и привлекательной. Он разговаривал со слугой, но его голос был мне незнакомым. Потом слуга ушел, а он приблизившись ко мне, сказал:

— Неужели вы забыли дом Джозефа и Мэри?

В тот же момент я узнал выражение этих «окон души» и, все же, это был не тот человек. Решив, что легко не сдамся, я просто сказал: «Нет», — и стал ждать.

— Ну, удалось Вам расшифровать отражение серебряной гравюры на стене?

В этом замечании было полное опознание места нашей встречи, но человек был другой.

— Что ж, — сказал я, — я видел в Каракасе ваши глаза, но не ваше тело. Он засмеялся и ответил:

— Я забыл об этом, я тот же человек, но я одолжил это тело и, определенно, должен пользоваться им ещё какое-то время. Я нахожу, что с ним нелегко справляться, и оно совсем не из тех, что могло бы мне нравиться. Вы, конечно, узнали выражение моих глаз, но я упустил из вида, что вы смотрели на моё тело обычными глазами.

Я опять отправился с ним в его жилище. Не думая о его личности, слушая голос души, — она-то всегда присутствует, я забыл о его метаморфозе. Он любезно рассказал мне о себе невероятно интересные вещи.

Он начал так:

— В том уединении в северной Индии, где я пробыл много лет, я позволил себе обмануться, забыв «Бхагавадгиту», где сказано, что человек — друг своей души и её враг. Но появился шанс исправить нанесенный ущерб и мне дали возможность взять это тело.

В этот момент я снова услышал звон колокольчика, и он оставил меня. Возвратившись, он продолжил рассказ.

Если у меня вскоре появиться возможность, я опишу происшедшее, но сейчас я должен остановиться.

II

Многие не верилт, что меня попросили не писать всю эту историю сразу, и усмехались, когда читали, что я продолжу её, если будет «позволено». Но те, кто хорошо меня знают, почувствуют, что в моем утверждении есть какая-то истина. Тем, кто могут читать между строчками будет интересно знать, что несколько раз я пытался закончить рассказ, чтобы послать в журнал всю рукопись сразу, но всегда случалось, что в момент окончания первой главы мои глаза

затуманивались, или заметки, готовые для работы, становились простой чепухой, или мешали ещё какие-нибудь трудности, так, что вплоть до настоящего момента, я не мог продвинуться хоть немного дальше, чем в последнем изложении. Для меня было совершенно очевидно, что рассказ не будет закончен, хотя я хорошо знаю, что хочу сказать. Эта часть, следовательно, будет последней, так как в попытках прийти к заключению много времени потрачено в борьбе против чего-то, желающего предотвратить подробное описание событий. Для того, чтобы покончить с тем, что уже написано, я вынужден пропустить много эпизодов, которые, возможно, были бы интересны нескольким людям. Но всё философское по природе, что было передано мне, я постараюсь вспомнить и рассказать.

Сидя там в ожидании, пока мой хозяин вернётся, я чувствовал духовное воздействие другого ума, которое было похоже на прохладный бриз с гор.

Это был ум того, для кого наступил момент, когда нет других желаний, кроме того, чтобы карма свершалась. Одновременно с этим, ползущим по мне влиянием, я начал слышать голос, словно через трубу, конец которой был в моей голове. Растянувшаяся в пространстве на огромное расстояние, она делала голос слабым и отдаленным. (некоторые теософы знают о чем я говорю). Он сказал:

«Не тот, кто, наслаждаясь соблазнами, достигает счастья, а тот, чьи страсти входят в его сердце, подобно водам, бегущим в никогда не наполняющийся, спокойный океан. Человек, отказавшийся от соблазнов плоти, работающий без чрезмерного желания, скромно, без гордости — достигает счастья. Это божественное подчинение. Человек, владеющий такой верой в Высшее, не заблудится: достигнув этого даже в час смерти, он сольется с бессмертной природой Брахмы. Тот, кто наслаждается *Амритой* (небесный напиток, или пища богов, пища дарующая бессмертие. — Перев.), что осталась от его жертвоприношения, достигнет вечного духа Высшего Брахмы».

Казалось, что атмосфера комнаты придавала памяти огромную сохраняющую силу. Вечером, вернувшись в своё жильё и обратившись к этим фразам из «Бхагавадгиты», я знал, что они пришли ко мне из места, или от человека, к которому мне следовало испытывать уважение.

Занятый мыслями, я не заметил, как вернулся мой хозяин. Когда я поднял глаза, то неожиданно увидел его сидящим на другой стороне комнаты и читающим книгу. Английская одежда исчезла, на нём было белое индийское дхоти. Я заметил опоясывающий его тело брахманский шнур. Неизвестно для чего, но на цепи вокруг его шеи висело древнее украшение, если не розенкрейцеровское, то несомненно древнее.

Затем я заметил ещё одно изменение. Кажется, что вместе с ним, хотя и не через дверь, пришли другие посетители, но не люди. Сначала я не видел их, хотя осознавал их присутствие, но через несколько мгновений я знал, что они, (кто бы они не были) как будто бесцельно,

носились по комнате туда — сюда. Кроме того, у них не было формы. Все это настолько поглотило моё внимание, что я не говорил ничего, и мой хозяин тоже молчал. Ещё через несколько мгновений эти носящиеся посетители взяли из атмосферы достаточно материала, что позволило им стать частично видимыми. Время от времени они рябили в воздухе, как будто беспокоили среду, в которой двигались, подобно тому, как плавник рыбы рябит поверхность воды. Я начал думать об элементарных формах, о которых мы читали в романе Булвер -Литтона «Зенони», и иллюстрации которых были в любопытной книге Генри Кунрача (Генри Кунрач (1560–1605) — средневековый мистик. — Перев.) о еврейской Каббале.

— Ну что, — сказал мой странный друг, — видишь их? Не надо бояться, они безвредные. Они тебя не видят, за исключением одного, который, похоже, знает тебя. Меня вызвали, так как надо было испытать, можешь ли ты видеть их, и я рад, что ты видишь.

— А можете ли Вы как-нибудь выделить среди других того, который знает меня, — спросил я.

На что он ответил:

— Давай назовем его — «он». Он, кажется, видел тебя где-то. Твой образ остался в его воображении, подобно изображению на фотопластинке, кроме того, я вижу, что он как-то связан с тобой своим именем. Да, это <.....>.

После чего он упомянул имя мнимого элемента или природного духа, о котором одно время несколько лет назад слышали в Нью-Йорке.

— Он смотрит на тебя сейчас и, похоже, ищет что-то, что у тебя было. Может быть когда-то ты делал что-то, о чём он знает?

Тогда я припомнил особую картину, копию египетского папируса «Чертог двух истин» изображающую *Суд Мертвого*. Я сказал ему об этом, сожалея, что у меня нет её с собой, чтобы показать моему другу. Говоря это, я увидел ту самую картину, лежащей на столе. Я не знал откуда она появилась, не помнил, чтобы брал её с собой. Однако, я не спросил ничего и ждал, а в это время мой хозяин напряженно смотрел в пространство над моей головой.

— А, именно это он и искал, и, кажется, и очень доволен, — сказал хозяин так, как будто я мог слышать и видеть то же, что и он. Я знал, что он говорил об элементе.

В следующий момент моё внимание переключилось на картину. Ее поверхность толчками поднималась и опускалась, как будто волны катились по ней, и скрип исходил от каждой части. Звук стал громче, движение прекратилось, и в это время из определённой точки поднялось зыбко колеблющееся, тонкое, беловатое испарение. Тем временем странные посетители, о которых я упомянул, казалось носились больше всего над бумагой, но время от времени один из них предпринимал нечто похожее на летящий прыжок из одного конца комнаты в другой со странно слабым, металлического типа гудением, сопровождавшим его

быстрое движение.

На этом я, нехотя, должен опустить занавес. Позвольте мне нарушить единство и форму этого рассказа, только записав несколько предложений, оставив воображению читателя делать заключения.

Эти странные очертания форм? Достаточно просто. Их видят провидцы в храме. Это правда, что элементалы не имеют формы, как таковой....Но они, несомненно, разбиты на типы, а египтяне были не из тех, кто делал что-либо не научно. . . . Есть оккультная причина почему, будучи бесформенными, они принимают определенные очертания. Они всегда повторяют однажды принятое ими очертание, увиденное провидцами. Таким образом представители астрального света, мудрые или свидетельствующие ангелы — жёлтого цвета, очень высокие, с длинным, как у аиста, клювом. Тех, кто принимает на себя груз души, всегда видят с головой шакала. Об этом разрешается говорить и не трудно понять почему: только один из тысячи слышавших поймет смысл сказанного. . . . Подумай так же над спецификой того, что у всех судей, сидящих там, наверху, одинаковые, но разного цвета головы, и у каждого есть перо, эмблема истины. . . . Нет, это не индусский язык и, однако, это тоже самое. Раньше они говорили, и я думаю, что ты можешь найти это в одной из их книг, что «всё в Высшей Душе, а Высшая Душа во всем»'. Таким образом великая истина одна, но она может быть видима тысячами различных способов. Мы, египтяне, выбрали определённую точку зрения и сделали каждый символ в соответствии с классом, согласно нашего определения. . . . И также, как индусов обвинили в том, что они идолопоклонники, из-за того, что они представляют Кришну с восьмью руками, стоящим на огромном слоне, нам, у кого нет изображения такого божества, приписывают поклонение шакалам, кошкам и птицам. . . .

Да, к сожалению песок схоронил Египет, но он не смог подавить великий глас этого Сфинкса — эзотерическую доктрину. Этот глас люди слышат не от нас, за исключением, изредка, случая, подобного этому. Этот свет горит в Индии, а ключ пребывает в живых людях.

В этот момент снова началось движение поверхности картины и такая же беловатая колонна заколебалась над ней. Слабое гудение воздушных элементалов возобновилось и снова привлекло мое внимание, потом картина успокоилась.

Я должен сказать, что здесь приведена не вся наша беседа. Нет необходимости приводить её полностью. Мой хозяин хранил глубокое молчание всё время и, кажется, ожидал услышать меня, поэтому я сказал:

— Что побудило Вас покинуть те мирные места, где можно достигнуть истинного прогресса?

— Очень похоже, — ответил он, — что они мирные и там можно достичь истинного прогресса, но в то же время ты не осознаёшь

опасности. Ты читал «Занони» и, возможно, преувеличиваешь идею ужасного Обитателя Порога, когда тот становится реальным человеком или вещью. Но действительность намного хуже. Когда ты попадаешь в то, что ты называл «мирными местами», эта сила становится в десять раз сильнее, чем на этом плане, где мы сейчас живем в Лондоне.

— Я предполагал, что в тех местах, свободных от разъедающего беспокойства современной жизни, неофит счастливо плывет через спокойные моря к берегам счастливых островов.

— Совсем не так. На том плане обнаруживаешь, что, хотя духовное солнце бросает на нас благотворное влияние великих мудрецов, которые, впав в паранирвану, отдают собранную ими для нас доброту, но злое влияние, сфокусированное тёмной стороной луны, с неумещающей силой тоже воздействует на нас. Маленькие соблазны и трудности нашей жизни — ничто по сравнению с той борьбой, поэтому, тогда и приходит понимание, что «Сущность не только друг, но и враг себе».

(«Бхагавадгита»)

— Наверное, — сказал я, — вы совершили какую-то большую ошибку, из-за которой Вас осудили на это?

— Нет, не такая уж большая, как Вы назвали её, но и не маленькая. И как следствие мне надо было сделать выбор. В Каракасе ты видел меня в образе определенного персонажа. Там я выполнял то, что требовалось. Иллюзия была полной, исключая глаза. Сейчас ты видишь ещё один образ — иллюзию, и в тоже время реальность, в том значении, какое придают этому слову современные ученые. Это тело живет, но оно умрёт. Возможно, у него нелегкая карма, но я не ропщу. Но разве оно не иллюзия в полном смысле, если ты знаешь, что, хотя это тело говорит и думает, все же я, говорящий, невидим для тебя?

Это не мои слова. Если часть из них кажется бессмысленными или странными многим читателям, не обвиняйте автора. Есть те, кто понимают. Есть и другие, чьи мысли скрыты от них самих, и эти слова нужны, чтобы вызвать эти мысли к жизни. Я не могу привести больше подробностей, кроме тех, что даны выше им самим. У него были причины не говорить их мне, хотя, возможно, что другим он сказал бы больше.

Он высказал одну любопытную вещь, которая даёт пищу уму. Это случилось в тот момент, когда я упомянул использование им, так сказать, взятого взаймы тела:

— Разве ты не знаешь, — проговорил он, — что многие эксперименты могут быть проведены таким путем и что некоторых учеников учат таким образом? Много раз я выходил из этого земного храма, чтобы в него могли войти те, кто, несмотря на то, что пользовались этим инструментом хорошо и с уважением, не знали, что они делали. Если хотите, можно сказать, что они спали. Пребывая в этом теле, они были им по существу, говоря его словами, думая его мыслями, и не были способны контролировать его. Фактически они не желали

этого, ибо полностью отождествляли себя с ним. Когда они просыпались в своих собственных «квартирах», то либо странный сон шептал отрывочную песню их мозгу, либо у них вообще не сохранялось никакого воспоминания. В этом случае тело, поистине, будучи настоящим мастером, могло делать и говорить то, что я бы не сделал. Или случается так, что жилец, может, иногда, делать или высказывать действительные воспоминания о вещах, имеющих отношение только к той жизни, о которой его слушатели не знают.

В этот момент ударили часы. Атмосфера очистилась сама собой. Станный, всё тот же знакомый запах поплыл по комнате и мой хозяин сказал:

— Да, я покажу тебе стихи, которые меня просили показать.

Он подошел к столу, поднял странную маленькую книжку с текстом на языке санскрит, жёлтую от времени и, очевидно, часто читаемую.

Открыв её он прочитал:

— Этот Высший Дух и неподкупное Существо не действует и не подвергается воздействию, даже когда оно в теле, потому что его природа не имеет ни начала, ни свойств. Подобно всегда подвижной *Акаше* или эфиру, который в силу малости своих частиц проходит повсюду без ущерба, также и вездесущий дух остётся в теле не затронутым. Так же, как одно солнце освещает весь мир, дух освещает каждое тело. Таким образом, те, кто мудр, осознают разницу между телом и духом, осознают, что окончательное освобождение от животной природы— идти ко Всевышнему. («Бхагавадгита», последний стих).

Любопытная История

Несколько лет назад я поехал к озёрам Килларни (в Ирландии. —Перев.), но у меня не было обычной для путешественников цели увидеть их. В отрочестве в моих мыслях и снах я часто представлял себя на воде или бредущим вдоль озёр. После того, как это повторилось много раз, я приобрёл фотографии пейзажа и был сильно удивлён, что мои сны были настолько близкими к действительности, что казались воспоминаниями. Разные превратности судьбы позвали меня в другие места мира, поэтому мое совершеннолетие прошло, а я так и не наведалься это место. И, конечно, решение, наконец, поехать туда не возникало до того дня, когда, глядя на витрину в Дублине, я увидел фотографии озёр Килларни. В этот момент меня охватило сильное желание увидеть их. Поэтому я сел на первый поезд и вскоре был там. Я разместился вместе с пожилым человеком, который с самого начала показался мне старым другом.

Следующая пара дней была посвящена бесцельным прогулкам по окрестностям, не приносящим мне удовлетворения, потому что после путешествий в разные страны провинциальные места не были для меня интересными. Но на третий день я ушёл в поле недалеко от берега одного из озёр и присел рядом со старым колодцем. Был необычайно

приятный день, время — чуть после полудня. Я заметил, что мой ум, обычно занятый размышлением о чём-то специфическом, не может сосредоточиться. Какое-то время я не менял положения и почувствовал, что меня охватывает дремота; поле и колодец становились тусклыми, но всё ещё оставались в поле зрения. Казалось, что я становлюсь другим человеком и, по истечению нескольких минут, я увидел сразу за колодцем, подобную тени форму или картину круглой башни, поднимающейся вверх примерно на 50 футов. Я встряхнулся, видение исчезло, и я подумал, что пересилил сон, но, как оказалось, только на мгновение. Всё вернулось с ещё большей чёткостью, чем раньше.

Колодец исчез, и его место заняло здание, а высокая башня постепенно твердела. Мое желание оставаться самим собой исчезло, внутри росло интуитивное чувство, что мои обязанности, так или иначе, влекут меня к башне. Я вошёл в здание, через которое, я знал, необходимо идти, чтобы достичь её. Внутри стен был старый колодец, который я видел, как только вышел в поле, но это странное происшествие не привлекло моего внимания, потому что я узнал колодец, как знакомый ориентир. Приблизившись к башне я стал подниматься по ступеням, которые, закругляясь, шли вверх, и тут услышал довольно знакомый голос, произносивший моё имя. Но это не было именем того кто, сидел внизу, вблизи колодца. Я обратил на это не больше внимания, чем на старый колодец внутри стен. Наконец, я вышел на вершину башни. Там находился старец, поддерживающий огонь. Это был вечный огонь, о котором было известно, что он никогда не потухал, и мне, только одному из всех молодых учеников, было позволено помогать старцу.

Когда моя голова оказалась выше уровня нижнего обода башни, я увидел, находящуюся недалеко величественную и прекрасную гору, а также другие башни, расположенные к ней ближе, чем моя.

Ты опоздал, — сказал старец.

Я не ответил, так как ничего не мог придумать в оправдание, но приблизился и своим поведением показал, что готов охранять огонь вместо него. В этот момент во мне промелькнуло, что солнце находится вблизи горизонта, мгновенное воспоминание о пожилом человеке, с которым я поселился, и также об экспрессе, на который мне пришлось ехать в коляске. Но всё это рассеялось под направленным в мой мозг пронизывающим взглядом старого наблюдателя.

— Я боюсь оставить тебя ответственным за огонь, — первое, что он сказал, — я вижу около тебя тень, темную и молчаливую.

— Не бойся, отец, — ответил я, — я не оставлю огонь и не позволю ему потухнуть.

— Если это случится, мы обречены на гибель и судьба Иннисфолина (один из группы островов Килларни. — Перев.) не свершится.

С этими словами он повернулся и оставил меня, и, вскоре, я уже не

слышал его шагов по витой лестнице, ведущей вниз.

Огонь казался заколдованным. Он едва горел, и пару раз я был парализован страхом, ибо он почти потухал, а ведь он горел ярко, когда уходил старец. Наконец, казалось, что мои усилия и молитвы достигли цели — огонь вспыхнул, и всё выглядело хорошо. В этот момент шум на ступеньках заставил меня повернуться и, к моему удивлению, совершенно незнакомый человек вступил на платформу, где было позволено находиться только хранителям огня.

— Посмотри, — сказал он, — те огни, что вдали, гаснут.

Я посмотрел, и страх охватил меня при виде того, что на более близких к горе башнях дым исчез, и внезапно пораженный, я подбежал к парапету, чтобы лучше увидеть, что происходит. Удовлетворенный тем, что сказанное незнакомцем правда, я повернулся, чтобы возобновить своё наблюдение, и, о ужас, мой огонь только что погас. Огниво или трут использовать здесь не позволяли, хранитель должен был восстанавливать огонь посредством самого огня. В жутком страхе я прыгнул за новым топливом, положил его в огонь, махал руками и, наклонившись, старался раздуть пламя неистовыми порывистыми выдохами. Но все мои усилия были напрасными — огонь погас.

Отвратительный страх охватил меня, а за ним последовал паралич всех нервов, за исключением слуховых. Я слышал, что незнакомец приближается ко мне, а потом, когда он заговорил, я узнал его голос. Вокруг была абсолютная тишина, всё было мертвым и холодным, и, казалось, я знал, что древний хранитель огня никогда не вернется, что никто не вернётся, что произошло какое-то бедствие.

— Это давно ушедшее прошлое, — начал незнакомец, — в котором ты только что достиг момента, когда не сумел поддержать огонь. Это произошло. Зачем тебе слушать об этом? Старец давно исчез и не будет больше беспокоить тебя. Очень скоро ты будешь снова в вихре девятнадцатого века.

Ко мне вернулась речь и я попросил его:

— Скажи мне, что происходит или что произошло.:

— Эту старую башню использовали ближайšie наследники белых Магов, которые населяли Ирландию, когда остров Англия ещё не поднялся из моря, — объяснил мне незнакомец. Когда Великие Учителя должны были уйти, они оставили строгое предписание поддерживать огонь на этих башнях. Кроме того, они предупредили, что сила, сохраняющая этот огонь живым, постепенно исчезнет, если люди будут пренебрегать жизненными обязанностями, если милосердие, ответственность и добродетели будут забыты. Упадок добродетелей совпадёт с затуханием огня, и эта башня, охраняемая старцем и юношей, будет последней. Но если хранители её будут верными своим обязанностям — это может спасти остальных.

Прошло много лет, и драгоценная реликвия, помещённая на гору Иннисфоллина сверкала день и ночь, пока, в конце концов, начала

понемногу тускнеть. Трудно было заставить звучать странные, способные издавать звуки камни, сейчас найденные в Ирландии. Долгие, странные и волнующие звуки парили над горой только тогда, когда чистый душой и преданный слугитель спускался с Белой Башни и заставлял звучать камень, взятый вблизи горы с драгоценностью. Эти камни использовались Великими Магами, и, когда звучал самый большой из них, лежащий вблизи великой Белой Башни, появлялись эльфы озёр. А когда камни горы звучали вместе с тем, что находился около Белой Башни, духи воздуха и воды покорно собирались вокруг.

Но всё это изменилось и воцарилось неверие, потому что огни поддерживались формально.

На тебя и на старца возлагалась надежда. Но в тот роковой день, который сейчас в прошлом, но показан тебе, благодаря моей особой любезности, пустые сны задержали тебя на *один* час позже назначенного времени. Ты пришел, но поздно. Старец был принужден ждать, но боялся оставить тебя, потому, что своим пронизательным взглядом он видел тёмный перст судьбы. Он спустился с лестницы, но упал и умер у её подножья. Потом, в тот роковой момент, твое любопытство повлекло тебя посмотреть на другие башни, хотя ты знал пророчество и верил в него. Этот момент решил всё. Бедный парень, ты не сумел удержать железную руку судьбы.

Огонь потух ты возвратился вниз, и у подножья лестницы увидел их, уносящих старца и

В этот момент я увидел словно из тени, колеблющуюся форму башни. Здание исчезло, колодец был вблизи меня, и я опять был в поле. О !

Брайан Киннаван

Декабрь 1888 г.

Змеиная Кровь

Это был древний и магический остров. Много веков назад великие добрые Адепты с Запада высадились на его берега и на время установили Истину. Но даже они не могли устоять против неумолимого бега судьбы. Они знали, что это место временной остановки, место, где необходимо сконцентрировать достаточно духовной силы, чтобы она стала «закваской» для нескольких циклов, основой, на которой снова сможет подняться храм духовной истины. Эти благословенные существа оставались там несчётные века и видели, как из соседних вод поднимались другие земли, сначала состоявшие из мягкой грязи, которая затем, твердея, превращалась в камни и землю. Они учили людей и считали их способными учениками. Из их числа они выбирали тех, у кого были усердие, терпение и вера. Я был самым незаметным из них; долго и серьёзно работал на Острове — много жизней одну за другой. Остров стал известен как Остров Судьбы, благодаря мистическим событиям будущего, которые предсказали для него самые великие из

Адептов и провидцев.

Я ещё не достиг момента, когда мог уйти с Острова вместе с Учителями, которые сказали, что в определенный день они должны уйти в другие земли, благословив тех из учеников, кто остались с готовностью; другие, которые протестовали, все равно должны были остаться, но без помощи и утешительного благословения священников.

Наконец пришёл день расставания, и добрые Учителя удалились, оставив прочно укоренившуюся подлинную религию и порядок. Все мы знали, что это начнёт разрушаться, и, возможно, к этому приложат руку даже некоторые из нас. Но сила не покинет Остров, пока не свершится его судьба. Силу необходимо спрятать, и она останется скрытой, пока не придёт время.

Прошло много лет, я всё ещё был на Острове, перевоплощаясь снова и снова. Я с грустью видел пренебрежение древними обычаями и преобладание новых взглядов. Это было влияние Змея.

Учителя Мудрости оставили драгоценность на одной, хорошо известной горе, у подножья которой они установили башню. Об этом я говорил в предыдущем рассказе. Я хорошо знал эту гору и каждый день видел её с находившейся на некотором расстоянии башни, на которой исполнял свои обязанности. Я присутствовал, когда изумительную драгоценность положили на гору и, среди всех, кто видел это величественное событие, только один я помнил его. С этого дня минуло много веков, и другие ученики, которые тоже перевоплощались на острове, забыли о событии, но они знали о драгоценности. Некоторые из них, кто в других жизнях были моими слугами на башне, теперь командовали мной, потому что посвятили свои разумы официальной внешней власти, представляющей лишь слабый символ реальности, которая должна существовать внутри.

Итак, осталась только традиция, и алмаз сиял слабее, чем в те дни, когда я впервые узнал о нём. Ночью его лучи устремлялись в небо, но месяц за месяцем священники напрасно пытались применять разные церемонии и молитвы, чтобы он засверкал в полном великолепии непорочных дней. По древнему предсказанию они знали, что такая вспышка, определённо, возможна. Но это всё, что они могли сказать, не зная остального, ибо, зная, они, возможно, не совершили бы ни одной своей церемонии. Горний алмаз должен был засверкать во всем своем великолепии только тогда, когда последняя капля змеиной крови будет пролита на Острове. А после этого сам алмаз никогда не будет найден на камне, где он пролежал так много времени.

Из всех, только я один знал это, но не представлял, где найти Змея. Его влияние чувствовалось и замечалось, потому что в прежние времена он был единственной рептилией, ускользнувшей от преследования. Его рождение было связано со злыми мыслями странствующего черного мага, который оставался на Острове одну неделю. Это было так давно, что священники не знали об этом событии. Надо было убить Змея,

пролив его кровь на землю, чтобы навсегда удалить последний след зла, сделанного черным магом. Алмаз, положенный на гору добрыми Адептами, оставался там только ради этого события. Он охранял зерно истины от змеиного дыхания. В нём не будет нужды, когда Змея уничтожат. Зная всё сказанное, священники не стали бы устраивать церемонии для усиления блеска алмаза, потому что они скорее предпочитали страдать от влияния Змея, чем лишиться драгоценности. Они, определенно, верили, что их власть каким-то образом связана с алмазом на горе. И были правы. Я знал о роковом для них результате, когда мне удалось найти место, где прятался Змей.

День за днем и долгими тёмными ночами я медитировал и взглядывался в каждый уголок Острова. При полной луне, когда алмаз светил немного ярче, я видел едва заметные следы Змея, но никогда не находил его убежища. Однажды вечером, меня навестил соученик, ранее оставивший Остров вместе с теми, кто установил алмаз. Время от времени он возвращался по воздуху, чтобы помочь своему старому другу. Приготовившись удалиться, он сказал: «Посмотри у подножья горы».

Я никогда не думал, что отвратительную рептилию можно найти так близко к священному алмазу. Но она была там, где, злобная природа Высшего священника, дала ей безопасное убежище. Я посмотрел и увидел Змея у подножья, выдыхающего яд и чёрные облака душевного отчаяния.

Снова наступил великий день церемоний для усиления силы алмаза. Я решил, что это время следует использовать для умерщвления Змея и последней вспышки алмаза.

Утро оказалось ясным и теплым. Множество людей толпилось около храма у горы, ожидая от обрядов большого результата. Казалось, будто эти люди чувствовали, что алмаз в этот день засверкает во всём своём первозданном блеске. Однако, время от времени, их охватывал страх, что его величайшая драгоценность будет потеряна навеки.

После Высшего священника была моя очередь исполнять церемониальные обязанности, и только я один знал, что Змей вполз даже в храм и свернулся за алтарем. Взывая к нашему древнему Учителю Мудрости, я решил загнать его в угол, там задушить и пролить его кровь на землю.

Думая об этом, я увидел, что мой друг из далёких мест входит в храм, переодевшись странствующим монахом, и понял, что моё полуосознанное стремление получило ответ. Но смерть тарачилась мне в лицо, потому что там, около алтаря, находился священный топор, всегда готовый сразить человека, допустившего ошибку в обряде. Это был один из отвратительных примеров вырождения древнего ритуала. И если раньше его использовали против того, кто допускал ошибку в проведении церемонии, то теперь, я знал, священник сам убьёт меня, как только погаснет великий свет алмаза. Этот момент для возможности

уничтожить врага человечества наступит, когда будет уже темно. Я не беспокоился о смерти. Разве я не видел её тысячу раз лицом к лицу, как благословенное освобождение и ещё один шанс?

Наконец, этот момент наступил. Я наклонился, нарушая правила, и, засунув руку за алтарь, схватил рептилию за горло. Высший священник увидел, как я наклонился и поспешил к топору. Задержись я на один момент и надежда была бы потеряна. С силой супермена я схватил и сжал горло Змею. Огневая очередь пробила мой череп и я смог увидеть моего странствующего монаха, машущего рукой. Священник тут же споткнулся и упал на пути к топору. Еще одно сжатие и Змей был мёртв. Мой нож! Он был в моём поясе и им я разрезал его горло. Его красная, живая кровь полилась на землю, а топор опустился на мою голову. Младший священник храма замертво упал на пол.

Но умерло только моё тело. Я поднялся в воздух и увидел себя лежащим. Люди не шевелились и не разговаривали. Священник склонился надо мной. Я видел улыбку моего странствующего монаха. Змеиная кровь медленно растекалась и, достигая моего тела, собиралась в маленькие шарики, красные и живые. А на горе за храмом алмаз медленно становился все ярче, а потом вспыхнул и засверкал. Его сияние проникло в храм, где все священники и все люди, кроме моего монаха, распростёрлись на земле. Потом приятные звуки и мягкое шуршание наполнили воздух, и голоса с горы произносили странные слова на незнакомом языке. Люди всё ещё оставались неподвижными. Свет алмаза, казалось, собрался вокруг змеиной крови. Каждый шарик крови был медленно поглощён светом, за исключением одного, более злобного чем другие. А затем этот роковой шарик жизни поднялся в воздух, внезапно превратившись в маленького злобного Змея, который, извиваясь, полетел по воздуху к далеким Островам и исчез в ночи. Священник и люди поднялись в страхе, голоса на горе умолкли, звуки замерли, свет исчез и темнота покрыла всё. Безумный вопль отчаяния поднялся в ночи, и священник выбежал наружу посмотреть на гору.

Пятна змеиной крови всё ещё покрывали землю. Алмаз исчез.

Январь 1889 г.

Магическая Завеса Времени

Есть старое индийское выражение : «Тот, кто знает, в какое Время это свершится, знает всё».

Время на санскрит называется *Кала*. Оно разрушитель, и оно же строитель. Яма, Повелитель смерти, хотя и сильный, но не такой как *Кала*, потому что «пока не придет время, Яма ничего не может сделать». Моменты, пролетая перед нами длинной чредой и несущие с собой всё — это атомы Времени, сыновья *Калы*. Годы превращаются в века, века в циклы, а циклы становятся временами, но Время правит ими всеми, потому что они — только его части.

О, как много веков я видел невидимое Время, рисующее картины на своей магической завесе! Когда я видел едва заметные следы Змея на священном Острове Судьбы, я не знал Время, потому что думал, что будущий момент отличен от того, в котором я жил, и оба они проходят. Я не знал и того, что Змей вместо того, чтобы вдыхать из вечного эфира, питался самой грубой формой материи. Тогда я не видел, что сверкание алмаза, положенного на гору, было вечным сиянием самой Истины. Я по-детски воображал, что у Истины есть начало.

Я был жертвой трагедии в храме, сражённый топором Высшего священника. За этой жертвой последовала другая, как я вскоре выяснил, когда, свободный от своего тела, беседовал с душой моего друга, странствующего монаха. Он сказал мне, что на следующий день, оправившись от ужасного события, Высший священник пошёл в храм, где моя кровь все еще была на полу. Его целью было выиграть время, придумать новый план, как восстановить своё, ослабленное потемнением и исчезновением горного алмаза, влияние на людей. Его мысли были заняты идеей изготовить подмену прекрасной драгоценности. Он был поглощён этой мечтой какое-то время, когда его взгляд привлекла странная сцена. На стенде, из-за которого он выхватил топор, выпустивший мою кровь — жизнь, он увидел облако, которое, казалось, висит на конце потока пара, поднимающегося с пола. Приблизившись, он понял, что моя кровь каким-то странным образом смешивается с кровью убитой мной рептилии. В результате смешивания образуется пар, который, поднимаясь, собирается на стенде. К своему изумлению, он увидел там, в центре облака, медленно формирующуюся бриллиантовую драгоценность, сияние которой заполняет всё здание.

— А, вот и алмаз, — закричал он, — я подожду пока он окончательно восстановится, и тогда мой триумф будет полным. То, что казалось убийством, станет чудом.

В момент, когда он закончил предложение, облако исчезло, вся моя кровь поднялась, и блеск алмаза наполнил его счастьем.

Протянув руку, он взял его со стенда и тут на его лице отразился невероятный ужас. Напрасно он старался двинуться или бросить драгоценность, казалось, что она прикреплена к его руке. Она становилась все меньше, а сжигающие боли пронзили его тело. Другие священники, только что пришедшие, чтобы убрать в храме, остановились у двери, как вкопанные. Лицо Высшего священника было направлено в их сторону, а из его тела шли струи красного, блестящего света, наполнявшего страхом их сердца. Они не могли ни говорить, ни двинуться с места. Это продолжалось недолго — пока алмаз не исчез из его руки, а затем его тело разлетелось на тысячи кусков, в то время, как его проклятая душа, сопровождаемая демоническими формами, завывая, улетала в пространство. Алмаз был иллюзией, это была моя кровь, «плачущая на земле», которая сформировалась в драгоценность из мыслей и честолюбия Высшего священника.

— Теперь пойдём, — сказал мой монах, — пойдём со мной на гору.

Молча, мы поднялись на гору, и, когда достигли вершины, он обернулся, посмотрел на меня своим пронзительным взглядом, под которым вскоре я почувствовал себя так, как если бы смотрел на экран, скрывающий что-то от моего взгляда. Гора и монах исчезли, а вместо них я увидел под собой город, потому что сейчас я был внутри высокой башни на очень высоком здании. Это был древний храм, возвышающийся над городом магов. Недалеко от меня стоял высокий, красивый человек. Я знал, это был мой монах, но как он изменился, а рядом с ним стоял молодой человек и от него, казалось, шёл ко мне поток света, мягкого но яркого, деликатного, но вполне определенного. Я знал, это был я. Обратившись к монаху, я спросил:

— Что это и зачем?

— Это прошлое и настоящее, — ответил он, а ты — будущее.

— А он? — я указал на молодого человека

— Это ты.

— Как я могу видеть это, и на чем оно держится?

— Это Магическая завеса Времени, которая всегда хранит твоё будущее и всегда его скрывает. Посмотри вокруг и над своей головой.

Подчиняясь его команде, я бросил взгляд на распростёршийся внизу город, потом посмотрел вверх и сначала не увидел ничего, кроме неба и звёзд. Но вскоре, как будто в эфире, появилась поверхность, сквозь которую все ещё сияли звёзды, а потом, по мере того, как я всматривался, поверхность становилась осязаемой и звёзды пропали. Но я знал инстинктивно, что если мои мысли разбегутся хоть на минуту, небо явит свой прежний вид. Поэтому я держался стойко. Затем на поверхности в воздухе начали медленно формироваться картины. Город, его народ во всех красках жизни и мягкий напев без слов, казалось, плывет сверху вниз, как будто там, наверху, живут люди. Сцена заколебалась и уплыла, и её заменили мысли и желания тех, кто жил внизу. Никакого действия, только приятные картины, сформированные из мыслей, живые радуги, сверкающие драгоценности, прозрачные кристаллы. Но вскоре темная извилистая линия проползла через ослепительное видение, оставляя, то там, то сям, чёрные пятна и линии. Потом я услышал приятный, проникновенный голос моего монаха:

— Завеса времени поворачивается. Стремления, желания, зависть, тщеславие обезображивают её. Скоро все исчезнет. Смотри.

Я смотрел, как надо мной века прокручивались на сцене, красота которой исчезла. Я видел только темную основу с неприятными и ещё более темными очертаниями обстоятельств, отражавших соперничество и жадность. Иногда можно было видеть слабые пятна и линии света — добрые дела и мысли тех, чей ум был духовного свойства. У меня возник вопрос: «Что это такое, эта завеса?»

— Когда ты в следующий раз родишься на земле, её назовут австралийским светом, — сказал голос моего монаха.

Как раз в это время мощное звучание марша заполнило пространство. Воздушная завеса, казалось, начала пульсировать, её субстанция, если была такая, спрессовывалась, будто некая надвигающаяся сила покушалась на неё, её движение становилось беспорядочным, а потом звёзды снова засияли с неба, и мой дух трепетал на тёмной горе, где была драгоценность. Никакого существа рядом не было, а издали доносился голос, который говорил: «Слушай марш Будущего».

Апрель 1889 г.

Вопрошающий Глаз

Это рассказ не из тех небылиц, в которых действует мистический и невероятный монстр, подобный Голове Раху, которая, как верят простые индусы, проглатывает Луну во время каждого затмения. Раху, ничто другое как сказка, грубо олицетворяющая факт, что тень Земли скрывает белый диск. Я рассказываю вам о настоящем человеческом глазе, скитальце, искателе, просителе, глазе, пронзительном и очаровывающем тебя, как змея завораживает птицу, выискивающим в твоей природе то, что там невозможно найти. О таком глазе, как этот, иногда говорят сейчас различные люди, но они видят его на психическом плане, в астральном свете. Его никогда не видели или чувствовали в свете дня, двигающимся вокруг, подобно другим предметам.

Этот вопрошающий глаз, о котором я пишу, существовал на чудном и священном Острове, где в далёкие времена прошлого происходило так много разных вещей. О да, это всё тот же священный Остров, теперь скрытый, и сила его, как думают некоторые, пропала навсегда. Но его истинная сила будет духовной и, хотя умы современников не знают духовного, заботясь лишь о временной славе, старые достоинства Острова, однажды возвратятся к нему снова. Какие странные и призрачные формы всё ещё плывут вокруг его берегов! Какие странные, тихие нашептывания проскальзывают через его горы! А когда день едва начинает переходить в вечер, его эльфы, внезапно вспоминающие о своих прежних человеческих правителях, ныне выродившихся в людей, которые в какой-то мере их боятся, собираются на момент около места, где похоронена тайна, а потом, вздыхая, улетают. Это здесь впервые увидели вопрошающий глаз. Простого серого цвета в дневное время, он был пронизывающий, настойчивый и всегда устремлённый к тому, чтобы выяснить что-то определённое, от чего его нельзя было отвлечь. Ночью он освещался своим собственным светом и его видели движущимся над Островом, иногда быстро, иногда медленно, как будто он был настроен искать то, что не находил.

Люди боялись этого глаза, хотя в те времена они привыкли ко всякого сорта магическим происшествиям, теперь неизвестным большинству людей на Западе. По началу те, кого он раздражал,

старались уничтожить или поймать его, но безуспешно, потому что в тот момент, когда они предпринимали такую попытку, глаз исчезал. Он никогда не проявлял ненависть, но, казалось, у него была определенная задача и стремление к хорошо поставленной цели. Даже те, кто пытались уничтожить его, были удивлены, что не находили угрозы в его глубине, когда в темноте ночи он, снова приглядываясь, плыл над их постелью.

Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме меня, знал о событии, с которым связано первое появление этого удивительного скитальца или о том, кому этот глаз принадлежал. Я был связан секретом и не мог его открыть.

В том же самом старом храме и башне, о которых я упоминал раньше, жил старый человек, с которым мы всегда поддерживали тесную дружбу. Он был спорщиком и скептиком, однако ужасно искренне и всерьёз хотел знать истину о природе и постоянно говорил: «Если бы я только знал истину, это всё, что я хочу знать».

Но, какие бы я ни предлагал решения, полученные от моих учителей, он всегда терялся в бесконечных сомнениях. В храме ходили слухи, что он пришел в жизнь с таким умом. Он был известен высшим лицам как скептик, тот, кто в предшествующей жизни постоянно высказывал сомнения в возможности решений и выполнения каких-то действий просто для того, чтобы услышать предлагаемые решения, но без всякого желания что-то доказать. После многих лет таких бесполезных дискуссий он поклялся искать только правду. Но карма, накопленная привычкой так жить, не исчерпалась в том рождении, когда я встретился с ним. Он был душевным и искренним человеком, но ему мешала пагубная привычка предшествующей жизни. Таким образом, решение, которое он искал, всегда было близко, но никогда не находилось.

В конце жизни, о которой я рассказываю, он был убеждён, что специальной практикой он может сконцентрировать в своём глазу не только способность видеть, но и все другие способности. Он упрямо приступил к задаче, несмотря на мой сильный протест. Постепенно его глаза приобрели совершенно невероятное, пронизывающее выражение, которое усиливалось всегда, когда он погружался в спор. Это единственное, к чему была привержена его душа, он всё ещё страдал от кармы сомнения. Он заболел, и поскольку был стар, приблизился к смерти. Однажды вечером, по просьбе старца, я пришёл навестить его. Подойдя к постели, я нашёл его умирающим. Мы были одни. Он говорил очень печально, но без напряжения, приближение смерти многое прояснило для него. По мере того, как проходило время, его глаза с просящим, вопросительным выражением становились ещё более невероятно пронизывающими, чем когда-либо.

— А, — сказал он, — я опять ошибся, но это только карма. Я добился успеха во всём, кроме одного, и это всегда будет замедлять мой прогресс.

— Что же это? — спросил я.

Казалось, что выражение его глаз охватывает будущее, когда он сказал мне, что специальная практика вынуждает его оставаться прикованным к его наиболее сильному, правому глазу на долгое время, до тех пор, пока сила энергии, израсходованная на приобретение этого одного совершенства, будет истрачена. Я видел, как его черты медленно охватывает смерть и когда подумал, что он мертв, внезапно, собрав силы, он заставил меня пообещать не разглашать тайну и угас.

Пока он умирал, стемнело. Его тело охладело, и в темноте я увидел ярко светящийся человеческий глаз, смотрящий на меня. Это был его глаз, я узнал его выражение. Все его особенности и способ мышления, казалось, прикрепились к нему и оттуда переносились на меня. Потом он отвернулся от меня и вскоре исчез. Его тело захоронили. Никто не знал об этом, кроме меня и наших старших. Но ещё много лет потом его вопрошающий глаз видели в каждой части Острова, всегда ищущий, всегда спрашивающий, но никогда не ждущий ответа.

Май 1889 г.

Галерея Истинных Лиц

Я описываю картинную галерею, которую давно забыли. Никто не видел её на том месте, где она была, с тех пор, когда ушли те, кто заботились о ней. Но подобные галереи всё ещё можно найти в местах, куда никто не может попасть, если его туда не приведут. Сейчас они спрятаны в далеких и недоступных местах, в Гималайских горах и за ними, в Тибете, под землями Индии и в таких же таинственных местах. Тайные братства, которые владеют такими чудесными знаниями о делах, мыслях и состоянии тех, кого они изображают, не нуждаются в шпионских сведениях или признаниях преступников. В братствах Римской католической церкви или Франкмасонского ордена нарушение правил наказывается только тогда, когда кто-то сообщает о виновном, либо он сам сознаётся в своей вине. День за днем, один за другим масоны нарушают букву и дух принесённой ими клятвы, но если никто не знает или не обвиняет их, они сохраняют свою хорошую репутацию. Солдат в военном лагере или на поле сражения преступает строжайшие правила военной дисциплины, но если при этом его не видят те, кто может выдать или наказать, его проступок остается без последствий. Члены многих религиозных объединений, в тайне от своих сподвижников или глав церквей, действиями или в мыслях, постоянно нарушают все заповеди и ничего не теряют. Но ни великая Римская церковь, ни Франкмасоны или другая религиозная секта не владеют такой галереей, как та, о которой я пытаюсь вам рассказать, единственная, где регистрируется каждое малейшее действие или мысль.

Я не имею в виду астральный свет, который хранит правдивые картины всего, что мы делаем, неважно кто мы — теософы или

скептики, католики или франкмасоны. Это настоящая коллекция подобий реальных форм, намеренно созданная, использующая одну из многих функций астрального света.

Во время одного из моих разговоров со старцем, который превратился в вопрошающий глаз, я впервые услышал об этой изумительной галерее, а после его смерти мне ее показали. Она находилась на Священном Острове, где существовали странные вещи и происходили таинственные события. Вы можете спросить, почему сейчас их там нет, но с таким же успехом, вы можете попросить меня объяснить, почему Атлантида погрузилась в море и почему исчезла Великая Ассирийская империя. У них было своё время, и оно прошло, как пройдёт время нашей хвастливой цивилизации, которая придёт к концу и будет уничтожена. Действие циклического закона невозможно остановить, и как меняется направление приливов и кровь циркулирует в теле, также несомненно и другое, что великие события завершаются и могущественные нации исчезают.

Не знаю, что послужило причиной, — приближающийся ли конец или приказание старших, но за несколько месяцев до смерти старец многое мне рассказал, а на другое намекнул. Однажды, сожалея о многих сделанных им ошибках, он повернулся ко мне и спросил:

— Ты когда-нибудь видел галерею, где находятся твои истинные духовные параметры?

Не зная, что он имеет в виду, я ответил:

— Не знал, что здесь есть такая.

— О, да, она находится в старом храме сразу за горой, и алмаз освещает её лучше, чем всё остальное.

Боясь показать своё полное невежество не только в том, о чём он говорил, но также в незнании назначения этой галереи, я продолжал разговор так, чтобы больше узнать от него. А он, полагая, что я знаю другие, подобные галереи, начал описывать эту. Но в очень важный момент описания он так же мгновенно переменял тему разговора, как затеял его с тем, чтобы я оставался жертвой любопытства. До дня своей смерти он больше никогда не упоминал об этом. Его необычная смерть, за которой последовало появление странного вопрошающего глаза, вытеснила из моей головы мысли о картинах.

Можно предположить, что влияние его одиноко плывущего, умного глаза на мой характер было тенью или предвестником моего знакомства с галереей. Его непреднамеренный вопрос, возникший в результате его собственных недостатков, и урок, данный мне интенсификацией и концентрацией всей его природы в одном глазу, который вечно скитался по Острову, направил мои мысли внутрь, чтобы найти и уничтожить имеющиеся во мне семена зла. Тем временем я усердно исполнял все мои обязанности в храме, где жил. Однажды вечером после того, как я смирил свой дух и тихо заснул под белым лунным светом, падающим на пол, ко мне пришёл сон, что я снова встретил старца, как тогда, когда он

был жив. Он спросил меня, видел ли я уже картинную галерею.

— Нет, я забыл об этом, — признался я во сне, и пробудился от звучания собственного голоса.

Посмотрев вверх, я разглядел в лунном свете фигуру того, кого никогда не видел ни в одном из храмов. Это существо вглядывалось в меня чистыми, холодными глазами, а издали прозвучало, то, что было, как я предположил, его голосом:

— Пойдем со мной.

Поднявшись с постели, я вышел в ночь, следуя за этим немногословным проводником. Луна была полной, в своём наивысшем положении и всё вокруг было освещено её светом. Стены ближайшего к алмазной горе храма выглядели издали самосветящимися. Проводник направился туда, и мы достигли широко открытой двери. Ступив на порог, я внезапно увидел серый, вопрошающий глаз моего старого, умершего друга и соученика, который проплыл мимо, глядя пристально в мои глаза. Я прочитал его выражение, которое, как будто, говорило:

— Здесь находится картинная галерея.

Мы вошли, и, хотя там было несколько священников, казалось, никто не заметил меня. Мы прошли через двор, пересекли зал, прошли через длинный коридор, после чего оказались в широком и высоком помещении без крыши и с единственной дверью. Только звёзды украшали пространство сверху, и, кроме лунного, в помещение лились потоки света от алмаза, поэтому здесь не было ни тени и ни нужды в освещении. Бесшумная дверь мягко качнулась за нами, прозвучала печальная музыка и утихла. В этот момент внезапная тень казалось образовалась в одном месте, но свет быстро поглотил её.

— Приглядывайся внимательно, но не трогай ничего и не бойся, — сказал мой молчаливый проводник. С этими словами он повернулся и оставил меня одного.

Но как я мог сказать, что остался один? Всё помещение было заполнено лицами. Они тянулись вдоль длинного зала вверху и внизу, около пола, над ним, выше, на стенах, в воздухе — везде, за исключением одного прохода. Ни одно из них не двигалось со своего места, но все казались живыми. Через промежутки времени странные, бдительные существа из мира элементаров двигались от места к месту. За кем они следят — за мной или за лицами? Тотчас я почувствовал, что они видят меня, потому что внезапный взгляд из уголков их глаз стрельнул в моём направлении. Но через мгновение что-то произошло, что показало, что они сторожат или наблюдают за лицами.

Я стоял, вглядываясь в лицо старого друга, моего ровесника, которого послали в другую часть острова, что необъяснимо опечалило меня. Один из странных элементаров молча приблизился к нему. В изумлении я напряг глаза, потому что образ моего друга становился бесцветным. Его выражение постоянно менялось. Оно изменялось от белого к серому и жёлтому, и от чёрного к серому, потом, внезапно

стало чёрным, как будто подверглось быстрому разложению. Затем та же печальная музыка, которую я слышал, когда вошёл, ненадолго прозвучала около меня, в то время как чернота лица, казалось, отбрасывала тень. Элементалы набросились на почерневшее, сейчас бездушное лицо, разорвали его на части, и какой-то процесс сам по себе рассеял атомы и восстановил яркость места. Но увы! Там больше не было лица моего друга, и я почувствовал почти непереносимую, подобную отчаянию тоску.

Привыкнув к окружающему, мои чувства, время от времени, ощущали приятную, тихую музыку, которая, казалось, исходит либо от лиц, либо от их окружения. Итак, выбрав одно из них, я стоял перед ним и наблюдал. Оно было ярким и чистым. Его глаза смотрели в мои в полусознании сна. Время от времени лицо становилось немного ярче, и когда это происходило, я слышал нежную музыку. Это убедило меня, что изменения в выражении связаны с музыкой.

Боясь, что меня заставят уйти, я начал внимательно осматривать коллекцию, и нашёл, что в ней представлены все мои соученики, а также сотни тех, которых я никогда не видел, и каждый священник, высшего и низшего ранга из тех, кого я видел на острове. Та же самая печальная музыка, периодически, напоминала мне сцену почернения лица моего друга. Всякий раз, когда звучали эти ноты, я знал, что при этом лица чернеют и разрушаются наблюдающими элементалами, которые, едва различимо для меня, набрасывались на что-то. Это было похоже на вопль ангелов, когда они видят ещё одного смертного, готового к моральному убийству.

Спустя какое-то время во мне начало смутно возникать объяснение этой галереи. Здесь были живые картины каждого ученика или священника ордена, основанного Адептами Алмазной Горы. Эти живые картины были соединены невидимой связью с личностями тех, кого они представляли. Подобно телеграфу, они немедленно отражали точное состояние ума ученика. Когда его падение было окончательным, они становились чёрными и уничтожались. Когда он делал успехи в духовной жизни, степень их сияния или красоты точно отражала его истинное состояние. В момент, когда я пришёл к этому заключению, более громкие и сильные звучания наполнили зал. Прямо рядом со мной было прекрасное, мирное лицо. Его блеск затмил свет вокруг, и я знал, что некий невидимый, незнакомый мне брат, далеко ли или близко, достиг высоты совершенства, которой соответствовали такие тона. Как раз в это время вошел мой провожатый. Я оказался у двери, она была открыта, и мы вышли, пройдя обратно тем же путём, каким вошли. Снаружи положение луны показывало, как долго я пробыл в галерее. Мой проводник не говорил ничего, и мы, молча, возвратились в комнату, откуда ушли. Там он стоял, глядя на меня, и ещё раз я услышал, как будто издалека, его голос, спрашивал:

— Ну что?

У меня в мыслях возник вопрос о том, как эти лица сделаны.

От него, но не из его уст, пришел ответ:

— Ты не можешь понять, они не личности, но они сделаны из их ума и тела.

— Правильно ли я думаю, что они соединены с теми, кого изображают, невидимой связью, передающей состояние человека.

— Да, совершенно правильно. И они никогда не ошибаются. День ото дня они меняются к лучшему или худшему. Как только ученик встал на путь, его картина формируется. Мы не нуждаемся ни в шпионах, ни в угодливых соучениках для предпочтительных поручений, ни в докладах и ни в структурах. Всё регистрируется само собой. Всё, что мы должны — наблюдать образы, чтобы знать продвигается ли ученик вверх или движется обратно.

— А те странные элементалы, подумал я, они питаются этими чернеющими образами?

— Они наши мусорщики. До того, как лица чернеют, они собираются и рассеивают разложившиеся и вредные атомы, формирующие образы тех, кто больше не подходит к такой хорошей компании.

— А музыка, она исходит от образов?

— О, тебе надо многое познать. Музыка исходит от них всех, но она также принадлежит каждой отдельной душе. Это вибрация мыслей и духовной жизни ученика, это музыка его хороших дел и братской любви.

Страшная мысль пришла ко мне: возможно ли для кого-то, если это вообще

возможно, восстановить свой образ, однажды почерневший в галерее?

Но моего провожатого уже не было. Слабый, шуршащий звук и всё, — и три низких ноты издали, как будто их извлекли из большого бронзового колокола!

Июнь 1889 г.

Кожа Земли

Холодный материализм XIX века парализует чувства и убивает мистицизм. Таким образом он совершает двойное преступление, обкрадывая человека и не позволяя многим классам восприимчивых существ продвигаться вверх по лестнице, ведущей от земли к небесам. Потому, рассказывая эти истории, я чувствую, что прячусь за редактора журнала, в который я пишу. Моя жизнь вскоре стала бы мне в тягость, если бы я был известен своей верой в то, что любые существа, а не только человек, подвержены воздействию негативного мышления века. Это век настолько полон невежества, что не видит и ему безразличны тяжелые стоны, прокатывающиеся по пещерам, лежащим на сажени в глубинах матери — земли. Это будет ему безразлично до тех пор, пока презрение к тому, что он называет суеверием, приведет к его гибели, а

потом. . . . взойдет другое время и придут другие люди.

Много циклов назад все было по-другому на нашем Священном Острове. В те времена то, что мы сейчас называем суеверием, было знанием, которое заменено бесстыдной насмешкой надо всем, кроме эмпирической классификации нескольких фактов. Блестящее наследие забыто ради простого утверждения границ нашего невежества. Но лучше я погружусь в прошлое и забуду настоящее.

Прошло семь месяцев с тех пор, как, стоя в галерее истинных лиц, я наблюдал, как подобие лица моего дорогого друга почернело и исчезло. Сегодня утром, когда я проходил мимо Алмазной Горы, мне сообщили, что побеждённый тщеславием и его черным спутником сомнением, он вероломно обманул оказанное ему доверие.

Итак, в назначенное время я ожидал вестника. Как и раньше белое лунное сияние освещало комнату, позволяя видеть месячный циферблат, странным образом вделанный в пол и стены химическим путём, позволяющим видеть только свет луны после 14-го дня её курса. На своём бледном и холодном языке он говорил мне, что это её 17-й день. И, хотя, много лет я видел то же самое каждый месяц, я стоял, глядя на циферблат, очарованный символами, проявляющимися в серебряном свете. Сейчас я увидел некую новую комбинацию нашей старинной магии. Время от времени облака, казалось, плыли сквозь пол, а на них лежала сама Земля. Такого я раньше никогда не видел. Семь раз они проплыли мимо, а затем я почувствовал, что рядом со мной стоит молчаливый посланник. Обернувшись, я увидел его стоящим точно так, как тогда, когда он звал меня в галерею.

— Ты знаешь, что это за картина? — спросил он.

— Нет. Все кажется мне тёмным.

— Это знак, что ты должен пойти в зал земли, расположенный за галереей. Посмотри ещё раз на этот вращающийся шар на облаках и скажи мне, что ты видишь?

Эти слова, казалось, исходили не из уст человека, но от него всего, как будто воздух был полон звуков. Но, подчиняясь указанию, я смотрел на картину и видел, что поверхность мистического шара двигалась, а потом я увидел, что мириады маленьких существ проходят сквозь неё.

— Время, — сказали звуки, исходящие от бесстрастного существа, — это сигнал, мы должны идти. Он повернулся .

Я следовал за ним к зданию и через галерею истинных лиц, где в тишине всё ещё менялись лица и звучала мягкая музыка. Я бы задержался там, чтобы увидеть эти магические лица, но, казалось, что некий трос тащит меня за моим проводником. Приблизившись к другому концу галереи, я не увидел ничего, кроме пустой стены, но посланник прошёл сквозь неё и исчез. Боясь остановиться, неспособный сопротивляться невидимому тросу, я сделал шаг к стене. Одно короткое мгновение неизвестности и, сдерживая дыхание, я прошёл сквозь неё. Это было всего лишь облако, или пар, и я был на другой стороне.

Повернувшись и ожидая что могу видеть через эту нематериальную стену, я обнаружил, что она непроницаема для глаз. Потом трос, который тащил меня, ослабел, потому что мой проводник остановился. Приблизившись, я протянул руки к стене и мои вытянутые пальцы прошли сквозь неё, или, скорее, не испытывая чувствительности, исчезли в ней. И тут голос посланника сказал: "Такова кожа Земли для тех, кто живёт под ней". С этими словами он снова прошел через дверь большой комнаты, и я последовал за ним. Здесь слабый, но гнетущий запах земли наполнял всё пространство. Стоя у самого входа, теперь закрытого бесшумно движущейся дверью, я видел, что всё вокруг, кроме места, где мы стояли, двигалось, как будто отсюда был виден огромный, вращающийся на своей оси шар, и я ощущал все его движения.

Вглядевшись, я увидел, что поверхность вращающегося шара была покрыта огромным количеством совершающих круги маленьких существ, чьё движение было причиной вращения. Вдруг всё это стало казаться прозрачным, и было видно, что внутри шара были такие же существа. Они постоянно приходили с поверхности и двигались к центру по хорошо известным им дорогам. Весь земной шар был представлен здесь в мощной миниатюре, а эти существа внутри и на поверхности сами двигали её, направляемые неким мистическим Существом, чьё присутствие выявляли только лучи света. Никто не видел его, но его молчаливые приказы исполнялись.

Эти маленькие существа были всех цветов и форм, некоторые своей внешностью напоминали человека, другие были подобны звёздным цветам моря. Их чистые тона становились восковыми и бледнели под влиянием внутренних пульсаций света. Их разнообразные формы казались мимолетными, полупрозрачными и легко рассеивающимися. По своей истинной сути эти существа были центрами энергии, ядрами, вокруг которых свет сгущался в разнообразные формы постоянно меняющегося типа и вида. Некоторые из них были более быстрыми и гармоничными в своих движениях, чем другие, и они, как я понял, были наиболее совершенными по шкале Существ. У них была большая орбита, и вокруг них двигались спутники. Всё было заполнено такими системами, и они подчинялись тонкой внутренней Силе, которую я не мог различить. Каждая система существовала для служения всем остальным, каждая дополняла и поддерживала движение других вверх в общей гармонии, основу которой составляли труд и любовь. Казалось, что у них двойная цель: они поддерживали вращение Земли вокруг оси и вели её по орбите. Их блеск и яркость росли, благодаря постоянно увеличивающейся скорости их собственных движений, при этом они становились более понятливыми, постоянно стремясь к самосознанию и любви. По мере роста они стимулировали скрытую искру в металлах и весь подземный мир, подобно тому, как касание ярким пламенем пробуждает пламя.

Некоторые из них, ведомые Невидимой Силой и своим

безоговорочным подчинением (подчиняться было их натурой), большой силой своего момента и возбуждением новых сил привлекали и собирали других. Казалось, что они находятся на пороге охвата большей сферы действия и более высокого сознания и жизни, но остановлены чем-то, но не Силой, которая направляла их. Глядя ближе, я увидел, что повсюду действует враждебное влияние.

В орбиту действия этих послушных и прекрасных существ входило прохождение вперед и назад через мистическую стену. В их обязанности входила работа на поверхности Земли и под ней. Преданное исполнение этих функций служило эволюции в высшие обязанности и высшие формы. Злое влияние часто мешало этому. Оно казалось тёмным туманом, полным пагубных паров, который, охлаждая, умертвлял. Вплывая в помещение, кольца облаков принимали то одну, то другую форму, изменчивые и грязноватые внушения ненависти, соблазна и гордости. На чувствительной форме многих из существ их прикосновение оставляло знаки, давая им противное обличие, которое они были не в состоянии стряхнуть, становясь, таким образом, слугами губительного тумана. Их движения изменялись и становились беспорядочными. Другие после холодного соприкосновения оставались парализованными. А третьи так стремились восполнить частичную задержку работы своих товарищей, что их деятельность становилась нестабильной, а их орбитальное вращение задерживалось. Но, тем не менее, всё множество продолжало ритмично колебаться, подобно блестящему творению, бледнеющему, ярко светящемуся, пульсирующему и замирающему; огромное радужное сердце, мерцающее и издающее звуки во мраке. Здесь великими усилиями туман победил, разрушив гармонию. Он собрался, сконденсировался и своим отвратительным объятием охватил яркие системы, замедлил их движение, оставил их лежать там парализованными, а сам в это время полз на свежие жертвы. И через всю эту странную картину и удивительное сражение я видел смутные, похожие на облака формы городов, населённых земными людьми, моими товарищами, а также реки, горы и деревья Земного шара.

У меня возник вопрос:

— Почему города Земли выглядят, как во сне?

На стене вспыхнуло предложение, смысл которого передавался звучанием каждой буквы:

— Когда тебе показывают элементаров, люди твоей Земли и их города похожи на облака, потому что твой ум направлен не на них. Посмотри снова!

Я увидел, что в одной из частей злой туман собрал силы. Гармония и быстрота очень многих маленьких существ нарушилась настолько, что великий вращающийся глобус, крутясь все сильнее и сильнее, сошёл со своей оси. Я знал, что в каком бы краю Земли ни прошёл туман, там произойдут изменения: людей сметут эпидемии, болезни, преступления.

Ужасаясь надвигающимся несчастьям, в поисках ответа, я посмотрел туда, где был мой проводник. В этот момент он исчез, и, казалось, будто его голос написал на стене живыми, издающими звуки буквами.

— *Это мысли людей.* Я спрятал своё лицо, ужаснувшись такому наследству, а когда я посмотрел снова, огромные струи вырывались через Кожу Земли, мысли струились и изливались потоками миазмов.

Я бы спросил ещё о многом, но, как прежде, из огромного далека пришли глубокие звуки бронзового колокола; ливень земных цветов упал вокруг меня; я прошёл сквозь стену; мой проводник исчез, и я был один в моей комнате, думая о том, что видел.

Октябрь 1889 г.

Вращение Колеса: Небольшой рассказ о карме

I

Он был сыном маленького правителя в Раджпутане. Его отец, происходящий из касты воинов, правил областью, включающей несколько деревень и маленький городок, в котором жил. Он управлял ими справедливо и мудро, так что все жили в достатке и счастливо. Правителя звали Раджа, он жил в каменном доме на вершине холма, господствующего над городом. Его сын, о котором идёт речь, родился после того, как Раджа много лет оставался бездетным. Он был единственным ребенком, которому должны были достаться отцовская честь и влияние. Его назвали Рамой по имени великого Аватары. С рождения и пока он не начал говорить, в детских глазах Рамы всегда видели странное выражение, его пристальный взгляд был таким неотступно холодным и расчетливым, будто он что-то замышляет против тебя. Но иногда казалось, что он смеется над собой, сожалеет, а, иногда, грустит.

Рама подросток и приводил отца в восторг своей добротой и умом. Станный взгляд его детских глаз сохранился, и, хотя все любили его, но также чувствовали почтение, которое, иногда, переходило в страх. Он полностью завершил своё обучение и очень рано, по своему желанию, совершил первое паломничество к известному храму. Раджа становился старым и слабым и сын начал принимать участие в делах управления. Каждый день он уходил в своё жильё один. Никому не разрешалось входить в эти три комнаты. Весь четырнадцатый день каждого месяца он проводил у себя. Давайте войдем туда вместе с ним, чтобы представить себе одно из его ежемесячных уединений и, с его согласия, послушаем.

II

Это была обычная индийская комната. Пол — из твердой циновки, в углу свернутая кровать, на стенах — пара плоских металлических пластин, декорированных слоями эмали с изображением разных богов и

героев. Он входит и приближается к стене, оказываясь лицом к одной из этих пластин, на которой изображён Кришна. Станный взгляд его глаз становится глубже и сильнее, поток света кажется бьёт из них по объекту на стене. Его губы шевелятся.

— Атманам, атмана, — как будто говорит он. А потом шепчет так тихо, что мы не слышим ничего. Слова он произносит на своём диалекте, но в сознании слушающего они переводятся так, будто он говорит:

— Этот груз на моём сердце не из этой жизни. Я не знал горя и не потерял ничего, что любил. Мои стремления осуществились, у меня светлое настоящее и в будущем не видно тени. О Кришна, когда я узнаю то, что не знаю и что стремлюсь познать? Даже сейчас луч надежды прокрадывается в мою душу.

В момент, когда он произносит последние слова, звенящий звук исходит от металлической пластины, и Рама устремляет на неё настойчивый взгляд. Пластина вибрирует, и тонкий запах распространяется от неё по всей комнате. Кажется, что воздух медленно, волнообразно колеблется, а затем ослепительная форма молодого человека как будто формируется от пола, и, пока вибрация центрируется в форму, запах превращается в свет. Рама пристально смотрит на это существо, прямое и грозное, но вместе с тем спокойное и сильное исходящим от него миром. Именно спокойствие и сила поражают в нём. Рама смотрит, а существо в это время говорит:

— Разве ты забыл Упанишад о двух птицах, сидящих на дереве, из которых одна кушает фрукт, а другая смотрит на нее?

— Нет, — сказал Рама, — не забыл. Эти птицы — личное и универсальное. Та, что смотрит — это моя высшая Сущность — Атман.

— Я, твоя высшая Сущность, пришел сказать тебе три слова. Не забудь их, не забудь меня. Они: Действие, Закон и Результат действия.

— Я слышал о них, — говорит Рама, — я знаю Действие и Закон, но результат Действия — это и есть то, что ест меня изнутри?

Прекрасная форма отвечает:

— Это незнание причиняет тебе боль. Возможности твоего будущего ограничены. Цель настоящего рождения в том, чтобы ты мог улучшить свою карму в следующем рождении. Если этого не сделать сейчас, то оно всегда будет мрачным и мучительным. В настоящем — твоё будущее. Возможность заключается в тех делах, которые ты сейчас совершаешь.

Потом, бросив в лицо Рама острый, как стрела, взгляд, форма блекнет, а пластина звенит прощальной нотой. На противоположной стене, казалось, проходят картины бедности и богатства, лачуг и каменных домов. На следующий день Рама вышел из комнаты и после этого никогда не грустил и не раздражался. Его старый отец умер, и он управлял много лет, получая благословления со всех сторон до тех пор, пока не пришёл соперник раджа и потребовал все его владения, доказывая своё право на них через дальнюю ветвь семьи. Вместо того,

чтобы отказать ему в праве на справедливое владение и убить противника, как он мог бы сделать, Рама отказался от всего, ушёл в лес и умер, прожив там несколько лет в суровых условиях.

III

Колесо времени продолжало вращаться, и Рама был вновь рождён в городе, управляемым Раджой, который однажды, в прежней жизни, потребовал владения Рама. В этот раз Рама был бедным, никому неизвестным изгнанником, шандалой, который подметал мусор и надеялся, что карма может ему помочь. Он не знал, что был Рамой, он знал только одно — подметать мусор у дворца Раджи.

Раджа пригласил на важную встречу во дворец всех священников и предсказателей. Обеспокоенный плохим сном, приснившимся ему за день до встречи, суеверный правитель предложил им растолковать его сон, научно объяснить, в чём дело, с тем, чтобы он мог принять предписанные священной книгой смягчающие меры. Ему приснилось, что гуляя в саду и слушая отчёт казначея об своём растущем богатстве, он увидел огромное каменное сооружение, внезапно выросшее перед ним. Он остановился в изумлении, а оно, опрокинувшись, похоронило под собой его вместе с его богатствами. Сон повторился три раза, и страх завладел им.

Астрологи удалились и стали искать ответ в своих книгах. Лекарство простое, предложил один. Пусть король даст огромную сумму денег человеку, которого завтра встретит первым после того, как проснётся. Решение было принято, и тот, кто дал этот совет, намеривался быть под рукой пораньше, чтобы заявить право на деньги. Расположение звёзд подтверждало решение, и Раджа отправился спать, полный решимости сделать завтра большой подарок. У него не было ужасных сновидений. Множество мигающих звёзд двигались по небосводу, и среди них луна, казалось, улыбалась городу, как будто, находясь поблизости, она слышала и знала обо всём. Холодным ранним утром темнота, обещающая рассвет, застала однажды бывшего Рамой шандалу подметающим мусор вблизи дворца, где просыпался Раджа. Последняя звезда в небе, словно, застыла, как бы тревожась, чтобы Рама не забыл подмести мусор со стороны дворца, где было открыто окно Раджи. Медленно, очень медленно продвигался Рама в своей работе. Чувства же Раджи медленно просыпались, и, тут в нем промелькнуло воспоминание об ужасном сне. Поднявшись с циновки, на которой он лежал, он встал и задумался.

— Что я должен делать? Да, сделать подарки. Но ведь день еще не начался, хотя оракул сказал «сразу, как проснись».

Раджа колебался, а в это время бедный уборщик мусора подошел ближе к его окну. Исчезающая звезда бросила через стену луч, который ударил и толкнул его к окну. Отшвырнув ставни, чтобы глотнуть воздуха, Раджа посмотрел вниз, а там, перед ним стоял бедный шандала,

в набедренной повязке, без тюрбана, вспотевший от стараний и спешной работы, стремящийся, чтобы вся территория великого Раджи была готова для ее хозяина.

— Спасибо богам, — сказал Раджа, — это судьба, справедливое решение: подарки должны даваться бедным и благочестивым.

Ранним утром он собрал своих министров и священников и сказал:

— Я делаю подарки богам через бедных; я выполняю свою клятву.

Позовите шандалу, который рано утром подметал землю.

Позвали Раму, подумавшего, что его ждет тюрьма или смерть. Но он был удивлён полученным от Раджи огромным подарком. Когда, став богатым, шандала уходил, он почувствовал странный знакомый запах и увидел блестящую форму, промелькнувшую мимо. «Это — Дэва», — подумал он.

Деньги сделали Раму богатым. Он устроил свою жизнь и пригласил ученых браминов учить других. Он раздавал милостыню. По его предложению было построено огромное каменное здание, по сторонам которого были сделаны разорванные каменные цепи, представляющие судьбу, сломавшую его цепи. Спустя несколько лет мудрый провидец, брамин, суровый и строгий, наблюдая его жизнь, сказал коротко:

— В следующей жизни ты будешь свободен. Твое имя Рама.

Октябрь 1889 г.

Где Были Риши

Риши были священными Бардами, Святыми, великими Адептами. О них знали индусы. В прошлом они дали человечеству огромный духовный импульс. Говорят, что когда-то они жили на земле среди людей и возрождаются время от времени.

Мир состоит из морей и островов, потому что континент — не что иное, как огромный кусок земли, окружённый водой. Это значит, что люди всегда живут на море или на земле, если только они не живут в воздухе. Если же они живут в воздухе, то они не те люди, которых мы знаем». Я думаю об этом, пока большой пароход медленно входит в порт маленького острова. Ещё не брошен якорь, но мне чудится, что вся сцена меняется и ослепительный свет прошлого стирает тёмные картины современной цивилизации. Вместо английского корабля я стою на борту античного судна, устремлённого вперёд неизвестной в наши дни силой. Я прихожу в себя только от шума выгрузки.

И здесь, уже на земле, я стою на вершине холма, возвышающегося над городом и бухтой. И пока все величие забытых лет возникает из Океана, странный свет и необыкновенное судно снова овладевают

моими чувствами и зрением.

Напрасно моё современное образование борется, взывая к своим высотам. Я позволяю занавесу скрыть убогое настоящее.

Вода с тихой песней бьётся о берег и взошедшее час назад солнце сияет над её поверхностью. Но что это там, вдалеке, за точка в небе, приближающаяся с Запада? За ней следует другая и еще одна, и вот уже на горизонте сотни подобных. Некоторые из них уже близко, и их можно легко разглядеть. Странные машины, такие же как первая, которую я увидел, летящие в воздухе, как птицы. Сейчас они медленно приближаются, а некоторые уже садятся на землю. Они приземляются мягко, с удивительным мастерством, без толчка и подскока. Из них выходят приятные люди, которые по-дружески обращаются ко мне. Мне чудится, что один, наиболее великодушный, говорит:

— Хотел бы ты знать, что всё это значит? Тогда пойдем. И он идёт обратно к своей похожей на птицу машине, что стоит в ожидании взлёта.

— Да, хочу, — я чувствую, что прошлое и настоящее слились воедино. Я знаю, *что* должен увидеть, но, лишённое каких-либо деталей, оно будет слишком туманно и недоступно воспоминанию.

Мы входим в быструю, разумно движущуюся машину, она поднимается в воздух на широко раскинувшихся воздушных крыльях и быстро летит на запад — туда, откуда появилась. Она пролетает мимо многих других, летящих на восток к острову, где вода все также тихо напевает лучам солнца. Горизонт медленно поднимается, и море прячет оставшийся Остров от нашего взгляда. Но чем дальше мы летим на запад, тем больше птиц, сделанных руками человека и похожих на нашу, пролетает мимо нас, спеша к тихо напевающей воде, плещущейся у берега выступающей из моря вершины горы. Сначала мы летим так высоко, что не слышим шума моря, но вскоре влажное испарение из морской глубины обдувает моё лицо, а это значит, что мы снижаемся. Мой друг говорит:

— Посмотри вниз, вокруг и перед собой.

Там, внизу слышен рев и напор бешенных, достигающих неба валов воды, огромная дыра, которая всасывает в себя мир. Чёрные облака закрывают солнце и я вижу, как земная кора втягивается в свои подземные глубины. Повернувшись к моему новому другу, я вижу, что он слышит мой произнесенный вопрос и говорит:

— Закончился цикл. Из них мы пришли и приходим. Великие заграждения, которые сдерживали море, разрушились от своего собственного веса.

Потом наша птица набирает скорость, и я вижу, что великий Остров исчез. То, что осталось от его берегов всё ещё крошится и попадает в пасть моря. Воздушные машины, такие же, как наша, только тёмные и без блеска стремятся подняться вместе с своими капитанами, но напрасно. Они медленно поднимаются, а затем падают, и море поглощает их.

Но мы спешим дальше — туда, где вода еще не залила землю, и теперь видим, несколько блестящих воздушных машин, ожидающих своих капитанов, которые входя ломают могучие тёмные машины людей в красном, чьи огромные и удивительные тела спят, как будто под воздействием наркотических паров.

Пока эти огромные красные люди спят, легко ступающие капитаны в солнечных плащах заканчивают разрушение. Несмотря на то, что мы двигаемся быстро, вода приливает, солёное дыхание все поглощающей глубины несётся над нами. Капитаны в солнечной одежде входят в свои легкие машины и, разбежавшись, взлетают, оставляя за собой тех, кто спали, а теперь проснулись. Огромные красного цвета гиганты слышат рёв воды и чувствуют вокруг холодные волны. Они входят в свои машины, но только для того, чтобы убедиться, что все их усилия взлететь бесполезны. Вскоре рассыпающаяся земля больше не держит их, и внезапно набежавшая волна втягивает всех в пасть моря, а коварный океан ревёт от удовольствия покорения Расы, ставшей на Острове последней.

Только одному из всех красных гигантов удаётся избежать смерти, и медленно, но уверенно его машина поднимается выше и выше, избегая разрушителей — солнечных людей.

В это время мой капитан издаёт громкий, ясный и вибрирующий звук удивительной силы, и сотни этих блестящих быстрых машин, стремящихся на восток, поворачивают назад. Теперь они преследуют тяжелую, огромную медленно движущуюся машину гиганта, окружают её, но, кажется, что она избегает их атаки. Мой друг снова издаёт этот звук, и наша машина неподвижно повисает на крыльях. Это сигнал, которому подчиняются мгновенно.

Одна блестящая, маленькая, метко нацеленная машина послана точно в машину красного гиганта. Движимая силой, превышающей силу быстрой пули, она протыкает собой машину гиганта и, разбитая, падает на волны вместе с жертвой. Трепеща я смотрю вниз, но мой капитан говорит доброжелательно:

— Он спасен, потому что по сигналу перешел в другую машину. Все эти красные люди теперь исчезли, а этот последний был самым плохим и самым великим из них.

Через морские брызги и туман мы опять летим на восток, и вскоре видим яркий свет и снова над морем вырастает Остров, где тихо поющая вода шепчется с солнцем. Приземлившись и, обернувшись назад, я вижу, что вся стая быстро несущихся машин исчезла, а в небе штрихи яркого солнечного света сформировались в буквы, которые говорят:

— Прежде чем меловой клиф Альбиона вырос из волн там были Риши. Они были, но теперь их нет.

Звучит громкая, ясная, вибрирующая нота, которую я слышал в машине с быстрыми крыльями. Она вызывает во мне тоскливый трепет, потому что прошлое было славным, но оно ничего не оставило на

будущее, только судьбу.

Январь 1891 г.

Приход Змея

Когда алмаз на горе послал свой последний свет, белые лучи осветили весь Остров и продолжали светить до тех пор, пока злобный Змей, образованный из змеиной крови, летел через море и достиг большого Острова. После этого всё погрузилось в такую же темноту, какой ночь кажется людям. Лишённый тела, лежащего холодным и мёртвым у алтаря, я видел Высшего священника, склонившегося над трупом до тех пор, пока растущая темнота не наполнила его тревогой, сменившейся ужасом. Он поднимался, а я слышал звучащий повсюду торжественный голос:

— Цикл закончился. Ты завершил часть своей работы, оставив немного для злобного Змея. Ты должен следовать за ним на другие Острова до тех пор, пока судьба приведёт тебя в другое место. Смело следуй этому, не бойся ничего, потому что мы всегда с тобой — и при свете, и в темноте.

Внезапная слабость охватила моё эфирное тело, тени летали вокруг меня, и я знал, что лечу на восток над огромным, вздымающимся подо мной морем. Я нёсся всё дальше и дальше и вскоре почувствовал запах земли. Я плыл в атмосфере наполненной тяжёлыми эманациями над островом, лежащим к западу от того, где я родился после того, как потерял сознание. Даже будучи ребёнком, я знал, что змеиная кровь явится мне, очень хорошо знал, что однажды я должен с ней встретиться. Прошло время, и я вернулся в жизнь в компании друидов, и один из них говорил о явлении Змея.

Моему учителю и рассказчику было более ста лет. Его длинная белая борода падала на грудь. Огромные голубые глаза, казалось, живущие своим собственным светом, выражали силу и бесстрашие, его вглядывающуюся в тебя душу. Они пронизывали твоё существо, но в них были спокойствие и надежда. Спокойствие, рождённое многими жизнями борьбы и побед, надежда, выросшая из знания огромной и всесторонней картины будущего. Он был провидцем и знал о великих приливах и отливах времени. Он сказал:

— Мальчик, твои вопросы исходят из прошлого опыта. Змей на этой земле. Мы пришли сюда очень давно, наблюдая с берега Алмазного Острова много веков, как эта земля медленно поднималась из глубины, сначала коснувшись поверхности, а затем выступила из воды. Поэтому твой родной остров гораздо старше, чем этот. Когда эта земля приблизилась к поверхности, с помощью особой силы мы внедрили в ил огромные, магические камни и этой же силой удерживали их на месте, надеясь заранее подготовиться к приходу Змея. Но победить могут только человеческие сердца и воля. Магические камни, амулеты и брелки оказывают содействие, но они временное средство. Прошло

много веков после того, как земля поднялась, покрылась растительностью и её заселили люди. Мы с грустью наблюдали, как эманации, идущие от колонистов, становились плотнее с каждым днём.

Через море к горизонту Алмазная Гора бросала свет, по ночам — слабый и прекрасный, а днём — блёкло-голубой. Однажды ночью, когда я сидел вместе с братьями, глядя на Запад, свет на небе всполохнул с неожиданной силой. Мы знали, час пришёл. С исчезновением этого священного огня становилось всё темнее, а сквозь воздух из-за моря приближался шипящий звук. Это была змеиная кровь, одна капля которой превратилась в маленького Змея, летящего с запада. В этот день ты нарушил установления, задушив древнего Змея за алтарём, и погиб от рук Высшего священника лживой и поддельной религии.

Напрасно звучали наши распевы вокруг могущественных камней, величаво стоявших на равнине. Не прекращаясь, громче и громче приближалось это злобное шипение. Змей упал на землю как раз вблизи камней Солнца и скрылся от нашего взгляда.

С того времени его губительное влияние чувствовалось по всей земле и до твоего прихода мы не знали, когда должен появиться спаситель. В тебе скрыта способность уничтожить последние остатки силы змеиной крови. Возможно тебе помогут твои старые друзья, потому что хотя ты молодой, но ты старше всех нас. Будь мудрым и правдивым. Не забывай свои обязанности, прилагай усилия. Придёт день, когда, благодаря твоим силе и искусству, последняя капля этой змеиной крови превратится в эликсир.

— *Март 1893 г.*

Оккультная Повесть

Неустанный труженик Джадж всегда предлагал новые виды деятельности. Никто не знал, какая свежая идея возникнет в его неутомимом уме. Одной такой идеей, занимавшей наиболее приятные моменты его жизни, была оккультная повесть. У него была идея, что его друг должен написать её на основании эпизодов и материалов, полученных от него. Этой идеи он твёрдо придерживался, закрепив за другом авторское право, несмотря на смеющиеся протесты этого друга, на чьё возмущённое заявление, что она никогда писала и ей не следует писать повесть, Джадж, улыбаясь, отвечал: «О, да! Ты напишешь, когда придёт время». Время от времени он посылал этому другу предложения, эпизоды и другие материалы для этой повести на помятых кусках и

обрывках бумаги, часто на грубой обёрточной бумаге, набросанные под фонарём, ночью, пока он ждал своего поезда, или в суде, ожидая дела, в котором должен был выступать. На этих клочках есть также небольшие заметки по поводу идей принимаемых или отвергаемых его собственным плодовитым умом. Эти заметки также даны здесь без изменений. Предполагалось, что получатель этих материалов должна написать повесть, как предложено, оговорив факт, что она не уверена, что правильно истолковала истинные идеи Джаджа. Мыслилось, что читатель больше предпочтёт иметь заметки в том виде, как они написаны У.Джаджем.

Повесть называется:

Во взятом в долг теле

Путешествие духа

Д. Кэмпбелл Фер-Планк, ФТО, 1891г

Имя вписано почерком мистера Джаджа, а на полях есть заметка: «Авторское право принадлежит Вашнгн.».

(Все *Заметки* на полях сделаны мистером Джаджем, если нет другого указания).

[Д. Н.]

Меморандум № 1

О теле взятом в долг.

Основное внимание следует обратить не на перевоплощение, но на использование взятого в долг тела. Такая форма перевоплощения отличается от той, что описана во книге Сэра Арнольда «Фра дэ Фонишэн».

Это даст возможность показать два другие вида перевоплощения:

- а) Обычное перевоплощение, когда память о прежней личности отсутствует, из-за наличия нового астрального тела,
- б) Всё аналогично концепции обычных случаев, кроме астрального тела, когда ребёнок сохраняет старое астральное тело и, таким образом, прежнюю личность, старые знания и ловкость.

Одна Глава

Собирание сканд

Со смертью тела кармический принцип собирает сканды в пространстве. После возрождения Эго *сканды* собираются вместе вокруг него, чтобы идти в новую жизнь.

Ещё одна глава *Раскрытие тайны Солнца*

Существует Солнце истинное и видимое. Истинное спрятано в золотой вазе, и пылкий приверженец молится:

— Открой, о Пушан, истинное лицо Солнца, и т.д. Ответный голос говорит:

— Ты — эта ваза.

И тогда он знает, что только он сам прячет истинное Солнце от себя.

Пушан — это ведущий и стражи на пути к Солнцу.

Хвала Солнцу и Душе хранится в золотой розе или лотосе, в сердце, которое непоколебимо.

Тема книги может быть иной, чем «учитель и ученик».

Сначала, как обычно, в нескольких жизнях он прилагает усилия. Потом, в одной из них, он становится старым и мудрым, и, сидя, однажды, перед храмом в Мадуре, медленно умирая, смутно видит Адептов, окруживших его, чтобы помочь, а также себя маленьким ребёнком. После этого плотная темнота. Потом он рождается обычным путём.

Это повторилось дважды, каждый раз проходя через лоно, но с одним и тем же астральным телом.

Потом он жил третью жизнь до сорока девяти (сравните это с утверждением Джаджа в письме Олькотту, 4 марта 1880 г.: «Однажды я жил в Индии 19 лет, и до этого дважды по 2-3 года. Таким образом, вы видите, я не на столько моложе вас, как я думал») и опять умер и с той же помощью выбрал тело ребёнка, умирающего в другой стране.

Ребёнок умирает. Сканды собираются, Эго ребёнка уходит, ушло, искра жизни едва горит: родственники у постели.

Он оживляет тело, войдя тем же путём, каким выходит разум. Выздоровление, молодость, и т. д.

Это его взятое взаймы тело.

Меморандум № 2 *Пара случаев для книги*

I. Круглая башня, используемая служителями огня в Ирландии и на других островах в древние времена. К ней присоединён храм: причудливое сооружение — для одного священника и одного неопита.

Так как истинная религия в упадке, люди приходят в храм под башней.

На вершине башни находится неофит, который видит, как господствующий скептицизм цепляется за мёртвую веру и Высшего священника. В обязанности неофита входит поддерживать огонь на башне, подкладывая в него ароматические поленья. Он склонился к огню, который плохо горит. Полено, похоже недавно срубленное, и, хотя он дует на него, огонь едва горит. Снизу до него доносятся голоса спорящих, он идёт к краю башни и пристально смотрит на них, а в это время огонь медленно затухает. Неофит — молодой человек с необыкновенным выражением некрасивого, но сильного лица. У него длинные тёмные волосы, напряжённый взгляд далеко глядящих сероватых глаз, редких в сочетании с таким цветом волос. Чистая кожа, от которой струится колеблющийся свет, а чувствительное, легко вспыхивающее лицо иногда становится непреклонным. Пока он смотрит, огонь потухает. В этот момент высокий старец поднимается по лестнице и останавливается наверху башни с противоположной стороны, сначала глядя на огонь, а потом на молодого человека. Он ни на мгновение не отводит от него свой взгляд — непреклонный, сильный, притягивающий. Это высокий человек с тёмно-кариими глазами, седыми волосами и длинной бородой. Чувствуя на себе его взгляд, молодой человек поворачивается и видит совершенно потухший огонь, от которого уплывает за башню последнее маленькое облачко дыма. Неофит и старец смотрят друг на друга. На лице молодого человека можно увидеть отчаянное желание извиниться, но потом у него возникает внезапная мысль, что просить прощения бесполезно и по-детски. Он знал свои обязанности — хранить этот маленький виток дыма, соединяющий небеса и землю, в надежде, впрочем бесполезной, что старые времена можно вернуть обратно. Старец поднимает руку, показывает в направлении от башни и говорит: «Иди». Молодой человек спускается с башни.

II. Сражение. В жесточайшей схватке вооружённый до зубов молодой солдат сражается так, будто неважно победит он или будет побеждён, умрёт или останется жив. Незнакомое оружие, звуки, облака.

Он ранен, истекает кровью. Это молодой человек из башни. Он теряет сознание, взят в плен и находится в камере, приговорённый к смерти. Это конфликт между последними остатками старой религии и новой эгоистичной верой, и её сторонники боятся его духовной силы.

Казнь. Два палача. Они связывают его, становятся сзади по сторонам. Каждый держит длинное прямое оружие с закруглённым, тупым лезвием для охвата шеи. Они стоят с противоположных сторон, положив эти тупые лезвия так, что они держат шею молодого человека, как два крюка. Тянут. Отвратительный звук: его голова грубо оторвана близко к плечам оставив острый край. Тело качается и падает. Они надеялись, что, подвергнутая такому ужасному уходу благородная душа задержится в астральной сфере земли на века.

III. Снова этот молодой человек. Он приближается к старцу (из

башни). Молодой держит пергамент и цветы. Показывая на пергамент, он просит объяснения. Старец говорит:

— Не сейчас, я расскажу тебе, когда приду опять.

Заметка: «Храни это, Юлий».

Следующая группа заметок озаглавлена: «Книга». Затем следует четыре строчки написанные путём стенографии. После них слова:

«Случаи изображающие его жизнь в другие времена, башни, сражения, смерть, поиски знания и эмоциональные восприятия, выраженные в цветах.»

Эсибио Родригес дэ Индиано (сравните литературные имена мистера Джаджа — Эсибио Урбан и Родригес Индиано) был нотариусом в Испании, который нашёл в вещах своего отца много старых пергаментов, написанных на неизвестном ему языке. Он узнал, что это арабский, а чтобы расшифровать пергаменты, он изучил его. Бумаги содержали рассказ.

Заметка. Посвящённых нет, только Литтон.

Эсибио дэ Индиано — это единственный из старых друзей родившихся в Испании, который, подобно Никодимусу, искал свет.

Заметка. Да.

Эсибио дэ Индиано находит в отцовских пергаментах подтверждение того, о чём часто говорило ему тело, которым он владел.

Заметка. Да.

Эта личность в теле никогда и никому не открыла своё имя, и у нее нет имени.

Автобиографическая история? Нет? *Да!* Рассказанная одним из тех, кого она коснулась, любопытствующим, который что-то подозревал? Нет. Поскольку основанное на слухах свидетельство — это недостаточное доказательство. Тогда, если он рассказывает это сам, — это либо правда, либо безумная выдумка. Лучше быть безумным, чем инструментом в руках другого.

Продолжи рассказ о башне и о том, что было после того, как ему отрубили голову. Пусть станет тем молодым человеком и после потери головы он блуждает *в камалоке* и там встречает старца, который был убит на башне вскоре после того, как потух огонь. Старец говорит, что объяснит ему всё, когда они вернутся на землю.

Стремясь к рождению, он бродит в окрестностях башни до тех пор, пока, однажды, видит смутные формы, внезапно появляющиеся и исчезающие. Их одежда не похожа на то, как одеваются его соотечественники на земле. Так продолжается некоторое время. Смутные формы кажутся дружественными и знакомыми. Одна из них предлагает ему пойти с ними. Он отказывается. Они настаивают, и, хотя не принуждают его, но показывают свою силу. Как -то одна из них снова говорит с ним, но он снова отказывается, сказав, что ему должен быть знак идти. Тотчас он слышит звон колокола, которого никогда не слышал раньше. Звон вибрирует в нём и, кажется, открывает виды

удивительного прошлого. В этот момент он соглашается идти.

Они достигают Южной Индии, и там он встречает старца с башни, к которому снова обращается с волнующем его вопросом о пергаменте. Старец повторяет то, что говорил ему раньше, добавив, что для него было бы лучше снова прийти в мир в этом месте.

Темнота и тишина. Ясный, жаркий день. Нет дождей. После разговора со старцем молодой человек внутренне согласен принять там жизнь. Вскоре начинается сильный шторм, стучит дождь. Он чувствует, что его несёт к земле в глубокой темноте. Вокруг него повторяющийся шум, издаваемый набирающими силу растениями; это рисовое поле с вкраплениями кунжута, и ливень благоприятствует их росту. Он смотрит вокруг, всё в движении, живёт. Вложенный в какое-то рисовое зерно, он оплакивает свою судьбу и рождается в доме брамина.

Заметка. Следует ли вдаваться в подробности перевоплощения — через облака, дождь и семя, а также от семени человека?

Он — молодой человек с большими знаниями. Умирает в девятнадцать лет. Странные формы, окружающие постель, держат его. Они несут его обратно в страну башен. Он узнаёт это место и видит, что прошли века с тех пор, когда потух огонь. Он ощущает находящиеся в воздухе странные формы и всё время видит руку судьбы, показывающую на этот Остров. Башни храмы и монументы исчезли, всё изменилось. Они доставляют его в многолюдный город. Приблизившись, он видит в воздухе над одним из домов большое смятение. Формы движутся, появляются яркие вспышки и облачка дыма. Они оказываются в комнате, где на постели лежит умирающее тело маленького мальчика, и его рыдающие родные. Провожатые рядом спрашивают, не возьмёт ли он это тело, которое вскоре будет оставлено, чтобы использовать его для блага их Ложи. Он соглашается. Они предупреждают его о риске и опасностях.

Дыхание мальчика прекращается, его глаза закрыты, видно, как яркая вспышка исходит от его тела и течение крови замедляется. Они толкают его, и он опять ощущает темноту. Мальчик оживает. Доктор обнадеживает родных, сказав, что при хорошем уходе, он выздоровеет. Мальчик легко выздоравливает. Изменения в характере. Чувствует себя странно в своей среде и.т.д.

Место в Индии, где он оказался после смерти, которая снова была внезапной (как?). Большое белое здание. Полированный мрамор. Ступени. Колонны. Углубление, заполненное желтоватым светом, который похож на воду. Инструкция о предстоящей работе и путешествии в страну башен, чтобы найти и позаимствовать тело. Что касается тел, оставленных теми, кто их населял, то они могут жить, если новая душа хорошо понимает и ассоциируется с ними. Существует разница между таким рождением и обычным, при котором душа поистине владеет телом. Тела сумасшедших не покинуты, но владелец живёт вне их. Их нельзя использовать, потому что сама «машина»

сломана и будет бесполезна для души нормального человека.

Заметка. Юлий, сохрани эти заметки. Я буду посылать их время от времени. Но, уезжая, возвращай их мне, таким образом я смогу продолжать эту работу. Возможно схема изменится в связи с названием, которое я тебе дал.

Заметка. Тот, кто не жил сознательно двойной жизнью человека, функционирующего в теле другого, не может знать ужасные страдания им столь часто испытываемые. Я — не подлинный владелец тела, в котором сейчас живу. Другой человек пользовался им короткое время. В результате тяжёлой болезни он оставил его для захоронения, и оно лежало бы в земле, если бы я не взял его, оживил его слабеющую энергию и не пронёс через несколько лет испытаний болезнями и неудачами. Первый владелец был в нём не так долго, чтобы посеять семена причиняющих беспокойство болезней, он оставил мне в наследство хорошую кровь и замечательную выносливость. То, что он должен был оставить эту форму, так хорошо приспособленную для жизни, кажется непостижимым, если только он не мог её использовать, большую или здоровую, в каких-то своих целях. В любом случае сейчас она моя. И если сначала я думал, что это прекрасное приобретение, теперь мне часто хочется, чтобы я пришёл в жизнь обычным путём, а не использовал тело другого человека.

Пара случаев для книги

Случай с письмом и картиной.

Это был очень необычный старец (надо добавить его описание).

Ему прислали маленькую карточку, на которой была фотография чьей-то головы. На неё был положен тонкий лист бумаги, по сторонам приклеенный к основе. Он спросил меня, могу ли я сказать что-либо о фотографии, видимой через тонкую бумагу. С большим любопытством я поднял тонкую бумагу и тотчас снаружи выступил красный круг, окруживший голову на карточке. В мгновение этот круг стал чёрным, так же как и всё его внутреннее пространство, включая голову, которая затем стёрлась. В следующий момент загорелся изнутри красный круг, потом сгорела вся внутренняя часть. При исследовании тонкой бумаги с внешней стороны наблюдались следы круга, как будто он был приклеен.

Старец засмеялся и сказал, что любопытство не всегда вознаграждается

Показали нескольким химикам в Париже, которые сказали, что не знают о таком веществе, которым можно это сделать. Старый химик из Ирландии заявил, что можно выделить вещество, называемое флорайн, обладающее сильным разрушающим свойством. Может быть, оно было использовано в этом случае. Но это единственное, что было сказано химиками и аналитиками.

{ *Заметка составителя.* В своих путешествиях мистер Джадж встречал многих странных людей и видел много необыкновенных зрелищ. Время от времени он рассказывал об одном из таких случаев для

повести, но только в незаконченной и неопределённой форме. Когда его просили рассказать больше, он улыбался и отрицательно качая головой говорил: «Нет. Нет, маленькие братья (элементалы —Перев.) должны закончить это". }

Следующий эпизод

Храм, находящийся на месте современного города Кондживерам и обычные священники, — всё готово к церемонии посвящения. Маленькие церемонии обычно проводились у краеугольного камня, но эта — превосходила их по важности. Множество молящихся собралось здесь не ради любопытства, но для духовной пользы. Они заполнили всё здание, и я не мог попасть внутрь и поэтому был вынуждён стоять около двери. Потом выяснилось, что это было самое лучшее место, которое я мог выбрать, если заранее знал о предстоящем. За несколько дней до этого сюда прибыло и устроилось невдалеке от храма множество странствующих аскетов. Никто из окружающих не обратил на них особого внимания, поскольку здесь привыкли видеть таких людей. Ничего необычного в этих людях не было. Всё, что можно было сказать, что в них было что-то мистическое. Дети говорили, что в один из вечеров в их лагере не было не только аскетов, но и следов их присутствия. Но детям не поверили, потому что на следующее утро, как обычно, аскеты были на месте. Два старика из города говорили, что— это *Дэвы* в их «иллюзорной форме». Но было слишком много волнений, связанных с посвящением, чтобы подумать об этом ещё. Однако события подтвердили, что старики были правы.

В тот момент, когда люди в храме ожидали прибытия священников, у дверей храма появилась группа аскетов в полном составе, во главе с необыкновенным, похожим на мудреца человеком. Они вошли в здание обычным для священников путём, а те, по прибытию, не выразив никакого волнения, заняли оставшиеся места, говоря: "Они — Дэвы". Незнакомцы проводили церемонии, в течение которых свет заполнял здание, а музыка из воздуха плыла над поражёнными благоговейным трепетом молящимися.

Когда пришло время уйти, аскеты тихо последовали за лидером к выходу. Находясь у двери, я мог видеть как происходящее внутри, так и снаружи. Все аскеты подошли к выходу, но никого из них не видели снаружи. И никто в городе никогда не видел больше ни одного из них. Они растворились на пороге. Это было их последнее появление, потому что тень тёмного века упала на людей, делая невозможным подобные зрелища в будущем. Это событие долгие годы было предметом разговоров, и оно записано в городских архивах.

Во взятом займы теле

Прежде чем поведать о многих из моих прежних жизней, я должен

рассказать тебе, что случилось со мной в этой, настоящей жизни.

Сначала я был просто учеником нашей высокой Философии в течение многих жизней на земле в разных странах, но, наконец, во мне развилось желание действовать. И, как много раз до этого, я умер ещё раз и родился в семье раджи. Прошло время, и, когда раджи не стало, я занял его трон.

Однажды, спустя два года после этого печального события, ко мне приблизился странствующий брамин и спросил, готов ли я исполнить клятву, данную мною в одной из прежних жизней и отправиться в чужую страну, чтобы выполнить поручение моего старого Учителя. Думая, что речь идёт только о поездке, я согласился.

— Да, — сказал он, — но это не только поездка. Тебе придётся быть там и здесь дни и годы. День здесь, ночь — там.

— Что ж, — ответил я, — я сделаю даже это, потому что дал клятву, не ставя условий, и Учитель приказывает.

Я знал, что это приказ, потому что старый брамин показал знак на моём лбу. Он взял мою руку и, закрыв её своим поясом, моей ладонью дотронулся до него с тем, чтобы мои глаза увидели знак в линиях света.

И, как они часто это делают, он ушёл, не сказав больше ни слова. Я остался во дворце и уснул на жаре с одним только верным Гопалом рядом. Я спал и думал, что находился у кровати простого ребёнка, мальчика, в чужой, незнакомой стране, где люди похожи на европейцев. Мальчик лежал в позе умирающего и все родственники собрались у его постели.

Странное, непреодолимое чувство повлекло меня ближе к ребёнку. В это мгновение я почувствовал так, будто должен потерять сознание. Вздвогнув, я проснулся в моём дворце, на том же матрасе, на котором уснул. Никого, кроме Гопала, вблизи не было. Стояла тишина, слышалось только завывание шакалов на краю деревни.

— Гопал, — сказал я, — сколько времени я проспал?

— Пять часов, с тех пор, как ушёл старый брамин. Ночь почти на исходе, мастер.

Я приготовился спросить его ещё что-то, но сонливость снова охватила меня и мне опять приснился маленький, умирающий, ребёнок — иностранец.

В моём, очень реальном сне сцена слегка изменилась, вошли другие люди, там был доктор, и ребёнок казался мёртвым. Люди плакали. Мать стояла на коленях у его кровати. На момент доктор приложил своё ухо к груди ребёнка. А я снова приблизился к телу и было очень странно, что люди совсем не замечают меня. Они вели себя так, будто никого постороннего в комнате нет, а я, глядя на свою одежду, видел, что она восточная, не такая, как у них.

Магический шнур, казалось, притянул меня к телу мальчика, и теперь я видел стоящего рядом со мной старого брамина. Он улыбался.

— Это и есть ребёнок, — сказал он, — ты можешь выполнить часть

своей клятвы. Теперь быстрее! Нельзя терять время, ребёнок почти мёртв. Эти люди уже думают, что он труп. Видишь, доктор сказал им роковые слова, *он мёртв*.

Да, все рыдали. Но старый брамин положил руки на мою голову, и, подчиняясь его прикосновению, я заснул во сне. Сон во сне. Я проснулся во сне, но не на своей постели, Гопала рядом не было. В мыслях я был тем мальчиком. Я смотрел на мир его глазами, слышал, как его дух со вздохом облегчения отлетел в эфир. Доктор обернулся снова, и я посмотрел на него моими, вернее *его* глазами.

Доктор вздрогнул и побледнел. Я слышал, как он прошептал другим:

— Это автоматическое нервное движение. Он приблизился и, видя разумное выражение моих глаз, побледнел ещё больше. Он не замечал старого брамина, священнодействующего над телом, в котором был я и от которого на меня, мальчика, исходили волны тепла и жизни.

Сейчас всё это казалось реальным, как если бы моя личность соединилась с мальчиком.

Я был ребёнком, но спутанные, неясные видения о другом плане, где я мысленно был со своим верным слугой по имени Гопал, казалось, проносились сквозь мой мозг, — то, должно быть, были видения — это реальность. Разве я не видел всё это время моих мать и отца, старого доктора и медсестру в нашем доме, наполненном детьми? Да, конечно, это и есть реальность.

Потом я слабо улыбнулся, на что доктор сказал:

— Невероятно, он ожил. Возможно он будет жить. Он чувствовал слабый пульс, восстановившееся дыхание и понял, что жизнеспособность вернулась к ребёнку. Но доктор не видел старого брамина в его иллюзорном теле, посылающего воздушные потоки жизни к телу мальчика, который в своих видениях был раджей с верным слугой по имени Гопал. Потом, во сне, я снова уснул. В моём сознании возникло ощущение падения Вздрогнув, я проснулся на циновке в своём дворце. Обернувшись чтобы найти слугу, я увидел его огорчение и страх за меня.

— Гопал, как долго я опять проспал?

— Сейчас утро, мастер, я боялся, что вы отправились в пределы Ямы

(Бог смерти. — Перев.) и оставили своего Гопала здесь.

Нет, я не спал. Это действительность, это мои владения. Этот день прошёл, как обычно, за исключением того, что маленький мальчик из чужой страны был в моих мыслях весь день до вечера, когда я почувствовал себя более сонным, чем обычно. Я снова уснул и увидел сон.

То же место и тот же дом, только сейчас там было утро. Какой странный у меня сон, подумал я, когда доктор, вошедший вместе с моей матерью, склонился надо мной. Я услышал как он мягко сказал:

— Да, он выздоровеет. Ночь была хорошая. Когда он начнёт ходить, возьмите его в деревню, там он сможет бегать по траве.

Он говорил, а я видел за ним фигуру чужестранца в тюрбане, похожего на браминов, чьи портреты мне попадались в книжках до болезни. Потом моё внимание рассеялось, и я сказал маме:

— Две ночи мне снился один и тот же сон. Мне снилось, что я — Раджа, и что у меня есть преданный слуга, о котором я горюю, потому что очень люблю его, а так же потому, что это были только сны и ничего этого нет.

Мама успокоила меня, сказав:

— Да, да, мой дорогой.

Этот день прошёл так, обычно проходят дни больных мальчиков. Рано вечером я быстро уснул мальчиком из моего сна в чужой стране и мне больше не снился сон о Радже. Как и раньше казалось, что я падал, но потом проснулся на своей циновке, в моём дворце с сидящим рядом Гопалом. Прежде чем я поднялся, вошёл старый брамин и я попросил Гопала выйти.

— Рама, — сказал он, — тебе, мальчику, не будет сниться, что ты Раджа, но ты должен знать, что каждую ночь будучи спящим правителем, ты — бодрствующий мальчик в чужой стране. Хорошо исполняй свои обязанности, не пренебрегай ими. Пройдут годы, ибо никогда не останавливающаяся машина времени продолжает двигаться. Помни мои слова. И он вышел через открытую дверь.

Таким образом я знал, что сны о больном чужестранном мальчике, были не просто снами, это были воспоминания, и я обречён каждую ночь одушевлять этого маленького ребёнка, по мнению его родных, вставшего из могилы. Но я знал, что долгие годы его разум не будет знать истинного себя и всегда будет чувствовать себя странно в своём окружении. Потому что, без сомнения, я буду этим мальчиком внутри, а он — снаружи, и его друзья не будут понимать, что он исчезает, а другой занимает его место. Каждую ночь я — спящий Раджа, слышавший слова мудрецов, буду превращаться в невежественного чужестранного мальчика, пока время и непрестанные усилия не научат меня жить одновременно в двух жизнях. Моя жизнь, жизнь юноши в этой чужой стране не будет нарушаться смутными снами о Радже, как об отдельной силе. И всё же сначала, какой бы ужасной ни казалась эта мысль, всегда, когда я буду просыпаться на своей циновке, у меня будут ясные воспоминания, вначале казавшееся только снами, что я — правитель. Я буду точно знать, что пока верный слуга стережёт мою спящую форму, я маскируюсь во взятое займы тело, неуправляемое, как ветер. Таким образом, я — мальчик, могу быть счастливым, а я — правитель, — несчастным. Потом я должен привыкнуть к этой двойной жизни. Возможно, мой чужестранный ум и привычки будут так сильно доминировать над мальчиком, что существование в его теле наполнится болью от того, что внешний посредник полностью поглощён войной с

внутренним мыслителем.

Но однажды данная клятва должна быть исполнена, а Отец — Время поедает всё, даже века.

Биографические Заметки

Набросок биографии мистера Джаджа, принадлежащий перу Джаспера Нимэнда, значительно увеличен в этом издании “ПИСЕМ” добавлением материала взятого из её состоящей из четырёх частей истории об У.К.Д., опубликованной А.Е. (Джорджем Расселлом) начиная с февраля 1896 года в "Ирландском Теософе." Этой биографией она сама (Джаспер Нимэнд), очевидно, подвела итоги, когда готовила вторую книгу писем.

Почти все приведенные здесь выдержки из статей о мистере Джадже, написанные его учениками и друзьями, также увеличены после сличения их с полным текстом в журнале "Путь," (тогда первый год выходившего под названием "Теософия") в котором они появлялись в течение трёх месяцев после его смерти. В эту книгу добавлены некоторые из них, а также особенно ценные письма и статьи.

Эта часть книги была бы неполной без нескольких собственных слов У.К.Д. — описания его первой встречи с мадам Блаватской. Оценка отношений между Е.П.Б. с её "другом, братом и сыном — У.К.Д.", данная им самим, говорит сама за себя.

"Меня поразили ее глаза, глаза человека, которого я знал в давно прожитых жизнях. Во время первой встречи она взглянула на меня, как бы узнавая, и с тех пор этот взгляд никогда не менялся. Она увидела, что я — не праздный, философствующий субъект, на ощупь пробирающийся сквозь коридоры жизни в поисках света, затемнённого учениями и фантастическими теориями. Для нее я был тот, кто долго бродил по лабиринту жизни в поисках единомышленников, способных указать верный Путь. И, отвечая на призыв, она открыла мне свои замыслы, не вдаваясь в детали, просто рассказала о них и вернулась к тому, чем была занята. Это было так, как будто накануне вечером мы разошлись по домам, отложив на завтра задачи, требующие обоюдного участия. Мы были учителем и учеником, старшим и младшим братьями, стремящимися к одной цели. Но она обладала силой льва и знаниями мудреца. Мы стали друзьями, и с первого мгновения я почувствовал удивительное умиротворение".

Уильям К. Джадж (1851–1896)

Уильям Кван Джадж, сын Алисы Марии Кван и Фридерика Х. Джаджа родился в Дублине, Ирландия, 13 апреля 1851 года. Отец Джаджа был масоном и мистиком. Его мать умерла рано при родах своего седьмого ребёнка. До тринадцати лет мальчик воспитывался в Дублине, затем его отец переехал со своими осиротевшими детьми в США, проделав этот путь на рейсовом пароходе «Сити оф Лимерик»,

который прибыл в Нью-Йоркскую бухту 14 июля 1864 года. О детстве Уильяма мало известно, но говорили некой болезнью мальчика на седьмом году жизни, считавшейся смертельной. Врач объявил маленького страдальца умирающим, а затем и мёртвым. Охваченные горем родные не заметили, что ребёнок ожил и чувствует себя хорошо. После выздоровления у него обнаружили способности и знания, которые раньше не проявлялись. У взрослых это вызывало восторженное удивление и вопрос: когда и как он узнал все эти новые для него вещи. Он казался тем же самым и, в то же время, совсем другим своей семье, которой пришлось знакомиться с ним заново. Никто не знал, что он умеет читать, но, после выздоровления, на восьмом году он стал буквально глотать все доступные ему книги по месмеризму, френологии, определению характера, религии, магии, розенкрейцерству. Он глубоко вникает в книги Откровений, стремясь постигнуть их истинный смысл.

Возможно, что магнитная связь, так резко оборванная во время болезни, полностью не восстановилась на физическом плане, потому что мальчик так и не стал физически крепким. Не будучи больным, он был хрупкого сложения, но неукротимым и настойчивым не по возрасту. Нижеследующий рассказ из его детства иллюстрирует эти черты его характера. Однажды он был на берегу речки вместе с другими мальчиками. Его товарищи уплыли на остров, находящийся невдалеке от берега, и начали его, не умеющего плавать, дразнить и смеяться над ним. Сердце маленького Уильяма забилося, он бросился в воду, решив достичь острова или погибнуть. Когда стало слишком глубоко, он опустился на дно, пробежал по нему несколько шагов, оттолкнувшись, всплыл, затем погрузился, сделал один, другой шаг и повторил процесс. И таким образом, поднимаясь и опускаясь, карабкаясь по дну и задерживая дыхание, он действительно достиг границы острова, откуда изумлённые товарищи вытащили его в полубессознательном состоянии. Нет ничего более характерного для мистера Джаджа.

Короткое время старший Джадж и его дети жили в старом Коммерческом отеле на Кортлэнской улице в Нью-Йорке, потом на Десятой улице, после чего они обосновались в Бруклине. Сначала Уильям работал в Нью-Йорке клерком, а затем юноша начал изучать законы в юридической конторе Джорджа П. Андруса, позднее ставшего судьёй Высшего Суда Нью-Йорка. Он жил в это время с отцом, который вскоре умер. Достигнув необходимого возраста, в апреле 1872 года Уильям К. Джадж принял гражданство США, а в мае того же года был принят в адвокатуру города Нью-Йорка и начал специализироваться в коммерческом праве. Как юриста его отличали дотошность, непреклонное упорство и трудолюбие, завоевавшие ему уважение со стороны как работодателей так и клиентов. Как в то время, так и позднее о нём говорили: «Чтобы сделать своё дело Джадж прошёл бы за раскалённым плугом отсюда до Индии».

В 1874 году он женился на Элле М. Смит из Бруклина. У них был

один ребёнок, маленькая девочка — очаровательная, талантливая, чья ранняя смерть долго была причиной глубокого, скрытого горя для них обоих. В особенности для мистера Джаджа. Он очень любил детей, и у него была способность привлекать их к себе. Если он рисовал эскизы на палубе парохода, дети тихонько подходили всё ближе и ближе, потом рассаживались в каком-нибудь подходящем месте, которое можно было найти, часто раньше, чем он, казалось, замечал их присутствие. Дети друзей всегда встречали его с восторгом и нередко тащили на пол к своим игрушкам, на детские площадки. Если в компании, где он находился, был ребёнок, он обретал успокоение у него на руках, где уютно сворачивался, пока окружающие вели метафизические дискуссии. Но какой бы оживлённой ни была дискуссия, это маленькое существо, нежно убаюканное, никогда не испытывало ни малейшего беспокойства.

Вскоре после женитьбы мистер Джадж услышал о мадам Блаватской. Это произошло таким образом. Ему попалась книга, «Люди из другого мира», написанная Г. С. Олькоттом, которой он очень заинтересовался. Мистер Джадж написал полковнику Олькотту, спрашивая адрес заслуживающего доверия медиума. В это время волна интереса к оккультизму и дискуссии о нём только поднимались. Эксперименты нескольких людей, включая мадам Блаватскую в отеле «Эдди Хомстид» были предметом разговоров во всём мире. Пока других медиумов не предвиделось, мистеру Джаджу было предложено посетить мадам Блаватскую.

Он пришёл с визитом на улицу Ирвинг Плэйс, дом 46 Нью-Йорк, и тогда, первый раз в этой жизни, Е.П. Блаватская встретила лицом к лицу со своим самым преданным учеником и другом. (Джадж описал эту первую встречу в статье «Навеки Ваша, Е.П.Б.»). Их сотрудничество никогда не прерывалось, а было «навечно», как писала Елена Петровна. Нет сомнения, в нём бывали бури и сияло солнце, ведь ученик обладал мощным умом, а учитель являлся сфинксом своей эпохи, и интеллектуальные баталии естественно случались. Но чтобы ученик ни думал об учителе — об этом ей говорилось напрямую, а когда возникали сомнения и страх, а они должны возникать при постижении оккультных знаний и испытаниях, то они не скрывались. О том, что Е.П.Б. уважала такую открытость, свидетельствуют 48 страниц её длинных писем к Джаджу, в которых с глубокой любовью она объясняет многие вопросы.

Недавно была сделана попытка раздуть несколько незначительных эпизодов прошлого, и превратить их в продолжительную вражду между Джаджем и Е.П.Б. Неопытные в своём гнусном деле клеветники, возможно, были недалёковидными исследователями. Они не подозревали о существовании этих писем Елены Петровны, которые показывают насколько полным было их взаимопонимание, и объясняют, что приводило к временному непониманию. Никогда кармическая линия не была так точно намечена, а кармический инструмент не был более милосердно, но откровенно обнажён Еленой Петровной. Это усилие

клеветников было таким же напрасным, как будет и со всякой следующей попыткой разделить *этого* учителя с *этим* учеником. Окончательный приговор их взаимоотношениям, не скупясь на выражения, сделала сама Е.П.Б. Он охватывает период более 10 лет до её ухода от нас и переполнен постоянно выражаемой, искренней благодарностью. Блестящая дружба продолжала свой бессмертный путь и ей суждено было перешагнуть не только пределы могилы, но и многих земных жизней.

Значительное время мистер Джадж проводил с Еленой Петровной на Ирвинг Плэйс, в Нью-Йорке, занимаясь с её помощью и под её руководством, а так же помогая ей с «Разоблачённой Изидой» (об этом сказано в одном из его парижских писем). Он был одним из нескольких присутствующих в её комнатах, когда 7 сентября 1875 года впервые было предложено основать Теософское общество и началась его организация. «Изида» была опубликована в 1877 году, а спустя чуть больше года мадам Блаватская и полковник Олькотт уехали в Индию. Джаджу предстояло делать всё возможное, чтобы работа Теософского общества в Нью-Йорке продолжалась. Только эти трое, как впоследствии писала Елена Петровна, единственные основатели Теософского общества остались верными ему и Причине, по которой оно возникло. Казалось, что это была слишком большая ответственность для молодого юриста, но он делал всё, что мог. Как это выражалось внешне в то время — мы не можем сказать. Он был учеником, проходившим испытание, которого вскоре приняли и признали. Но в этой жизни он был начинающим, одним из тех, кто дал клятву научиться подчинять свои чувства и эта, невидимая и не записанная в анналы работа была куда важнее внешней, видимой. Главное течение таких жизней проходит тайно. Е.П.Б. уже писала и говорила, что он был частью её и Великой Ложи в «прошедшие эры» (её точные слова), что он один из тех проходящих испытание Эго, которые (с соответствующей помощью) перевоплощались сразу после смерти, без отдыха в *дэвачане*, с тем, чтобы продолжить свою работу в Ложе. Документально установлено, что, когда закончилось семилетнее испытание жизни, Великий Учитель, хорошо известный связью с Теософским обществом, послал мистеру Джаджу через Е.П.Б. свою фотографию с надписью на обороте: «моему коллеге», вместе со своей криптограммой и подписью, а немного позже было послано в Париж с Е.П.Б. благодарственное письмо с советом мистеру Джаджу. Сообщение от Ложи в письменной форме, посланное ему через Е.П.Б. приблизительно в это же время, заканчивалось так: «Те, кто делают всё, что могут и самым наилучшим образом — делают достаточно для нас».

Задача мистера Джаджа, определённо, была трудной, поскольку Е.П. Блаватская, бывшая тогда единственным великим проводником теософских идей, оставила своё поле деятельности в Америке, а с этим любопытство и интерес, возбуждаемые её оригинальной и

поразительной миссией, пошли на убыль. Отныне Теософское общество должно было существовать на своей философской основе. В результате, после долгих лет работы и неиссякаемой настойчивости Джадж достиг этой цели. С 23 лет и до смерти, максимум его усилий, огненная энергия его неустрашимой души были отданы этой Работе. У нас есть описание того, как он, *будучи единственным присутствующим на собрании*, открывал их, читал главы из «Бхагавадгиты», заполнял Минуты (планы работы. — Перев.) и вникал во все детали. Его решение сохранить Теософское общество было настолько твёрдым, что он делал так раз за разом. Такая воля способна преодолеть любые препятствия. Своим упорным трудом, помогая движению во всём мире, он строил Теософское общество Америки, чем заслужил от Учителя Мудрости звание «Воскреситель Теософии в Америке». В те дни у него был девиз «Не раздумывание, а распространение». Он говорил: «Теософия — это крик души».

Сначала работа шла медленно, очень большой активности не было. Но связи не терялись, переписка с Еленой Петровной была оживлённой. На фоне такого рода внешней деятельности молодой распространитель теософских идей продолжал внутренние поиски. Это был период мрака и тишины, период испытания. Елена Петровна тоже прошла подобный период, о котором она говорила и писала: «Долгие годы я думала, что Учитель совсем оставил меня». В Лондоне она видела своего Учителя в физическом теле, сопровождавшего в качестве официального лица какого-то индийского принца. Во время встречи в Гайд-парке Учитель сказал, что она должна поехать в Тибет. Он не предложил никакой помощи и не дал совета, как найти путь в эту страну, куда ей следует идти, когда она там окажется. Намеренно оставленная без поддержки, она достигла всего после неоднократных неудач и нескольких лет поисков. Подобные периоды автор книги «Свет на пути» объясняла в журнале «Люцифер»: несмотря на то, что Учитель действительно находится рядом и создаёт самый высший комфорт, какой одна душа может дать другой, неофит всё же ощущает настолько полное одиночество, что подобный период страданий никто не одолел без горьких жалоб. Жалоба была выжата из этой сильной души (слабая попытка описать которую сделана) в очень личных письмах к учителю, Е.П. Блаватской, и Дамодару, коллеге — соученику. (см. также письма мистера Джаджа из Лондона и Парижа, 1884 г.)

Тени, описанные в этих письмах, отступили, ученик получил знания, его тоже узнали. В 1888 году в некоторых официальных документах Е.П.Б. пишет, что «он — завоевавший доверие *чела* в течении 13 лет», что он «главный и основной представитель *Дзиян* (Ложи) в Америке».

Джадж бывал в Южной Америке, где, по словам Е.П.Б., было отделение Великой Ложи и где он видел много странных вещей (см рассказ «Странная история»). Там он заразился страшной малярией Чагриса, которая вызывает сильный жар у своих жертв, часто уводя их

на двенадцатый год в мир иной. Джадж очень страдал от этой мучительной болезни, хотя никогда не оставлял из-за неё своих дел. 1896 год был двенадцатым годом его болезни.

В 1884 он ездил в Европу. В Париже он встретился с Еленой Петровной и провёл с ней немного времени. Затем поехал в Индию, куда прибыл как раз тогда, когда разразился скандал с Коломбо (более полный отчёт об этом деле есть в материалах о теософском движении. — Перев.) После короткого пребывания там мистер Джадж возвратился в Америку к своим профессиональным и теософским обязанностям. Это был чрезвычайно важный, поворотный момент. Как часто бывает, скандал привлёк внимание публики к Теософскому обществу. Начали поступать письма с вопросами. Мистер Джадж воспользовался «приливом» и повёл «судно» общества по более широким, предоставленным судьбой дорогам. Пресса проявляла интерес, репортёры звонили, многие любопытствующие становились членами Общества. Они узнали тихого, волевого человека, который работал среди них. Его отношение и методы работы завоевывали уважение тех, кто его слушал. Сначала пресса начала принимать его статьи о теософии, а потом и статьи других. Начав с насмешек и глумления, неспособности обсуждать теософские темы без оскорбительных комментариев, она стала относиться к ним так же, как ко всем другим темам новостей. Позднее, личное влияние Джаджа побудило редакторов нью-йоркского журнала «Сан» отказаться от клеветы на Теософское общество и Е.П. Блаватскую, которую они опубликовали, и судебное дело, возбуждённое Джаджем против этого журнала, было прекращено. (Отказ от клеветы сопровождался длинной статьёй Джаджа о Е.П.Б., которая называлась «Её эзотерический аспект», опубликованной 26 сентября 1892 года.)

В 1886 году, продолжая работать в Теософском обществе, Джадж основал журнал «Путь», для издания которого делал всё необходимое, выполняя всевозможные обязанности. Он безостановочно писал книги, статьи, письма. Он читал лекции во всех штатах Америки, выполнял работу нескольких человек. Каждое свободное мгновение, отнятое у еды и отдыха, было отдано теософии. Под конец, когда было куплено здание для Нью-Йоркского центра и количество работы намного увеличилось, Джадж оставил свою профессиональную деятельность и посвятил Теософскому обществу всю свою жизнь и время. Его хрупкое здоровье продолжало ухудшаться, редко был день без болей, часто опасность была слишком реальной. Он всегда относился к страданию презрительно, работая тогда, когда другой лежал бы не поднимаясь, его друзья и врачи были в шоке от всего, что с ним происходило. Теософское общество росло, увеличивалось и количество его персонала, а он, неумоимо делал больше всех остальных. Неустрашимый, упорный он всегда выступал с предложением новых планов работы.

Были у него и огорчения, однако, оптимизм, неустрашимая энергия не подводили его никогда. Тем, кто спрашивал его совета во время

кризисов, привычно сотрясавших древо Теософского общества, он отвечал: «Работайте! Работайте! Работайте для теософии!» И когда, в конце концов, и его жестоко предали, а некоторые из тех, кого он вырастил, кому оказывал услуги и учил *как* работать, старались изгнать его из общества, не понимая своей собственной ограниченности, он молчал, как надлежало Посвящённому. Он склонил свою незащитную голову перед Волей и Законом и пронёс добро и спокойствие сердца через потоки горечи, утешаемый уважением и доверием общества, где проходила его жизнь, и тысяч учеников, знавших и любивших его. Он убеждал всех в необходимости прощения и возобновления усилий. Он напоминал всем, что много ошибок совершено из-за небратского отношения его оппонентов, но пройдёт время и они сами увидят и поймут, какой вред нанесли Работе своими действиями, значения которых тогда не понимали. (Историю этого периода можно найти в *Теософском Движении, начиная с главы XIX.*) Он просил всех приготовиться к такому дню и пожать протянутые руки тем, кто, не понимая, принимали участие в зле, причинённом ему, а через него и всем остальным. В таком настроении доверия он ушёл в невидимое. 21 марта 1896 г. он встретил «Выразительную, Справедливую и Могущественную Смерть».

* * *

Таковы известные факты его жизни. Существует многое, о чём не нужно говорить. Его требования к нам касались только Работы. Работа была его Идеалом. Он ценил мужчин и женщин только по их отношению к теософской Работе и по тому, в каком духе она делалась. По его мнению: самая лучшая Работа — это Правильно Мыслить. Он работал с каждым, кто по-настоящему хотел работать, не принимая во внимание были ли эти люди его личными друзьями или посторонними, активными или тайными врагами. Было известно о многих случаях, когда он много работал с теми, кто нападал на него или, скрывая намерение, планировал выпад. Навсегда запомнится его улыбка, причудливая, необычайная улыбка, за которой обычно следовали какие-нибудь ирландские шутки.

[Следующая часть — это отрывок из последнего выпуска мемуаров Джаспера Нимэнда о Джадже. Он был написан до его смерти, и не публиковался до июня 1896 года. Поэтому в нём всё говорится в настоящем времени. В конце присоединена заметка о смерти У. К. Джаджа, с датой его 45-го года рождения, а также заключительная часть наброска его биографии].

Ум Джаджа отличается ярко выраженной двойственностью — огромной практичностью и глубоким мистицизмом. Он делает успехи в бизнесе. Однажды богатый коммерсант сказал о нём, что он способен продать всё, если возьмётся. Его практический талант наиболее блестяще выражается в его организаторских способностях. Он, несомненно, мастер-строитель и этой его способности Теософское

общество Америки обязано своей силой и своим ростом. Он прозорлив, расторопен и находчив в критических ситуациях. От выполнения намеченного его не могут удержать не только целесообразность или мнение окружающих, но и никакие соображения личного характера. Он ничего не боится, кроме своей совести. С намеченными планами он знакомит всех участвующих в работе и членов общества живущих в районе, для которого предлагается этот план. Он сравнивает мнения и руководствуется теми из них, которые полезны для дела, и, таким образом, подобно компетентному генералу, он никогда не уходит далеко от своей базы обеспечения и возит с собой свои запасы.

У Джаджа, мистика, есть другая, простая, но очень важная, внешне редко заметная способность — проливать свет: В 1887 — 88 гг. по просьбе Учителя он написал серию писем к двум друзьям (теперь они — муж и жена), опубликованную под названием «Письма, которые мне помогли». Трудно проследить все жизни, в которых эти письма были светом. В этих письмах проявлен его дар — искусство формирования душ, которым оккультист, в какой-то степени *ставший* таковым, должен владеть с редким совершенством.

Так из поколения в поколение действуют Несущие Пламя, Собратья горящего Сердца. Таковы слуги Кришны. Таковы те, кто развивают душу. Те, кто близко общался с человеком, о котором Учитель Мудрости писал (через Е.П.Б.), что «из всех чела он страдает больше других, а просит, или даже ожидает меньше всех остальных», кто преданно и от всей души работает с Уильямом К. Джаджем, на расстоянии или рядом, хорошо знают возвышающую, широко распространяющуюся силу, идущую через него, которая помогает созреванию характера, развитию высшей природы и позволяет человеку терпеливо делать свою работу по самосовершенствованию.

Жизнь Уильяма К. Джаджа, будучи активной на различных планах существования, протекает спокойно. Её глубина скрыта, но из неё поднимается непоколебимая сила, стимулирующая преданность, самопожертвование, щедрую, непрерывную деятельность для мира. Друг каждого мужчины и женщины, он всегда бескорыстен. К лести и следованию за собой, как личностью, он относится нетерпимо и быстро ставит таких людей на их собственные ноги. Для него идеальный друг тот, кто стоит на собственной основе и надеется на свою внутреннюю сущность. Именно такую роль он выбирает в дружеских отношениях.

Женщина, которую недавно спросили о духовном учении, полученном ею у Джаджа, ответила: Скажу вам, какое духовное учение он дал мне: «Никого не выбрасывай из своего сердца». Он всегда всех принимает как Единое, никому не закрывает дверь, всегда оставляя открытым путь для всех, кто, возможно, захочет вернуться к нему или к работе, не исключая никого, неважно друг он или недруг. Он предлагает руку своим противникам, он готов предложить её снова, если она отвергнута. Личную враждебность он преодолевает исключительно

силой своего характера и упорно продолжает ту работу, от которой его пытаются удалить. Видя в нём самого творческого и самого неутомимого работника, мы отлично понимаем, что он и есть та высота, на которую бросается каждая, противодействующая эволюции сила. Уничтожить нашу веру в «Воскресителя», затемнить его репутацию, препятствовать его строящим рукам — это значит ослаблять работу.

13 апреля 1896 г.

Послание 1893 года предвещало шторм и молнии судебных обвинений против У. К. Джаджа, кризис 3 ноября 1894 года и его смерть:

«Наберитесь ещё больше мужества. Мы не оставили вас без помощи. Ложа всегда наблюдает. Приближается Новая эпоха. Но тёмные времена ещё не прошли, и Джадж в опасности. Вы должны быть на страже и держаться, держаться и ДЕРЖАТЬСЯ».

В комментарии к четырнадцатому письму первой книги ПИСЕМ есть послание от Адепта, определённая часть которого (личная инструкция) пропущена. Она выглядит так:

"Сделан ли выбор? Тогда У. поступит правильно, если увидится с У.К. Д. и познакомит его с этим письмом. Лучшего наставника для первого года или двух нельзя найти. Потому что, когда «в духе», он хорошо знает то, что другие только подозревают и предугадывают. <.....> полезен для журнала «Путь», но наибольшие услуги должны быть оказаны ему, тому, кто страдает больше всех чела, а требует, или даже ожидает меньше всех других».

Обладающий интуицией ученик может понять насколько важна в отношении мистера Джаджа эта выдержка (будь она включена в оригинал письма). Д.Н.

О «Письмах»

Редактору журнала «Ирландский теософ»: (Это письмо первоначально было опубликовано в журнале «Ирландский теософ», февраль, 1895 г.)

Дорогой Сэр и Брат!

Появились сведения, что «Письма, которые мне помогли» написаны не Уильямом К. Джаджем. Мы братски просим вас помочь нам опровергнуть распространившиеся слухи. Это ложь, согласно которой

«письма» продиктованы или являются учением Учителя «Илариона». Известно, что он ежедневно общался с мистером Джаджем в Нью-Йорке в 1888 году. Что касается уже опубликованных писем, то они начинаются с 1886 года и заканчиваются в 1888 году. Письма, фактически, продолжают по сегодняшний день, и мы безусловно подтверждаем это. Не только мы одни являемся получателями его писем. Выдержки, печатающиеся в вашем журнале, взяты из писем, адресованных другим.

У тех, кто знает Учителя Илариона объективно и духовно, нет никаких сомнений в том, что эти письма не от него, и мы подтверждаем это данным заявлением. Материалы, либо «внушённые», либо продиктованные им написаны совсем в другом стиле. (Учитель, о котором идёт речь, является автором книги «Свет на пути».)

Однако на одной из страниц маленького томика, о котором идёт речь, есть письмо, напечатанное курсивом, начинающееся со слов: «Учитель говорит». Это письмо написано через Е.П.Б. её Учителем. Оно написано её изменённым почерком, которым, как подтверждает полковник Олькотт, Учитель вначале писал через неё. В «Личных указаниях», пропущенных в письме Джаджу отводится роль «ведущего». Учитель указывает, что вдохновило его на это:

«. . . Он хорошо знает то, что другие только подозревают или предугадывают». Мы будем рады показать оригинал любому оккультисту, которого вы нам укажете.

Вашим читателям будет, вероятно, интересно узнать, что, возможно, вскоре появится второй том «Писем».

Благодарим за возможность, любезно представленную вашим изданием,

С братским приветом

Джулия К. Китли

Арчибалд Китли

Лондон, 13 января 1895 г.

Последние дни У. К. Джаджа

Придя к выводу, что климат не помогает, мистер Джадж решил вернуться в

Нью-Йорк, чтобы быть среди друзей и ближе к Центру своей работы. Он намерился посвятить свои вечера написанию книги «Оккультизм», и мы провели много часов, обсуждая её содержание и основной план работы. Ученики никогда не увидят этой книги, а те, кто знает что-нибудь о том, какой огромной информацией об оккультизме владел У.К.Джадж, ощутят эту потерю для себя и для теософского образования в целом.

22 февраля, приблизительно в половине третьего дня он ехал в закрытом экипаже по направлению квартиры находящейся на третьем

этаже в доме № 325 на Западе 56-ой улицы. Это был его предпоследний выход за двери дома. Будучи тяжело больным, что очень беспокоило его друзей, он, тем не менее, с презрением относился к предосторожностям отличающим всех тяжёлых больных — шалам, пледам и пр. Таков был характер этого человека.

С этого дня он становился всё слабее и слабее, только изредка у него появлялись вспышки былой силы. Но до самого последнего мгновения в нём сохранялось мужество снабжать энергией и вдохновлять других. За две недели до смерти ежедневно посещавший мистера Джаджа доктор Раундс предупредил, что, если он совсем не прекратит работу, то потеряет последний шанс для жизни. Мистер Джадж неохотно согласился. Но первое изменение в деятельности, которой он занимался всю жизнь, привело к реакции, угрожавшей немедленным коллапсом. После этого он читал, но только немного и более лёгкую литературу. Он дремал, когда мог, потому что кашель не давал ему спать по ночам. За несколько недель до смерти ему никогда не удавалось уснуть больше, чем на три часа подряд. Едва способного шептать от слабости, его переводили из кресла в кресло, измученного изнуряющим кашлем, из-за которого он не мог лечь, и всё же он крепко держался за жизнь, пока не пришло время ослабить усилия и умереть. Всё это время он сохранял великолепную стойкость и самоконтроль.

Утром 19 марта мистер Джадж попросил меня разузнать о южных курортах и сразу же рассказать ему. В то же время я должен был телеграфировать мистери

И.А. Ниришаймеру с просьбой навеститься к нему. Он говорил, что если бы «оказаться в таком месте, где можно сидеть на солнце и среди цветов», то, может быть, он мог бы выздороветь. После ухода мистера Ниришаймера, побывавшего у нас после обеда, я сидел на софе подле мистера Джаджа, когда, внезапно, «Раджа» поднял лежащее в полу-сне тело и с сильным голосом, несомненно принадлежавшим ему, сказал: «Необходимо спокойствие. Держитесь крепко. Двигайтесь не спеша». Сначала я отнёс эти слова только к планируемой в тёплые края поездке. Только спустя несколько дней, когда были просмотрены его бумаги, во всей полноте прояснилась важность этих слов. Между тем эти слова относились ко всем делам, требующим решения в тот момент. Хорошо, что его совету последовали, потому что поспешные действия, предпринятые в первые пару дней после его смерти могли, как я сейчас вижу, принести Обществу несчастья на долгое время. . . .

Потом доктор Раундс сказал, что причиной смерти явилось не состояние лёгких, а «прекращение сердечной деятельности». Однако все врачи, смотревшие его, были согласны, что его сердце звучало, как колокол. Исходя из этого можно заключить, что Уильям Джадж, как и Е.П.Б., умер не потому, что для этого была явная физическая причина, — просто пришло время.

— И. Т. Харгров

«Путь», май 1896 г.

Его последнее напутствие нам: «Необходимо спокойствие. Держитесь крепко. Двигайтесь не спеша». Если вы вдумаетесь в эти слова и запомните их, вы поймёте, что в них содержится суть всей его жизни — борьбы. Он верил в теософию и ею жил. Он верил, потому что знал, что великой Душой, о которой он часто говорил, была вечная Сущность, он *сам*, поэтому он всегда был спокоен.

Без сомнений, колебаний и страха, упорно и крепко он держался своей цели и своих идеалов.

Он медленно двигался вперёд, никогда не позволяя себе действовать опрометчиво. Он сам принимал решение о том, сколько времени ему нужно. Но когда наступало время действовать, он действовал с быстротой молнии.

Сейчас мы помним этого человека и можем утешаться только знанием того, какую жизнь он прожил. Я уверен, что Уильям К. Джадж имел больше преданных друзей, чем любой другой живущий человек, друзей, которые буквально умерли бы за него по первому слову, поехали бы в любой конец света по одному его намёку. Но он ни разу не воспользовался этой силой и влиянием для своих личных целей. Своё огромное влияние в Америке, Европе и Австралии он использовал для единственной цели — блага Теософского движения.

Бедный Джадж. Его не так сильно ужалили обвинения, ибо они были слишком ложными, чтобы причинять боль, но факт, что те, кто однажды объявили себя его должниками и его друзьями, были первыми, кто восстал против него. У него было сердце маленького ребёнка и его нежность можно было сравнить только с его силой. . . . Его никогда не заботило, что люди думают о нём или его работе, только бы они работали для Братства. . . . Его жена говорила, что не было ни одного случая, чтобы он обманул. А те, кто были наиболее близки к нему в теософском плане, согласны, что он был самым правдивым человеком, какого они когда-либо знали.

— Выдержка из выступления И.Т. Харгрова, 23 марта 1896 г.
5 августа 1895 г.

У. К. Джадж пишет:

«То, над чем я хочу работать — это наполеоновская пропаганда, на которую надеюсь, но не могу, помогите. . . . Мы должны заполнить воздух в А. . . . теософией и Теософским обществом. Мы должны укрепиться в эти точках».

— И. Т. Харгров

Е. П. Блаватская о Уильяме К. Джадже

В интересах всех искателей истины будет полезно привести некоторые публичные и личные, официальные и

неофициальные высказывания, сделанные Е.П. Блаватской в адрес Уильяма Джаджа. Они все уникальны, потому что нет никого другого, удостоенного подобных её оценок. Различные обстоятельства, при которых и в которых они были сделаны, только увеличивают их важность. Читатели могут узнать об этих обстоятельствах из материалов о теософском движении.

Уильяму К. Джаджу, генеральному секретарю американской секции Теософского общества:

МОЕМУ САМОМУ ДОРОГОМУ БРАТУ И СОСНОВАТЕЛЮ ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА:

Адресуя тебе это письмо, которое я прошу прочитать на съезде, созываемом 22 апреля, я должна, во-первых, передать мои сердечные поздравления и самые искренние пожелания собравшимся делегатам и участникам нашего Общества, и тебе, его сердцу и душе в Америке. Нас было только несколько, когда мы дали ему жизнь в 1875. С тех пор ты остался один, чтобы сохранять его добрую и недобрую славу. Это тебе, в основном, если не целиком, Теософское общество обязано своим существованием в 1888 году. Позволь мне поблагодарить тебя за это первый и, возможно, последний раз публично и от самой глубины моего сердца, которое бьётся только ради одной цели, которую ты представляешь так хорошо и которой служишь так верно. По случаю этого важного события я также хочу вам напомнить, что мой голос — это лишь слабое эхо других, более святых голосов. Он передаёт одобрение Тех, кто, насколько я знаю, живы в ваших сердцах и жизнях. — *Из первого послания Е.П.Б. американским теософам, апрель 1888 г*

В ответ на ваше письмо я могу сказать только следующее :

«Если У.К.Джадж, человек, сделавший больше всех для теософии в Америке, бескорыстнее которого никто не работал в вашей стране, делающий всё, что он мог, для выполнения всех поручений Великих Учителей, если он оставлен один . . . тогда я говорю — пусть уходят! Они — не теософы, и если подобное должно случиться и Джаджу придётся сражаться в одиночестве, тогда я должна сказать им всем — прощайте навсегда. Я клянусь святым именем Учителя отряхнуть пыль каждого из них со своих ног. . . . Я не могу понять, как в минуты неприятностей и жесточайшей борьбы истинный теософ может колебаться, хоть на мгновение, в необходимости поддержать У.К.Д. публично и не подать протест. Предварительно дайте им почитать письма Учителя. . . . Всё, что я сказала о У.К.Д. были Его слова в Его письме ко мне. . . . Делайте с этим письмом всё, что хотите. Покажите

его любому, если пожелаете — это моё твёрдое решение. . . .

Е.П.Б.

Тот, кто верит всему, что придумано врагами, что в любых, каких угодно обстоятельствах, провокациях, сплетнях, клевете, Е.П.Б., когда-нибудь будет против У.К.Д, или даже подумает об этом, не знает Е.П.Б., даже если он или она действительно *знает* Е.П. Блаватскую, или *думает*, что знает её.

Это абсурдная, нелепая идея.

Если какая-нибудь провокация сердит У.К.Д. больше пяти минут на городских часах, тогда он flap-doodle. (Известно, что *flap-doodle* — часто используемое выражение Е.П.Б., имеющее много смысловых значений, но всегда носящие унижительный оттенок.) Е.П.Б. отдаст 7 дюжин Бриджей, 77 дюжин Нойсов, весь эзотерический выводок в США за одного У.К.Д., — он ее часть в вечности. Те у кого есть уши — да услышат, те, кто глух и слеп, пусть добудут себе искусственные уши и стеклянные глаза или исчезнут навсегда.

Эзотерическая секция и её жизнь в США зависит от У.К.Д., остающегося её представителем и являющимся таковым сейчас. В тот день, когда У.К.Д. оставит свой пост, Е.П.Б. станет в сущности мёртвой для американцев. У.К.Д. — это *антаскарана* между двумя Манасами — американской мыслью и индийской или скорее Трансгималайским Эзотерическим Знанием. DIXI. (Латинское выражение: «Я своё слово сказала». — Перев.)

Е.П.Б.

P.S. Было бы лучше, чтобы У.К.Д. мог показать и запечатлеть *это* в умах тех, к кому это имеет отношение.

(Из письма Е.П.Б. 1889 г)

ДЕРЖИТЕ СВЯЗ НЕПРЕРЫВНОЙ! НЕ ДАЙТЕ ПРОВАЛИТЬСЯ МОЕМУ ПОСЛЕДНЕМУ ВОПЛОЩЕНИЮ!

(Последние слова Е.П.Б)

Выдержки Из Писем Е.П.Б. О Джаджэ

Следующие выдержки из писем Е.П.Блаватской в некоторых случаях являются пророческими. Письма адресованы нескольким людям, и их оригиналами владеют получатели. Часть из них написана в 1890 году, как будет видно по упоминанию о поездке в Америку миссис А. Безант. Два письма очевидно адресованы Джаджэ (согласно обращению), который был убеждён в том, что в связи с именуемым там предсказаниями, над дать их друзьям.

Если зная, что У.К.Д. — единственный человек в Эзотерическом обществе, в котором я уверена настолько, что не взяла с него клятву, не понимает меня или сомневается в моей любви или благодарности, тогда ко всему в придачу он, должно быть, *flap-doodle*. . . . Нет ничего, чего бы я для него не сделала, я связана с ним до смерти в радости и в горе. . . . Он говорит, пишет и публикует, что он является моим представителем (скорее представителем Великих Учителей, чем моим). Следовательно, ему легче сказать, что любые изменения исходят от меня. . . .

Посмотрите, будет ли он протестовать против того, что я о нём говорю в предстоящей Инструкции. Тогда умирая, я прокляну его. Он не знает, того, *что* знаю я. Его надо защищать, хочет он этого или нет. Слишком много ему приходится переносить, и он обессилен работой. Но также и я. И если он угрожает мне этим (отставкой), тогда лучше всего «закрыть предприятие» . . .

Сохрани его, наш Спаситель, снисходительный Иисус.

* * *

Он — тот, кто делает наилучшим образом всё, что может сделать. Этого для Них *достаточно*. Это надо сказать Джаджу. Его «Путь» начинает вытеснять «Теософа», и это замечательно.... Один этот журнал может квалифицировать его в теософии.

* * *

. . . О, мой бедный, избитый товарищ, чего бы я ни отдала, чтобы ему помочь. Я стараюсь быть с ним чаще. Часто я наблюдаю за ним. . . . Ему надо брать силу у того, кто бывает с ним чаще, чем он об этом знает.

* * *

Джадж . . . которому я, возможно, доверяю больше, чем Олькотту, или себе самой.

* * *

У Великого Учителя есть своя причина, по которой Он *хочет*, чтобы Джадж был избран пожизненно — Бог этому свидетель. Я, меньше чем ты, хочу чтобы <.....> или кто-то, кроме Джаджа был избран пожизненно. . . . Мне не нравится эта идея, потому что я *никому* больше не доверяю, кроме Джаджа и, может быть, Олькотта. Я потеряла веру в людей и потому (по праву) вижу и ощущаю запах Иуды везде. Но Джадж — это особый случай. . . .

* * *

Мой дорогой У.К.Д. . . . мой единственный друг. . . . Джадж столько сделал для меня последнее время, я настолько ему благодарна! Господи, я не никогда не знала, как я волнуюсь о нём лично. Нет ничего, чего бы я для него ни сделала... Я никогда не забуду верность Джаджа, его преданность, его непоколебимую дружбу.

* * *

Спасибо за всё моему дорогому, моему старому закадычному другу, защити его, Учитель. Его друг навеки.

* * *

Я доверяю Джаджу больше чем кому-либо в мире. . . . У него множество врагов, работающих против него тайно и открыто, как это <.....> делает. Сейчас я должна следить и противодействовать всем их махинациям, когда они пишут и говорят Олькотту, что Джадж — лжец и т.п. Это <.....> лжёт. . . . Я думаю о поездке в США с Анни Безант, когда наберусь духа.

Из писем к Джаджу:

Что ж, сэр и мой *единственный* друг, кризис приближается. Я заканчиваю «Тайную Доктрину», и *ты* должен будешь заменить меня или занять моё место в Америке. Я знаю, что ты успешно справишься, если твоё сердце выдержит, но оставайся преданным Великим Учителем, *их* Теософии и ИМЕНАМ. . . . Да помогут Они тебе и позволят *нам* благословить тебя. Мне предлагают любые деньги, доход, питание и жильё, всё это бесплатно, только для того, чтобы я поехала в Америку работать отдельно от тебя, иными словами *против*. . . . Я предпочитаю потерять всех до последнего американцев, включая <.....>, чем *тебя*. Возможно, вскоре ты узнаешь почему. . . . А теперь, пожалуйста, напиши мне просто (так, чтобы я могла прочесть), чего ты ждёшь от меня, и чего мне делать не следует. *Я даю слово*, что последую твоим указаниям. Нам необходимо взаимопонимание. До сих пор никто и никогда не говорил мне, что ты просишь сделать что-то. Напиши мне напрямую, и я сделаю всё. Прощай, мой «ирландский крокодил», и пусть Великий Учитель сохранит тебя.

* * *

. . . Дела и события могут быть повернуты невидимой рукой таким образом, что ты будешь единогласно избран на пожизненный срок, так же как Олкотт и я, чтобы продолжать работу после нашей смерти. Понимаешь ли ты, что это значит? Это значит, что если ты не согласишься, это сделает *несчастной* мою жизнь и *смерть несчастной*, поскольку меня будет преследовать идея, что это конец теософии. Несколько лет я не смогу помогать её продвижению, направлять её курс, поскольку я буду действовать в теле, которое должно ассимилировать состояние *Нирманакая*, ведь даже в оккультизме есть такие вещи как неудача, замедление и плохое приспособление к новым условиям. . . . Я учту всё, что когда-либо будет сделано тобой, мой любимый У.К.Д.

* * *

Если бы хоть на одно мгновение я подумала, что «Люцифер» «лишит жизни» «Путь», я бы никогда не согласилась быть его редактором. Послушай, мой хороший, мой старый друг. То, что однажды Учителя Мудрости провозгласили твой «Путь» самым *лучшим*, самым теософским из всех теософских изданий, определённно не позволит ему быть лишённым жизни. . . . Один из этих журналов — это борющийся, воинствующий Манас, другой («Путь») — это чистый Буддхи . . . «Люцифер» будет бойцом теософии, а «Путь» — его сияющим светом, Звездой Мира. Если твоя интуиция не шепчет тебе: *это так*, тогда должно быть она витает в облаках. Нет, сэр, мне не надо вмешиваться, «Путь» очень хорош и очень *по* — *теософски* редактирован.

* * *

Да, мой единственный друг, тебе это знать лучше . Посмотри, как я живу и попытайся представить хотя бы внешнюю сторону моей жизни, поскольку остального не видно. Подобно Вечному Жиду, обреченному на бесконечное скитание, я приговорена не выпускать пера из рук до конца жизни. Три обычных, здоровых человека едва могли бы делать то, что я должна делать одна. Я веду неестественный образ жизни, я — паровоз, мчащийся на всех парах, до тех пор, пока сила, вырабатывающая пар, не иссякнет, и тогда — до свиданья! . . .

Позавчера вечером мне показали общую перспективу Теософских обществ. Я видела нескольких серьезных и надежных теософов в смертельной схватке со всем миром, а также с другими, незначительными и амбициозными теософами. Первых гораздо больше, чем ты думаешь, и они победят, так же как ты победишь в Америке, если только останешься верным Великому Учителю и истине в себе самом. А вчера вечером я «видела» и сейчас, вернувшись в рамки земного сознания, я чувствую себя такой сильной и готовой до последнего дыхания защищать Теософию и тех нескольких, настоящих. Сил для защиты мало и надо благоразумно распределять их по всему миру, везде, где теософия борется против сил тьмы.

Готов ли Дждж помочь мне продолжать это жертвоприношение — принять и нести груз этой тяжёлой жизни? Я сделала выбор и навсегда. Я *остаюсь* в Англии, в самой середине воющих волков. Здесь во мне нужда и здесь я ближе всего к Америке. В Адыре зреет чёрный заговор против меня и бедного Олькотта».

* * *

Займи мое место в Америке сейчас а, когда я умру, — в Адыре. Если у тебя не больше личных амбиций, чем у меня, — а я знаю, что у тебя их нет, только воинственность, тогда для тебя не будет большей жертвы, чем для меня, иметь Олькотта моим Президентом. . . . В нашей работе я истинно с тобой, навсегда. Располагай мною. Я. . . . помогу тебе

всем, что в моих силах. . . .

Что сказать, я вырастила «Франкенштейна» [Теософское общество], и он стремится истребить меня. Только ты можешь спасти дьявола и сделать его *человеком*. Вдохни в него душу, если не дух. Будь его Спасителем в США, да будет с тобой благословение моих *старших*, а благословение твоих сойдёт на тебя. Твоя — старая, но единственная, которая готова пожертвовать своим духовным миром, если только ты начнёшь и продолжишь работу. . . . Но в то время, как шеренга вокруг нас становится всё реже, один за другим уходят наши лучшие интеллектуальные силы, превращаясь в самых жестоких врагов, я говорю: «Благослови чистых сердцем, у которых есть только интуиция, потому что интуиция лучше чем интеллект»

Всегда твоя Е.П.Б.

История повторяется.

Нижеследующее письмо Е. П. Блаватской, очевидно адресованное «Юлию», (см. «Путь» IX) датированное 19 марта 1887 г., Остенде, настолько подходит для настоящего момента, что мы получили позволение повторить его в этом издании. «Ирландский теософ», февраль, 1895 г.

Дорогой <.....>!

Узнав от моего дорогого, старого У.К. Джаджа о твоём добром отношении ко мне, а также получив от него похвальные ремарки в твой адрес, позвольте сказать, как я благодарна тебе за сердечное понимание.

Да, моя работа снискала мне оскорбление, бесчестье всякого рода, ненависть, злобу и клевету. Если бы только со стороны — я не придавала бы этому значения. Однако, как ни печально, это, в основном, «теософы», кто рвёт меня на куски. Наши мистические птички настолько мудры, что пачкают своё собственное гнездо, вместо того, чтобы оставить его и выбрать для этой цели что-то другое. Поистине, «в доме Отца Моего обителей много» (От Иоанна 14:2), но для мира мы нераздельны. Трудно представить, что мне надо было создавать «Франкенштейна» только для того, чтобы, обернувшись, он стремился разорвать меня на части!

Да будет так, если такова моя карма. «Баркис желает»* стать даже навозом для теософских полей, если это когда-то даст урожай. К сожалению "птички" выбирают даже навоз, и, исходя из этого, пока что, у нас есть только сорняки.

*Выражение «Баркис желает», как сказала Е.П.Б., было

мантрой спонтанно созданной Диккенсом. Она использовала это выражение, впервые обращаясь к определённым людям на собраниях (или письменно). Произнесенное ею, это выражение обладало такой особенной силой, что приводило в смятение того, кто слышал его звучание из её уст.

* * *

Дорогой далёкий друг, это совершенно секретно. Я открываю тебе мое старое, больное сердце. Если у Джаджа о тебе столь высокое мнение, *ты должно быть* стоишь того, что он о тебе думает.

Имей терпение. «Тайная Доктрина» научит тебя гораздо более определённым вещам, чем когда-либо это могла сделать «Изида». Она была всего лишь «раздутым эссе». Я надеюсь, что ты будешь удовлетворена последней и окончательной работой моей жизни.

С искренней и сердечной благодарностью

Е. П. Блаватская

Воспоминания Учеников и Друзей об Уильяме Джадже

Я впервые встретил Уильяма К. Джаджа зимой 1885 года. Он тогда увлечённо изучал «Бхагавадгиту». Он носил её с собой повсюду. С этих пор и навсегда она стала его любимой книгой. Её наставления формировали его жизнь и его работу. Джадж в большей степени, чем кто-нибудь, кого я когда-либо знал, владел невозмутимостью ума и мастерством в действиях. Именно этим качествам учит эта «книга беззаветной преданности», провозглашающая своей основой Йогу или единство с Высшим Духом. Он был непоколебим в своей преданности. Он всегда уверенно и твёрдо стоял «на якоре», и в этом была его сила. У него была удивительная способность работать самому, а также огромное умение руководить людьми. Страсти или слепая ненависть никогда не мешали ему. Даже тогда, когда подвергался враждебным нападениям открыто, он твёрдо придерживался своего курса, работая ради единственной цели своей жизни — успеха Теософского общества.

Так он работал до самого конца вместе со сплотившимися вокруг и помогавшими ему друзьями. Люди, живущие по другую сторону океана, никогда не понимали ни позиции мистера Джаджа в Америке, где он был хорошо известен по своей деятельности, ни того, как невозможно было поколебать уверенность в нём. Это правда: то, что о нём говорили, выглядело сугубо личным, и потребовалось время, чтобы истинная природа этого дела стала ясна всему Обществу. Однако, после того как

люди подумали, и всё прояснилось, решение оказалось ошеломляющим. Те, кто присутствовали на конференции в Бостоне, в апреле прошлого, 1895 года, когда сформировалось Теософское общество Америки, никогда не забудут того, что там произошло. В прошлом я не был свидетелем подобной сцены и не ожидаю такого в будущем, хотя приходилось председательствовать на многих конференциях, как медицинских, так и теософских. Там не было шумной демонстрации, но сам воздух трепетал от симпатии к нему и благодарности.

Он никогда не был ограниченным, эгоистичным или самодовольным. Он мог тут же отбросить намеченный им план, если предлагали лучший, радовался, если кто-то брался исполнять намеченную им работу и немедленно начинал другую. Выполнять работу и двигать вперёд теософское движение, казалось, было единственной целью его жизни. . . . Зная мистера Джаджа, как я его знал, общаясь с ним день за днём — дома, в напряжении работы, во время длительных путешествий по мало населённым пустыням или по безбрежному океану, проехав с ним расстояние равное двум длинам экватора, я ни на йоту не сомневался в его связи с Великой Ложей и его работе для неё. Он работал для Учителей Мудрости наилучшим образом, и, следовательно, исполнил предписание Е.П. Блаватской «хранить в целостности связующее звено».

Д. Д. Бак

Последние четыре года наше общение с Уильямом Джаджем носило, в основном, личный характер, и большую часть этого времени мы провели под одной крышей. У меня была прекрасная возможность изучить его характер, и я без колебания высказываю своё мнение о нём.

По всем моим наблюдениям в жизни Уильяма К. Джаджа не было ни одного эгоистичного поступка или желания добиться какой-то личной цели.

Возможно, я не могу оценить оккультную деятельность этого человека, о котором вспоминаю с такой огромной благодарностью. По крайней мере, я могу сказать о том, что проходило перед моими глазами в его повседневной жизни. Во всех, без исключения, делах он проявлял бескорыстие, честность, великодушие и все другие достоинства, которые мы так высоко ценим в людях. Строгость, которую некоторые видели в нём, была внешней. Он не был терпеливым к глупости и малодушию, однако и они вызывали в нём скорее жалость, чем осуждение. Ничто не ставило виновного за черту его симпатии и внимания, за исключением упорства в явной трусости и предательства теософского дела.

В нём не было ни малейшего желания постоянно объяснять или оправдывать свои поступки. Он верил, что правильное действие с хорошим намерением в настоящий момент приведёт к соответствующему результату. Даже когда случалось что-то, что очевидно требовало особого объяснения и оправдания, он, обычно, ни объяснял, ни оправдывал свои действия. Наиболее разительным

примером этого является письмо, которое я получил от него в 1887 году, в которое было завёрнуто другое послание, содержащее сообщение, написанное знакомым почерком, поскольку подобные «голубые» письма часто демонстрировались как «сообщения Великих Учителей».

Вложение было прямым объяснением вопроса, намёк на который был сделан в письме Джаджа. А когда я шутливо написал о его старании «проявить» сообщение ради меня, он ответил прямо и откровенно, что ничего такого он не делал. В противоположность своему обычаю, он предложил теорию, как технически это можно осуществить. Несколько лет спустя мы встретились в Сент Луисе, и я показал ему письмо и вложение. Какое-то мгновение он смотрел на бумаги с обратной стороны, после чего, глядя прямо мне в лицо, просто сказал: «Я не могу объяснить, это совершенно очевидно». На этом разговор закончился. При всей моей вере в его честность, возможно, я сомневался в нём тогда. Возможно позднее на меня повлияла молва о «мошеннических» письмах. Но годы спустя, независимо от Джаджа, я выяснил правду об этом деле, и моя вера в его искренность был оправдана с лихвой.

Уильям К. Джадж меньше всех остальных моих друзей и знакомых тратил время без пользы. Казалось, что он никогда не отдыхает, потому что работа была его отдыхом. При этом его никак нельзя было назвать необщительным человеком.

. . . В течение последних нескольких лет он, казалось, всё больше и больше углублялся в работу. Но как бы много работы ему не приходилось делать, а её было достаточно, чтобы привести в ужас обычного человека, он никогда не отказывался взять на себя чей-то груз, если это могло принести пользу теософскому движению, в которое он был так глубоко погружён. И несмотря на то, что Джадж был очень сильно занят, он оставался одним из самых доступных людей, кого я когда-либо знал и одним из немногих, кто всегда был готов принять предложение. Он не знал всего и понимал это, но при этом умел применить то, что находилось под рукой.

Он всегда был моим добрым другом, от которого за все прошедшие годы я никогда не слышал ни одного грубого слова. Однако мне было известно, что в отношениях с многими «ирландский паренёк» иногда становился между ним и другими. Его истинная внутренняя жизнь для тех, кто её знал, была достаточным объяснением его очевидных противоречий и ошибок на плане повседневной жизни, общей с остальным человечеством. Но я не могу вообразить, чтобы он когда-нибудь намерено обидел или предал кого-то.

Эллиот Б. Пэйдж

Летом 1894 года Джадж оказал нам любезность, остановившись в нашем доме на несколько недель. В течении этого времени он проводил с нами по крайней мере один вечер в неделю до тех пор, пока болезнь не заставила его покинуть Нью-Йорк. Каждый день он приходил из офиса изнурённым умственно и физически. И каждую ночь он лежал без сна,

борясь со стрелами подозрения и сомнения, пущенными в него со всего мира. Он говорил, что эти стрелы пронзают его, подобно огненным копьям. А по утрам он спускался вниз измученный, бледный и совсем не отдохнувший, ещё на один шаг приблизившимся к пределу своих сил. Но его дух оставался добрым и великодушным.

Поистине, *они* не знали, что делали.

Самым поразительным свидетельством его величия была мудрость, с которой он относился к разным людям, и безграничное знание характеров, которое он проявлял в руководстве своими учениками. Не существовало двух людей, к которым он относился бы одинаково. Наиболее приятными чертами его характера были симпатия и мягкость по отношению к людям. Говорили, что никто никогда не касался «больного» места человека с такой бесконечной нежностью. Я знаю многих, кто предпочитал, чтобы Джадж выругал и поправил его, чем получить похвалу кого-то другого.

Нескольким из нас выпала удача знать кое-что об истинном Эго, которое использовало тело Уильяма К. Джаджа. Однажды он потратил несколько часов описывая нам с женой опыт своего Эго, принявшего на себя контроль за телом, полученным для использования на многие годы. Этот процесс освоения был не быстрым и не лёгким и, определённо, далёким от совершенства, потому что до самого дня смерти физические склонности и наследственность тела, используемого Джаджем, неожиданно проявлялись и мешали полному выражению мыслей и чувств внутреннего человека. Время от времени замечаемые в нём резкость и холодность поведения относились к недостатку согласованности между Эго и телом. Конечно, Джадж прекрасно знал об этом и был обеспокоен из-за страха, что друзья могут посчитать это отношение его истинными чувствами. Он всегда держал свои мысли и действия под полным контролем, но его тело иногда слегка меняло их выражение.

В декабре 1894 года Джадж сказал мне, что, согласно карме, его тело должно прекратить своё существование в следующем году и для того, чтобы преодолеть этот период, необходимы экстраординарные средства. В это время он ожидал, что сможет успешно с этим справиться и использовать это тело ещё много лет. Но он не учёл ни атак извне, ни внутреннего напряжения, вызываемого баталиями вокруг него. Всего этого, вместе с наследственностью тела, оказалось слишком много даже для его воли и сил. За два месяца до смерти он знал, что умрёт, но даже при этом ему было трудно справиться со своей неукротимой волей. Ещё два ужасных месяца он тащил свое бедное, подверженное мучительной боли тело в последнем, сверхъестественном усилии не покидать друзей. А когда он решил уйти, то те, кто любил его больше всех, хотели этого сильнее, чем другие. Я благодарен Богам за данную мне привелегию знать его и благословение называть его моим другом.

Д. Хайджо

Моему интересу к теософии предшествовало знакомство с Уильямом К. Джаджем. Нас познакомил газетчик, говоривший о нём, как о абсолютно честном, хорошем человеке, однако интересующийся какой-то непонятной восточной философией, знание которой не избавляет практичного человека от трудностей в её понимании. Если моя память не подводит, мы впервые встретились, когда в присутствии нескольких репортёров Е.П. Блаватскую заставили установить связь с призрачными останками ночного сторожа, утонувшего в Истривэрском доке. Всё происходило под руководством заметно выделявшегося и авторитетного Олькотта. Здесь же присутствовал Джадж, сдержанный и молчаливый. Привидение стеснялось, и репортёры были полны сарказма. Олькотт был единственным, кого раздражал их юмор. Джадж понравился репортёрам, благодаря спокойствию и доброму характеру. Особенно сильное впечатление он произвёл на меня, и это впечатление углублялось со знакомством, продолжавшимся до конца его жизни.

В продолжение этого времени я имел возможность наблюдать за ним во многих ситуациях, когда его гнев можно было бы прекрасно понять. При этом его поведение всегда оставалось одинаковым — добрым, участливым, сдержанным и не только в той мере, как этого можно ожидать от джентльмена, но как будто оно инспирировалось гораздо более высокими соображениями, чем простое уважение к правилам хорошего тона. Он всегда искал смягчающие обстоятельства даже в явном упрямстве людей. Какими бы предательскими и злобными не были их действия по отношению к нему, он старался, по — крайней мере, увидеть в них честность цели и добрые намерения. Это выглядело так, будто он хотел верить, что люди делают зло не из предпочтения, а только из-за того, что не знают огромного преимущества добра. Результатом этого была большая терпимость к людям.

Кротость духа, кстати, очень редкая в обычно нервных и умных ирландцах, не делала его слабым или мягким человеком. Его нельзя было принудить делать что-то противоречащее его суждению или повлиять на изменение обдуманного им курса действий. А умение тщательно взвешивать обстоятельства было одной из самых сильных черт характера Уильяма Джаджа. У него был очень активный, быстрый и находчивый ум, но я не могу припомнить, чтобы он когда-либо доверял своим импульсивным реакциям без тщательной оценки ситуации. Часто случалось, что те вопросы, в которых я не видел особой важности, поскольку они не выглядели альтернативными и, казалось, что решение можно принять немедленно, он откладывал, чтобы тщательно обдумать за ночь, а иногда даже дольше. И должен откровенно признать, что, как правило, они оказывались намного более важными, имеющими более серьёзные последствия, чем казалось вначале, полностью оправдывая его осторожность.

Сейчас, да и в какой-то степени в прошлом, у меня не было сомнения, что он получал помощь и указания, направляющие его к

правильным решениям, от Существ со способностью предвидения гораздо большей, чем у обыкновенного человека. Но, когда я впервые заметил его привычку откладывать решение, я считал её просто склонностью к обдумыванию, мало свойственной ирландцам осторожностью. Многие журналисты много работают, но я никогда не встречал, даже в таком трудном деле как журналистика, кого-то, кто был также неутомим и настойчив как Уильям К. Джадж. Как бы ни старались работающие с ним люди облегчить его нагрузку, их усилия были безнадёжны, потому что свободная минута, когда он мог бы отдыхать, для него была возможностью подумать о том, что ещё надо сделать.

Д. Г. Каннелли.

Его жизнь являлась примером того, как выразительно, убедительно и эффективно, без эксцентричности или однобокости можно представлять людям новые идеи, оставаясь с ними в контакте, короче, не выглядеть чудаком.

Те, кто слышал его выступления, помнят ту точность, с которой его ум выявлял сущность предмета, простоту его речи, искреннюю самоотверженность, излучаемую этим человеком. Здравый смысл был выдающимся качеством Джаджа. У него был ораторский талант, но ещё большее чувство соизмеримости, способность пользоваться словами уместными, простыми, не привлекающими к себе внимания элементами или носителями речи. Его предложения были простыми и короткими, манера выражаться — невозмутимая и спокойная. Но всё, что он говорил, запоминалось, потому что его слова апеллировали к чувству истины. Казалось, что они «насыщают», подобно тем оросительным системам, которыми гордятся фермеры, в то время как «поток красноречия» уносится, оставив землю сухой.

Правда это или нет, как говорили, но вполне может быть, что У.К.Джадж был одним из тех, кто подписал Декларацию Независимости. У него были качества характерные для лидеров того периода. Он был энергичным и умным человеком с преобладающим чувством здравого смысла, исходившим не из консерватизма, а от сбалансированного качества, приводящего интеллект к ясному суждению, а безрассудную, несдержанную энергию к спокойной, ритмичной работе.

Из-за отсутствия этого качества интеллектуальный потенциал Французской революции внёс в неё хаос призрачных проектов, а её эмоциональная и витальная энергии были потрачены на разрушительные азарт, ярость и пустословие.

У. Мэйн

Постоянно помогая другим в их духовном развитии, мистер Джадж умел беречь силы и энергию. Когда кто-то начинал работать под его руководством, то сначала удивлялся, возможно даже был раздражён его наставительством в мелочах. Рабочий стол надо содержать таким-то образом, макать перо так, делать записи и копировать свои письма таким способом, а не так, как ты привык. Сейчас стало ясно, что внимание к

этим мелочам ускоряло работу, уменьшало затраты энергии или давало большую свободу уму, часто обретаемую при облегчении физического труда. Всё, что он делал, имело смысл, если ты мог сопоставить всё вместе.

Мои мысли о нашем помощнике и учителе почти всегда связаны с будущим. Он никогда не оглядывался назад, а всегда смотрел вперёд. Умственно и физически постоянно загруженный обязанностями сегодняшнего дня, всем своим сердцем он устремлялся в будущее, песня его души вторила музыке грядущих циклов. Для нас он был не человеком, вышедшим из нашей среды, а духом, освобождённым для выполнения важнейшей миссии. Он радовался свободе, светясь сочувствием и силой. Для его природы не было преград, но он подчинялся повсеместно действующим божественным законам. Он называл себя человеком «больших желаний». Недавно он написал, что сейчас нам следует сосредоточить наше внимание на работе в США, чтобы создать там «совершенно исключительное и предельно защищённое место для теософии».

Он видел и видит это будущее в его гармоничном развитии. Оно предвещает освобождение человечества; оно разбивает оковы тех, кто заточили себя, оно даёт наказ человеческим душам быть свободными. Сегодня, сейчас, оно пробуждает силы внутреннего человека... Волшебница-смерть открыла дверь, чтобы показать это. И эта дверь никогда не закроется для тех, кто преданны. Преданность является единственным условием. Сдвиньте ряды и позвольте Преданности быть посредником небесных сил. Увидеть, что Америка, стала колыбелью новой человеческой расы, что она приспособливается для помощи и подъёма этой расы, готовит уют и дом для будущих Эго — для этого он работал, для этого будут работать те, кто придут за ним. И он работает с ними.

Джулия У.Л. Китли

Друг в прошлом и в будущем — таким мистер Джадж представляется мне и, без сомнения, многим другим в этой и других странах.

Первым, прочитанным мною теософским трактатом «Теософский конспект». (На русском языке озаглавлен «Краткое содержание теософской доктрины». Сборник «Океан Теософии», Орехово — Зуево, 2003. — Перев.) Наша первая встреча с ним полностью изменила мою жизнь. Я всегда доверял ему, как и все другие, кому он верил. Мне кажется, что «доверие» — это обязательство, которое связывает, оно — сила Движения, потому что оно идёт от сердца. Доверие, которое он вызывал, не было слепым, поэтому со временем, когда ученик становился более энергичным, стойким и преданным, «истинный У.К.Д.» открывался ему всё больше и больше, пока сила, исходящая от него, не становилась повсеместной помощью в работе каждого. Так и по сей день, он остаётся живым центром в каждом доверившемся ему

сердце, фокусом для Лучей грядущего «великого вестника».

Поскольку я принимал активное участие в работе Бостонского теософского общества, моя карма сводила меня с ним в разных обстоятельствах, в критических ситуациях, местных и общих, которые Теософское общество благополучно миновало. Его голос всегда звучал обнадеживающе или предостерегающе, его рука направляла дела к гармоничному исходу. У меня есть много доказательств его экстраординарных организаторских способностей, его удивительного проникновения в характеры и способности индивидуумов, его умения превратить в силы добра то, что казалось злом.

О том, что он был «окультистом высокого уровня» многие знали по собственному опыту, но никто не понимал глубины его способностей и знания. Многое из того, что сейчас скрыто, проявится в будущем и покажет истинный размах его жизни-работы. Мы знаем, что для нас эта жизнь — работа была неопенимым благом и через нас это благо должны получить другие. Великие Учителя, Е.П.Б. и У.К.Д. указали нам, как надо действовать, и мы снова обратимся к лозунгу, который получили от него, когда не стало Е.П.Б.: «Работать, наблюдать и ждать». Нам не придётся ждать долго.

Если говорить о мистере Джадже таком, каким любой из нас знал его, обыкновенном человеке, то он был застенчивым, непритязательным, скромным, сильным, терпеливым, мягким и смелым. Его блестящие организаторские способности можно сравнить только с теми, которыми обладала Е.П.Б. и он пользовался ими только для одной цели: облегчить путь тем, кто следует дорогой знаний. Он был добрым и терпеливым, что не часто сочетается с огромной силой. Замечательный организаторский талант сочетался в нём с умением распознать истинные намерения и мысли других. Он видел предателей среди окружавших его людей, мог читать в сердцах тех, кто хотел ранить его, и, тем не менее, во всех своих отношениях с ними, облегчая им путь, всегда оставался добрым. А когда его друзья обвиняли того, кто ранил его больше всех других, он говорил только одно: «Неважно, что делают другие. Никого не выбрасывайте из своего сердца. Делайте своё дело, и работа даст плоды в будущем. Ошибки других, исходящие от невежества, обратятся в ничто. Придёт время, когда мы все обретём силу, когда те, кто временно покинули нас, придут обратно. И мы, как сильные братья, будем ждать их с распростёртыми руками, поможем им найти путь и исправить ошибки, сделанные ими по незнанию».

Роберт Кросби

Уильям К. Джадж был великим Адептом, как ни скрывался за физической оболочкой его истинный человек. Разве разумно предположить, что в то время, когда врагами Великой Ложи были такие интеллектуальные гиганты эры апофеоза материалистического агностицизма как Спенсеры, Миллзы, Хаксли и Дарвины ОНИ послали бы новичков или младенцев сражаться ради блага мира? Нет. Они

послали своих самых лучших и самых храбрых. И если этому нет иных доказательств, тогда той работы, которая выполнена, будет достаточно. Царственно сошла в Армагеддон Е.П.Б, поражая учёных своей мудростью, высмеивая материализм замечательной демонстрацией сверхъестественных, на первый взгляд, сил. Но она была Странствующим рыцарем, сражавшимся под бой барабанов, под лязг и шум, восторг и славу царственного турнира. У. К. Джадж не менее царственно выполнял княжеские обязанности на своём тихом, незаметном поле сражения. Его местом, его задачей было учить этике, отвести манию феноменов и чудес в более здоровое и устойчивое русло любви к своему ближнему. Е.П.Б. заложила хороший фундамент, но крепко и надёжно строить на нём было оставлено Уильяму.К Джджу.

Отдавая должное Адепту, нам не следует терять из виду и человека, потому что он был великим в своей обычной жизни. Тем, кто видел как, отложив в сторону все дела, он в момент становился любящим веселье, радостным товарищем, не нужно напоминать об этой прекрасной черте его характера. Для детей, а также для людей скромных и незаметных в Теософском обществе он был чудесным явлением. Они слушали его с благоговением, приближались к нему со страхом и трепетом, но сразу же узнавали своего и навсегда оставались его преданными друзьями. Это удивительно, как бесконечно любили и доверяли ему самые незаметные из нас, кому довелось встретиться с ним лично.

Джером А. Андерсон.

Я познакомился с ним в 1888 году. Он был единственным человеком в моей жизни, с которым я чувствовал себя всегда и во всём в полной безопасности. Мне казалось, что глубина его знаний беспредельна. Полное подчинение одному идеалу делало его характер уравновешенным. Его мысли и дела исходили от души, а не мотивировались искусственно. Ему было безразлично, какое впечатление произведёт что-либо сказанное или сделанное им, ибо в нём, практически, отсутствовала личная заинтересованность. Он всегда был искренним, за исключением случаев, когда позволял личности взять верх и подчинялся особенностям и специфическим привычкам своей человеческой природы. Но при этом он полностью сознавал, что происходит.

Он обладал способностью наблюдать и синтезировать обстоятельства, людей и события. Я относил это к тому, что люди, иногда, называют оккультным знанием. Он был оккультистом. Благодаря способности самоконтроля, он мог остановить бурное блуждание ума и, поддерживаемый стремлением к идеалу, став внутренне спокойным и увидеть любую ситуацию беспристрастно. Надо ли удивляться его ясновидению! В теософских делах его душу и ум освещал и оживлял глубокий интерес. Возникал ли какой-то вопрос или проблема, он всегда рассматривал их, в первую очередь, в свете своего идеала духовной общности Всех, Истинной Сущности. В этом понимании содержалась

возвышенная гармония и способ регулирования для всего, находящегося в её источнике.

Он утверждал, что с этой философией знакомит нас книга из книг, «Бхагавадгита». Он привык говорить, что «Гиты» и «Тайной Доктрины» для него было вполне достаточно, чтобы попытаться понять и следовать в этой жизни.

Джадж никогда не старался сделать вещи незатейливыми и простыми. . . . Некоторые называли его «Раджа». Однажды, после долгого периода тревог, волнуясь и беспокоясь о своих делах, сам не сумев прийти к определённом выводу, я написал ему и спросил, какой урок мне надо извлечь. Он ответил так: «Этот урок не отличается от других уроков жизни. Это карма, которая кажется больше, потому что касается наших обстоятельств. На самом деле она не больше, чем маленькие кармы других людей. Спокойствие и безразличие к результатам — это самый лучший урок, который можно извлечь. Хорошо, если всё закончится хорошо. Если бы ты был спокоен и не терял равновесия, было бы лучше, потому что ты не создал бы новую карму тем, что был привязан чувствами к происходящему. Кроме того, спокойствие, больше всего другого, сохраняет здоровье во всех делах и даёт уму свободу для правильных действий».

От него я научился отделять принципы от условий. На все вопросы он смотрел с точки зрения принципиальной сути дела, без интереса к личности, от которой это исходило. Быстрое понимание каждой ситуации вместе с применением его опорных принципов, давало возможность всегда найти правильное решение.

Когда мы следовали его совету, основываясь на его собственном примере, в решении любого дела, касающегося или нет теософской работы, это неизменно упрощало самые сложные ситуации. Другими словами, во всём, чего он касался, его правилом было найти правильную точку зрения и установить гармонию. Он не был спорщиком, потому что, по его мнению, в споре никого нельзя окончательно убедить, «каждый должен вытесать своё собственное убеждение». Вместе с этим он был легкодоступным, мягким, понимающим, и, в то же время, крепким и сильным, когда бы и где бы ни возникала необходимость сказать свое слово в подходящее время или действовать, не откладывая.

И. Август Ниршимер

В личности мистера Джаджа мистические способности соединялись с пронизательностью практикующего юриста, организаторские данные большого лидера и замечательный здравый смысл, столь редкий в восторженных людях. . . . В своём учении он настойчиво воплощал то, что услышал пророк Иезекииль, когда Глас Вопиющего сказал ему: « . . . стань на ноги и Я буду говорить

с тобою» (Иез.,2 :1).

Шеф настаивал на честности и самостоятельности, настойчиво отказывался поддерживать всё, что отличалось слабостью,

недостаточной уверенностью или того, что Е.П.Б. так нравилось называть «флап-дудл и гаш»(глупости и

излияния. — Перев.) Он был непреклонен к тем, кто ожидал, что может достичь желаемого, цепляясь за его одежду. Но, когда к нему приходил кто-то действительно нуждавшийся в помощи, он быстрее всех протягивал руку, чтобы с ясной улыбкой поддержки ответить только то, что было необходимо, и не более.

Он был лучшим из друзей, надёжным, но не навязчивым. В нём реализовалось прекрасное описание идеального друга, данное Эмерсоном, в котором соединились два наиболее важных элемента дружбы, чуткость и правдивость. «Наконец-то я встретил человека настолько подлинного и равного, что я могу обходиться с ним с той простотой и цельностью, с какой один химический атом реагирует с другим. . . . С человеком большого сердца он мог стать близким на святой почве, оставаясь при этом чужим в тысяче мелочей».

Шеф всегда был доступен, когда дело касалось этой «святой почвы» преданности высокой цели, единственного его желания приносить добро другим. С неустрашимым мужеством, острой проницательностью, быстротой решения, беспредельным терпением, делавшим его характер таким сильным, соединялись тёплые чувства, остроумие, почти мальчишеская весёлость, которые делали его характер очень привлекательным. . . .

В одном из последних посланий Шефа к нам говорилось: «У вас должна быть цель — совершенствоваться в маленьких обязанностях повседневной жизни». . . . Есть прекрасная сказка о Рокасе, который не узнал в жужжащей около него пчеле посланника Дриады и из-за этого потерял её любовь.

Катерина Хиллард

Когда те души, реальность которых мы чувствуем сильнее всего, уходят в вечность, только тогда возможно понять, что невидимое, но внутренне ощущаемое присутствие нашего друга, является настоящим доказательством, что он тут, что исчезновение и растворение внешней, видимой оболочки не повреждает и не наносит ущерб истинной Сущности, которой не видно. Такое знание и понимание достигается огромным трудом и ценой потери лучшего из друзей. Но если цена так велика, то и достижение настолько огромное, что его невозможно переоценить. Ибо оно сравнимо только с первым успехом в сражении с целой вселенной, куда мы приходим, чтобы открыть для себя ту часть нашей природы, которая способна встретить лицом к лицу, победить и пережить всё и выйти из сражения сияющей и торжествующей. Но вселенная и смерть — это не противники, они только вездесущая Жизнь, и мы — это Жизнь.

Чарлз Джонстон

Он повлиял на мою жизнь, и, я совершенно уверен, на жизни тысячи других, намного сильнее, чем я когда-либо представлял. И чем больше

проходит времени, тем яснее для меня, что мы должны признать этот факт.

. . . Он ни у кого не требовал клятвы верности, он никого не просил о любви и преданности. Его ученики приходили к нему по своему собственному желанию и согласию, и он никогда покидал их, но давал, не скупясь и большей мерой, чем они просили и чем могли или хотели бы использовать. Он всегда был немного впереди событий, а это значит — он был настоящим лидером.

И. Б. Рамбо

Джадж был самым лучшим и самым истинным другом, который был у человека когда-либо. Е.П.Б. сказала мне, что я должен найти в нём эти качества, потому что она доверяла ему и любила, как никого другого. Я думаю о том, что потеряли в своей жизни те, кто преследовали его, что они потеряли, когда прошли мимо огромной драгоценности, которая была рядом. Мне больно от их потери, меня приводит в шок невероятная загадка этой Жизни. В нём его враги потеряли в своей земной жизни самого истинного друга. И, хотя, это ограниченность скрыла Джаджа от них, подобно тому как наши недостатки прячут от нас Духовное Добро, мы должны помнить, что этот замечательный пример бескорыстия и прощения стал возможным в силу этих же недостатков. Благодаря Джаджу, жизнь, прожитая Иисусом, приобрела для меня реальность.

Арчибалд Китли

Уильям Джадж, более, чем любой из тех, кого я знаю, приближается к моему идеалу *человека*. Он был тем, кем я хотел быть. Е.П.Б. была чем-то большим, чем человек, она была космической силой. У.К.Д. был замечательно человеческим: он проявлял себя с восхищающей непосредственностью, только ему присущим образом и с очень редкой для людей искренностью. Его сильное влияние продолжается в настоящем и упорно, как всегда, следует в одном направлении — работы для дела Великих Учителей.

Томас Грин

Встречаясь с ним часто и при различных обстоятельствах, я знал его в какой-то степени близко последние 8 лет. И никогда, ни в одном случае он не потерял моего уважения и любви, и я в долгу у кармы за привилегию знакомства с ним. Хорошее, простое лицо и непритязательные манеры, любящий характер, бесконечная доброта и честная дружба сочетались с таким здравым смыслом и знанием дел, что его приезд всегда приносил радость, а его пребывание было удовольствием. Дети с любовью вешались на него, когда он сидел после обеда и рисовал для них картинки.

А. Г. Спенсер

Я верю, что для всех своих учеников он был одинаковым — таким всеобъемлющим было его сочувствие, таким глубоким было его понимание каждого сердца. Я — всего лишь голос, выражающий чувства сотен людей в мире, когда говорю, что мы скорбим по самому нежному

из друзей, самому мудрому из советников, самому отважному и благородному из лидеров. Каким должен был быть такой человек, чтобы людей самых различных национальностей, мнений и веры притягивало силой любви к нему и таким путём друг к другу. Не было трудности, которой он не постарался бы одолеть, не было большого места в сердце, которое бы он не чувствовал и не стремился исцелить.

Д. Л. Д.

Джадж жил сотни жизней. Все другие тоже, но очень немногие помнят о них. Существование мистера Джаджа веками было сознательным, был ли он живым или «мёртвым», спал или бодрствовал, был ли он в физическом теле или бестелесным. Я думаю, что в раннем возрасте своей последней жизни, он не был полностью в сознании все 24 часа в день. Но несколько лет назад он подошёл к моменту в своей жизни, начиная с которого он никогда не терял своего сознания ни на момент. Спать для него значило просто выплыть из своего тела, полностью владея всеми его способностями. Таким же образом он и «умер» — просто оставил своё тело навсегда. В других телах и под другими именами он играл важную роль в мировой истории, иногда как заметная, видная фигура. В другие времена он тихо работал за сценой, или, как в последней жизни, был лидером филантропического и философского движения.

Клод Фалз Райт

Высокая оценка У. К. Д. скульптором

Нижеследующее появилось в издании «Нью-Йорк джорнал» 7 мая 1896 года и является оценкой характера последнего главы нашего общества с точки зрения, признанной лишь немногими в Теософском обществе на этой, скептической стороне Атлантики. В Америке френология, как научный метод оценки характера и способностей является общепризнанным фактом. Мистер Линдстром, чья речь приводится здесь, похоже, в основном, базируется на френологических наблюдениях. Очевидно, он настолько верит в эту науку, что она побудила его присоединиться к Теософскому обществу, опираясь на её сведения о благородном характере.

Август Линдстрем, никогда не видевший мистера Джаджа в жизни, сделал слепок с головы умершего. Со слепка был сделан бюст, открытие которого состоялось в Мэдисон Сквэр Гардэн во время недавней конференции теософов. Вчера мистер Линдстрем сказал:

«Делая посмертную маску, я был потрясён формой головы Джаджа, которая разительно отличалась от всего, что я когда-либо видел. Головы большинства выдающихся людей показывают развитие какой-нибудь одной, возможно нескольких способностей в ущерб другим. Я сразу же заметил, что голова мистера Джаджа свидетельствует о высоком, равномерном и хорошо сбалансированном развитии всех способностей. Это удивительное сочетание огромной силы воли с развитой в равной степени мягкостью, высшая практичность и приспособляемость с высоко идеалистичным характером, гигантский интеллект рука об руку с бескорыстием и скромностью.

Я знаю только две головы в истории человечества, которые можно сравнить с его — Микель Анжело и Саванороллы. С задней стороны голова Анжело наиболее похожа на голову мистера Джаджа, однако есть разница в форме лба.

В дополнение к маске у меня было шесть фотографий для помощи в моделировании бюста. Сравнивая эти фото, я изучал оригинал. Одно из них, сделанное в то время, когда ему было 20 лет, я положил рядом с фотографией сделанной год назад, когда ему было 44 года. Разница между ними такая, что никто не верит, что это фото одного человека. Это говорит о том, что, благодаря огромной силе воли, он одолел все свои юношеские наклонности, в результате чего полностью изменилась форма его черепа. Я смело утверждаю, что другую такую высоко развитую голову невозможно найти от штата Мэйн до Калифорнии. Он едва успел составить план работы, как был унесен смертью в самую пору расцвета. Прожив до семидесяти, он смог бы повлиять на всю нацию.

Я считаю, что из всех черт нос наиболее точно определяет характер. Его нос был самой выдающейся чертой его внешности. Он показывал огромную силу и одновременно полный контроль над каждой мыслью и каждым действием, свидетельствовал о деликатности и чувствительности его натуры. Его рот отражал нежность и твёрдость в равной мере. Скулы свидетельствовали о силе воли. Мягкие волосы показывали утончённость и доброту. Взятые вместе всё это свидетельствовало о гармоничном развитии, отсутствии пороков. Внимательное изучение его головы в каждом аспекте доказывает, что он был великий и благородный человек. Если такой человек посвятил свою жизнь Теософскому обществу, я думаю, что у такого общества великая миссия, и прошу принять меня в его члены».